

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»

На правах рукописи

Первошиков Дмитрий Викторович

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В УДМУРТИИ В 1941–1949 гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Бехтерева Людмила Николаевна

Ижевск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ЛАГЕРЯХ НКВД (МВД) СССР, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ.....	34
§ 1.1. Размещение, условия содержания, снабжение спецконтингента.....	34
§ 1.2. Численность и национальный состав военнопленных.....	79
§ 1.3. Антифашистские и культурно-воспитательные мероприятия в лагерях.....	91
ГЛАВА 2. МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ.....	112
§ 2.1. Спецгоспитали в УАССР.....	112
§ 2.2. Медико-санитарное обеспечение в лагерях.....	133
ГЛАВА 3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СПЕЦКОНТИНГЕНТА.....	145
§ 3.1. Военнопленные в промышленности и строительстве.....	145
§ 3.2. Заработная плата военнопленных.....	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	192
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	208
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вторая мировая война не только оставила весьма существенный след в истории, но и являлась переломным событием XX в. Оно было настолько значительным и глобальным, что результаты и последствия периода 1939–1945 гг. до сих пор оказывают заметное влияние на развитие многих стран и народов. Грандиозность этого вооруженного противостояния предопределила многообразие составивших его событий и фактов, некоторые из них продолжают оставаться малоисследованными. К их числу относится содержание в СССР иностранных военнопленных из армий гитлеровского альянса. Данная тема, привлекавшая внимание публицистов и краеведов, в течение значительного периода времени по причине преобладания определенной конъюнктуры и недоступности засекреченных архивных материалов не была в достаточной мере отражена в научных публикациях.

Однако в последние десятилетия после рассекречивания документации, относящейся к военнопленным из вермахта и союзных ему армий, наблюдается повышенный интерес к этой проблеме. Он обусловлен недостаточным уровнем разработанности темы, довольно обширным количеством малоисследованных данных, редко подвергавшихся серьезному анализу. Существует ярко выраженное несоответствие между степенью изученности вопроса и той заметной ролью в послевоенном восстановлении промышленности и хозяйства Советского Союза, которую сыграли бывшие военнослужащие из разгромленных армий фашистского блока.

Ситуация в лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ¹) НКВД СССР не была однозначной. Она напрямую зависела от географического фактора – конкретных районов их дислокации, а также от профессионального уровня руководящего состава пунктов пребывания спецконтингента. Поэтому история военного плена в Советском Союзе не может быть объективно исследована и отражена без учета региональных особенностей

¹ До января 1945 г. Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ).

содержания и жизнедеятельности бывших вражеских военнослужащих в различных республиках и областях СССР.

Для любого типа государства и его вооруженных сил всегда актуален опыт содержания обезоруженных солдат и офицеров противника, накопленный в предшествующие периоды истории. Обращение к теме плена с гуманитарной и этической точек зрения имеет непосредственный выход на уровень международных отношений России с зарубежными странами.

В результате процесса подписания соглашений о воинских захоронениях стала более важной и значимой проблема поиска и сохранения могил военнопленных из различных государств. Родственники бывших солдат и офицеров армий гитлеровской коалиции, умерших в СССР, получили возможность побывать у захоронений своих близких и принять меры для их благоустройства. Данный фактор должен послужить побудительной причиной для адекватной ответной реакции – улучшения отношения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы к мемориальным кладбищам советских солдат и офицеров, павших в боях за освобождение этих государств, а также погибших на чужбине военнопленных из СССР, отдавших свои жизни за победу над фашизмом. Успешная реализация принятых мер благоприятствует укреплению мира без войн, улучшению взаимопонимания народов Европы и государств, которые были противниками в период 1939–1945 гг.

Объектом исследования являются иностранные военнопленные, рассматриваемые как солдаты и офицеры большинства армий гитлеровского военного альянса, временно изолированные властями СССР на территории Удмуртии с целью предотвращения их участия в военных действиях, имевшие конкретные обязанности и права, зафиксированные в соответствующих законодательных актах Советского Союза.

Предмет исследования – пребывание иностранных военнопленных в Удмуртии, их численность, национальный состав, а также размещение, материальное обеспечение, медицинское обслуживание, трудовое использование.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1941 по 1949 гг.

В указанное время представители спецконтингента находились в лагерях ГУПВИ НКВД (МВД) СССР, в составе отдельных рабочих батальонов, а также в специальных госпиталях Народного комиссариата (Министерства) здравоохранения, развернутых в Удмуртии.

Территориальные рамки исследования включают Удмуртскую АССР, главным образом города Ижевск, Воткинск, Глазов, Можга, а также Бемыжский, Глазовский, Граховский, Кизнерский, Нылгинский, Пудемский, Увинский, Якшур-Бодьинский районы республики, где размещались лагеря для военнопленных, их отделения или специализированные госпитали.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной и зарубежной историографии накоплен определенный опыт в изучении проблемы находившихся в Советском Союзе военнопленных из германского вермахта и союзных ему вооруженных сил стран-сателлитов фашистской Германии.

В разработке указанного научного вопроса следует выделить два периода. Первый из них длился с 1940-х по конец 1980-х гг. Второй, постсоветский этап, связанный с рассекречиванием архивных документов относительно иностранных военнопленных и изменением методологических подходов в исторических исследованиях, начался в 1991 г. и продолжается в настоящее время.

В 1940-х гг. появились первые исследования, так или иначе касающиеся проблемы пленных из армий гитлеровского военного блока, находившихся в СССР. А. Б. Амелин в своей работе отметил, что правительство Советского Союза в полной мере выполняло все международные регламентации в отношении правил содержания и репатриации военнопленных. Доказательством этому являлось фактическое соблюдение положений Гаагской конвенции 1907 г.²

Н. Г. Погребной, А. М. Шевченко, Л. И. Гинцберг рассмотрели проблемы участия военнопленных в пропаганде антифашистской идеологии в отношении действующих войск вермахта и контингента лагерей. Эти авторы выявили основные формы и методы идеологических мероприятий, применяемых в работе с

² Амелин А.Б. Международно-правовое регулирование военного плена: дис. ...канд. юрид. наук. М., 1954.

бывшими солдатами и офицерами вражеских армий, определили причины вступления в ряды антифашистов бывших военнослужащих армий гитлеровского военного блока³.

В ходе первого периода исследования было уделено значительное внимание вопросу уголовной ответственности военных преступников. В частности, Н. Н. Полянский, А. Л. Трайнин, Д. Б. Левин, Б. С. Утевский выявили характер проведения судебных процессов и логику вынесения приговоров иностранным военнослужащим, попавшим в плен⁴.

Ценную информацию о медицинском обслуживании представителей спецконтингента содержат работы Р. А. Марасанова и А. Н. Мельничук, М. Ф. Войтенко и Г. А. Грибовской, в которых сделан вывод о гуманном отношении советских медиков к больным и раненым военнопленным. В данных публикациях содержится анализ функционирования в основном прифронтовых госпиталей для обезоруженных солдат противника⁵. М. Ф. Войтенко и Г. А. Грибовская, в частности отметили, что в госпитальном лечении советских военнослужащих и пленных не существовало значительной разницы. Этот объективный вывод подтверждается многими документами, в том числе и из архивохранилищ Удмуртии.

Значимость монографии советского исследователя А. С. Бланка «Немецкие военнопленные в СССР» заключается в том, что она базируется на личном опыте очевидца. Бывший переводчик лагеря № 160, располагавшегося в Суздале, описал быт представителей спецконтингента. В этой книге, опубликованной в Кельне на

³ Погребной Н. Г. Деятельность антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук. Киев, 1964; Шевченко А. М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии: ежегодник германской истории. М., 1974; Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939–1945). М., 1987.

⁴ Трайнин А. Л. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 1; Левин Д. Б. Об уголовной ответственности военнопленных // Вопросы уголовного права. М., 1945; Полянский Н. Н. Международное правосудие и преступники войны. М., 1945; Утевский Б. С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. М., 1946.

⁵ Марасанов Р. А., Мельничук А. Н. Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1981. № 5; Войтенко М. Ф., Грибовская Г. А. Гуманизм советской военной медицины // Военно-медицинский журнал. 1985. № 5.

немецком языке, жизнь пленных рассматривается и анализируется с точки зрения советского гражданина, исходя из его политических принципов и психологии⁶.

Спустя пять лет после окончания Второй мировой войны в ФРГ начался процесс активной разработки проблемы немецких военнопленных. С 1957 г. действовала комиссия по изучению материалов об их пребывании в СССР, Британии, Франции, США, Югославии и в других странах. По итогам исследований был издан 15-томный труд «К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне» под редакцией Э. Машке. Однако широкой общественности он был представлен только в 1976 г.⁷ Семь томов этого масштабного труда содержат информацию о пребывании немецких военнопленных в Советском Союзе. По мнению авторов издания, значительное количество граждан СССР разделяло с бывшими солдатами фашистской коалиции все тяготы военного периода. В исследовании систематизированы данные о содержании, трудовом использовании пленных немецких солдат и офицеров. Однако период «холодной войны» наложил несомненный отпечаток на отдельные выводы, которые тенденциозны, предвзяты и необъективны. В некоторых фрагментах текста допущена откровенная фальсификация событий. Кроме того, ряд обнародованных в издании фактов и цифр вызывают сомнение, поскольку не вполне совпадают с данными современных исследователей проблемы. Одной из причин этого стало отсутствие доступа к советским архивам.

В 1960–1980-е гг. историки из ФРГ уделили внимание отдельным аспектам проблемы жизнедеятельности бывших солдат и офицеров вермахта в советском плену. В этот период были опубликованы исследования Х. Флейшхаккера, К. Бёме, К. Беренса, В. Шварца, В. Ратца⁸. Работы отличаются осведомленностью авторов в отношении районов дислокации лагерей, видов трудовой деятельности

⁶ Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979.

⁷ Maschke E. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges: 22 Bände. München, 1962–1974.

⁸ Fleischhacher H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. München, 1965; Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. München, 1966; Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion München, 1965; Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben. München, 1969; Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. München, 1973.

бывших военнослужащих вермахта. Главными источниками этих публикаций послужили воспоминания военнопленных, вернувшихся в ходе репатриации на родину. Однако отсутствие необходимой архивной базы отразилось на качестве данных изданий. Отчасти поэтому ряд утверждений имеет явно необъективный характер. Кроме того, на проблему военнопленных авторы нередко смотрели исключительно с точки зрения самих бывших солдат и офицеров вермахта, что нередко приводило к односторонности и тенденциозности изложения.

Однако некоторым немецким исследователям было все же свойственно стремление беспристрастно и трезво подойти к проблеме, игнорируя пропагандистское влияние «холодной войны». Так, историк Г. Нольте в своей работе вполне допускает мысль о том, что немалый уровень смертности бывших солдат вермахта был обусловлен в основном экономическими и хозяйственными трудностями, которые в середине сороковых годов испытывало Советское государство⁹. Статья Г. Иваницкого, опубликованная «Информационном бюллетене» в 1977 г., являлась ответом на вышеупомянутый 15-томный труд, изданный в ФРГ. Автор, проанализировав содержащуюся в семи томах (со 2-го по 8-й) информацию, попытался подвергнуть ее доказательной критике¹⁰.

Еще одним отзывом на западногерманское издание была статья О. Ржешевского и Г. Иваницкого, которая содержит отрывки из воспоминаний бывших солдат и офицеров вермахта о советском плене. Авторы выступили против слишком драматизированной и во многом сфальсифицированной картины положения бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока в лагерях ГУПВИ НКВД СССР, созданной авторами из ФРГ¹¹.

Несмотря на вышеупомянутые публикации, в целом вопросы жизни и деятельности, а также медицинского обслуживания иностранных военнопленных в СССР в период 1941–1956 гг. оказались далеко не в центре внимания

⁹ Nolte H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941: Text und Dokumentation. Hannover, 1991.

¹⁰ Иваницкий Г. К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне // Информационный бюллетень № 18. М., 1977.

¹¹ Ржешевский О., Иваницкий Г. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. 1978. № 10.

отечественных исследователей. Помимо ограниченного доступа историков к соответствующей архивной информации, многие из них не проявляли высокой заинтересованности к указанной проблематике. Это негативно сказалось на количестве научных публикаций, так или иначе посвященных данной теме.

При существовании ряда факторов, отрицательно сказывающихся на степени разработанности вопроса, в течение последнего десятилетия XX в., все же, появился ряд серьезных работ, проливающих свет на проблемы жизни и деятельности иностранных военнопленных в Советском Союзе в период 1941–1956 гг.

После 1989 г. тема получила свое отражение в диссертационных и монографических исследованиях В. Б. Конасова, С. И. Кузнецова, В. А. Бердинских¹². Значительный объем работы в деле исследования феномена иностранных военнопленных в СССР провел В. П. Галицкий. Он рассмотрел вопросы функционирования армейских приемных пунктов военнопленных, их отправки в тыловые районы Советского Союза, уделив значительное внимание нормам довольствия бывших вражеских солдат и офицеров, уровню их заболеваемости и смертности; изучил некоторые вопросы содержания венгерских и японских военнопленных. После того, как многие архивные документы, относящиеся к данной проблематике, были рассекречены, этот исследователь одним из первых обратил внимание на довольно обширный спектр национальностей и государственной принадлежности представителей спецконтингента¹³.

В. В. Гуркин и А. И. Круглов достаточно подробно и продуктивно

¹² Конасов В. Б. Гриф секретности снят: к истории немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1991; Его же. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы. Вологда, 1996; Его же. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996; Его же. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: Внешнеполитический аспект проблемы. М., 1998; Кузнецов С. И. Японские военнопленные после Второй мировой войны. 1945–1956 гг.: автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 1995; Бердинских В. А. Вятлаг. Киров, 1998.

¹³ Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. № 9; Его же. Японские военнопленные в СССР: Правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4; Его же. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10.

рассмотрели вопрос об общей численности бывших военнослужащих из армий фашистской коалиции, содержащихся в СССР, а также об уровне их смертности в сравнении с аналогичными показателями в отношении советских пленных, находившихся в гитлеровских концлагерях¹⁴.

Были углубленно исследованы и некоторые другие аспекты этой исторической проблемы. Вопросы содержания обезоруженных солдат и офицеров противника в прифронтной зоне рассмотрела И. В. Власова¹⁵, деятельность УПВИ (ГУПВИ) НКВД (МВД) СССР – И. В. Безбородова¹⁶, тесное сотрудничество советских политорганов с Национальным комитетом «Свободная Германия» – В. А. Всеволодов¹⁷, историко-правовой аспект ответственности нацистских преступников – А. Е. Епифанов¹⁸, проблему психологической и социальной адаптации бывших военнослужащих вермахта после возвращения в Германию из советского плена – Е. В. Образцова¹⁹.

Б. А. Нахапетов вместо излишне драматизированного описания положения иностранных военнопленных в СССР, использования конъюнктурных штампов и ничем не подтвержденных, голословных сенсационных утверждений в качестве основы своего исследования применил надежные источники. Этот автор, проведя тщательное изучение архивной документации, касающейся деятельности специальных госпиталей и лагерных лазаретов, признал гуманизм советских медицинских работников по отношению к бывшим военнослужащим вражеских армий. Статья Б. А. Нахапетова представляет собой краткий, но емкий обзор централизованной организации медобслуживания военнопленных в СССР,

¹⁴ Гуркин В. В., Круглов А. И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. 1996. № 3.

¹⁵ Власова И. В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук. М., 1994.

¹⁶ Безбородова И. В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.): дис. ...канд. ист. наук. М., 1997.

¹⁷ Всеволодов В. А. «Срок хранения постоянно!» (Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД СССР № 27). М., 2003.

¹⁸ Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.

¹⁹ Образцова Е. В. Ресоциализация немецких военнопленных после возвращения из СССР (1945–1955 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2017.

отличающийся трезвыми, взвешенными, объективными оценками, базирующимися на приведенных в статье источниках. Автор упоминает о значительной смертности представителей спецконтингента, но в то же время констатирует, что ее уровень являлся намного ниже аналогичного показателя относительно советских военнослужащих, находившихся в гитлеровских концлагерях²⁰.

Историк А. Л. Кузьминых проанализировал фотоматериал, сделанный в пунктах содержания пленных. Это заметно дополнило общую картину их жизнедеятельности в СССР и продвинуло вперед изучение вопроса. Результаты исследования А. Л. Кузьминых, изложенные в его кандидатской диссертации, продемонстрировали полную несостоятельность попыток некоторых авторов отождествлять политику СССР и Германии по отношению к военнопленным. Если нацисты предпринимали активные меры к их уничтожению, то советские власти стремились к сохранению жизней обезоруженных солдат и офицеров вражеских армий²¹. А. Л. Кузьминых в своей докторской диссертации предпринял попытку суммировать, обобщить и систематизировать многие стороны жизни и деятельности представителей спецконтингента на территории СССР с 1939 по 1956 гг. В работе довольно подробно освещен крайне малоизученный ранее начальный период содержания в СССР иностранных военнопленных. Кроме того, значительный научный интерес имеет представленный в работе анализ особенностей реализации советского законодательства в области плена и интернирования, а также процесса эволюции и развития системы содержания бывших солдат и офицеров из армий гитлеровского альянса²².

В одной из своих недавних работ А. Л. Кузьминых рассмотрел некоторые особенности организации режима, установленного в лагерях ГУПВИ НКВД

²⁰ Нахапетов Б. А. Некоторые вопросы истории организации медицинской помощи в советских лагерях для военнопленных // Военно-медицинский журнал. 1995. № 3.

²¹ Кузьминых А. Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939–1949 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 2003; Его же. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда, 2005.

²² Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис. ...докт. ист. наук. Архангельск, 2014.

СССР. Исследование позволяет более четко и конкретно представить распорядок дня и дисциплинарные требования к пленным в пунктах их содержания. Автор вполне справедливо утверждает о том, что условия жизни бывших иностранных солдат и офицеров были менее жесткими, чем у заключенных²³.

В 2015 г. А. Л. Кузьминых обратился к недостаточно изученной проблеме лечения военнопленных в советских спецгоспиталях. В своей работе на эту тему он проанализировал динамику заболеваемости и смертности иностранных пациентов, уровень организации их медицинского обслуживания, перечислив наиболее распространенные диагнозы и их характерные причины. В данном исследовании сделан немаловажный и справедливый вывод о том, что обеспечение бывших военнослужащих армий гитлеровского блока лекарствами, лечебными процедурами и питанием в основном осуществлялось по нормам, применяемым в отношении раненых и больных советских солдат и офицеров, находившихся в госпиталях²⁴.

В течение последних десятилетий отдельные исследователи рассматривают вопрос содержания в СССР иностранных военнопленных в отрыве от реалий и условий периода 1940-х гг., без учета конкретной социально-экономической обстановки, на фоне которой происходили те или иные процессы. Это нередко приводит к искажению фактов прошлого и даже к прямой фальсификации событий.

В некоторых публикациях, посвященных теме содержания военнопленных в Советском Союзе, прослеживается необоснованное, но настойчивое стремление излишне драматизировать положение бывших иностранных военнослужащих в советских пунктах содержания спецконтингента или даже поставить знак равенства между системой ГУПВИ НКВД СССР и нацистскими концлагерями.

²³ Кузьминых А. Л. Особенности организации режима в лагерях для военнопленных НКВД-МВД СССР // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики. Материалы Международной научно-практической межведомственной конференции. Самара, 2016.

²⁴ Кузьминых А. Л. Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологда, 2015. № 3 (31).

Однако реальное положение дел не совпадало с подобными выводами. В 2013 г. на английском языке была опубликована диссертация А. Майерса, где рассматривалась проблема содержания немецких военнопленных в канадском лагере «Райдинг Маунтин» в период Второй мировой войны. Сравнительный анализ и метод аналогии позволяют сделать вывод о том, что советские лагеря имеют много общего с аналогичными заокеанскими учреждениями, а не с нацистскими²⁵. В 2011 г. на английском языке была издана работа историка Ф. Ниглиа. Судя по данной публикации, существовала некоторая общность задач и проблем в лагерях для военнопленных, размещенных в Советском Союзе и в подобных учреждениях, сформированных военными властями США и Британии в государствах Западной Европы. В частности, в статье Ф. Ниглиа выявлена проблема нехватки жилых помещений в пунктах содержания обезоруженных солдат вермахта, располагавшихся на Апеннинском полуострове²⁶.

В настоящее время исследование вопроса о военнопленных, содержащихся в СССР, продолжается как с точки зрения общего анализа их присутствия в стране, так и в плане разработки отдельных аспектов этой темы. Наибольший прогресс наблюдается в изучении проблемы трудового использования обезоруженных солдат противника, в определении показателей производительности труда пленных. Однако и здесь процесс исследования еще далеко не завершен. В этом вопросе нередко возникает проблема определения даты строительства представителями спецконтингента того или иного объекта. В некоторых исследованиях ряд выводов, часто не подкрепляемых ссылками на надежные источники, по-прежнему, имеет скорее предположительный, а в отдельных случаях субъективный, недостаточно аргументированный характер.

Немалая часть научных публикаций, посвященных жизни и деятельности военнопленных в Советском Союзе, посвящена только отдельным аспектам

²⁵ Myers A. The archaeology of reform at a German prisoner of war camp in a Canadian National Park during the Second world war (1943—1945): a dissertation submitted to the department of anthropology and the committee on graduate studies of Stanford university for the degree of doctor of philosophy. 2013.

²⁶ Niglia F. A neglected story German prisoners of war in Italy (1945–1947). Journal of Military and Strategic Studies. Volume 14. issue 1. fall 2011.

проблемы. В довольно большом количестве регионов России, Белоруссии, Казахстана, Украины недостаточно или лишь частично изучены особенности жизни и деятельности представителей спецконтингента, находившихся там в 1940-х гг. Заметен дефицит данных и, соответственно, публикаций о содержании на территории СССР пленных японцев. Имеет место недостаток работ, посвященных анализу национального состава специального контингента, содержавшегося в лагерях УПВИ (ГУПВИ). Вопрос о медицинском обслуживании военнопленных в госпиталях Наркомздрава по-прежнему недостаточно разработан. В исследованиях содержится весьма скудная информация о численных характеристиках представителей спецконтингента, содержавшихся в советских лагерях во второй половине 1941 г. Вопросы о заработной плате пленных, об их репатриации из Советского Союза на родину также нуждаются в дальнейшем исследовании. И это далеко не все «белые пятна» в истории содержания обездороженных солдат и офицеров противника, находившихся в СССР в 1941–1956 гг.

Несмотря на то, что после окончания Второй мировой войны прошло более семи десятилетий, а со времени рассекречивания значительной части архивных документов, связанных с вышеуказанной темой, минуло свыше 20 лет, историки находятся только на начальном этапе изучения некоторых сторон данной научной проблемы.

Одним из перспективных направлений в деле исследования вопроса является его разработка на региональном уровне. Она делает возможным выявление особенностей жизни и деятельности пленных в различных республиках и областях страны. Среди первых исследований региональных аспектов проблемы является работа М. Е. Ерина и Н. В. Барановой, созданная на материалах Ярославской области. В статье дан общий обзор положения пленных в указанном районе СССР. В частности, отмечается, что во время Великой Отечественной войны пленные иногда питались лучше, чем местные жители, а после ее окончания получали с родины посылки с продуктами, кондитерскими изделиями и даже вином. В статье также затрагивается малоисследованный

вопрос о величине заработной платы бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока²⁷.

Региональные аспекты проблемы иностранных пленных в СССР стали предметом изучения при написании исследований на соискание кандидатских и докторских степеней. В течение последних двух десятков лет защищены диссертации на материалах Среднего (Н. В. Суржикова²⁸) и Южного Урала (Е. К. Рожкова²⁹), Курской области (Ю. А. Ларичкина³⁰), Чувашии (Н. Б. Малясова³¹), Западной Сибири (Н. М. Маркдорф³²), Северного Кавказа и прилегающих к нему областей (Г. С. Оганян³³). Кроме того, были в полной мере реализованы отдельные исследования на тему жизнедеятельности японских военнопленных в Красноярском крае (М. Н. Спиридонов³⁴) и Читинской области (С. В. Карасев³⁵). Указанные работы полезны тем, что выявляют специфику содержания, медицинского обслуживания и применения труда военнопленных в упомянутых областях и республиках СССР. В то же время, данный региональный материал имеет хорошие перспективы для успешного синтезирования при создании обобщающего труда о жизни иностранных военнопленных в Советском Союзе.

В частности, Ю. А. Ларичкина внесла определенный вклад в дело изучения

²⁷ Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену (По архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. № 6.

²⁸ Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале, 1942–1956 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001;

²⁹ Рожкова Е. К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Оренбург, 2002.

³⁰ Ларичкина Ю. А. Иностранные военнопленные на территории Курской области: 1943–1950.: дис. ...канд. ист. наук. Курск, 2006.

³¹ Малясова Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.): состав, размещение и трудовое использование: дис. ...канд. ист. наук. Чебоксары, 2012.

³² Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири: дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск, 2012.

³³ Оганян Г. С. Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943–1953 гг. (на примерах южных российских регионов): дис. ...канд. ист. наук. Пятигорск, 2007.

³⁴ Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае, 1945–1948 гг.: Проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ...канд. ист. наук. Красноярск, 2001.

³⁵ Карасев С. В. Японские военнопленные на территории Читинской области, 1945–1949 гг.: Проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2002.

специфики отдельных рабочих батальонов военнопленных (ОРБ). Представители спецконтингента, содержащиеся в этих учреждениях, находились в ведении военного ведомства и использовались на объектах Министерства Вооруженных сил страны. Однако учет пленных, состояние здоровья этих иностранцев, оперативная работа среди них, соблюдение правил охраны и репатриация находились под контролем УПВИ НКВД СССР. Кроме того, в данном исследовании содержится очень важный и объективный в смысле достижения исторической правды вывод: «Имевшие место недостатки в содержании иностранных военнопленных являлись следствием не какой-то политической линии, а скорее недостаточной готовности Советского государства к содержанию многомиллионной массы военнопленных, отсутствием необходимого количества материальных и иных средств для нормального содержания военнопленных в силу разрушенного войной народного хозяйства, а также отсутствием достаточного количества подготовленных специалистов в области международного права военного плена...»³⁶. Этот объективный фактор, к сожалению, не вполне учитывается многими зарубежными и некоторыми отечественными исследователями, склонными излишне политизировать эту научную проблему и сгущать краски в отношении положения представителей спецконтингента в СССР.

В диссертации Н. В. Суржиковой содержатся интересные данные о заработной плате военнопленных, которую они перед репатриацией из Свердловской области на родину расходовали (советские дензнаки нельзя было вывозить за рубеж), закупая в больших количествах продукты, вина, а также часы, чемоданы, фотоаппараты и другие товары для вывоза их в Германию и другие страны³⁷. Эти факты заставляют под новым углом взглянуть на уровень заработка бывших вражеских военнослужащих как целом в СССР, так и в отдельных его областях и республиках.

³⁶ Ларичкина Ю. А. Иностранцы военнопленные на территории Курской области: 1943–1950.: дис. ...канд. ист. наук. Курск. 2006. С. 11.

³⁷ Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале, 1942–1956 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 190.

Между тем, разработка аспектов проблемы, касающихся жизнедеятельности иностранных пленных в отдельных регионах Советского Союза, продолжается и в статьях, размещенных в научных изданиях. Следует отметить исследование О.Г. Левенштейна о бывших военнослужащих вермахта, содержащихся на территории Марийской АССР³⁸. В 2008 г. была опубликована работа Б. О. Жангуттина о лагерях для пленных, располагавшихся в Казахской ССР. Статья представляет собой обзорное исследование, обобщающее и систематизирующее данные о пребывании бывших военнослужащих из армий гитлеровского альянса на территории этой республики. Опираясь на обширную базу архивных документов, автор затронул проблемы размещения спецконтингента в Казахстане, продовольственного снабжения лагерей, смертности бывших иностранных военнослужащих, а также некоторые вопросы их лечения. По его мнению, лагерный персонал, советские медработники в стремлении предотвратить массовую гибель пленных от голода и болезней достигли в этом деле значительных успехов³⁹.

В 2013 г. была опубликована работа Н. М. Маркдорф, проливающая свет на вопрос о функционировании сети спецгоспиталей для военнопленных в Западной Сибири. Автор сделал достаточно подробный и квалифицированный, опирающийся на архивные документы, обзор работы этих медучреждений, размещенных в Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях. Сделан полезный для дальнейшей разработки темы вывод о том, что западносибирские спецгоспитали стали научными и учебными центрами по специализированной профессиональной переподготовке медперсонала в системе НКВД (МВД) СССР. Однако в исследовании не разграничены спецгоспитали, действовавшие в системе

³⁸ Левенштейн О.Г. Военнопленные германской армии в МАССР 1941–1945 гг.: некоторые неизвестные страницы истории // Марийский археографический вестник. 1999. № 9.

³⁹ Жангуттин Б. О. ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1951 гг.) // Отечественная история. 2008. № 2. С. 110.

ГУПВИ НКВД (МВД) и в структуре Наркомата (Министерства) здравоохранения СССР⁴⁰.

В 2015 г. Н. М. Маркдорф, а также исследователь А. А. Долголюк обратились еще к одной малоисследованной стороне вопроса об иностранных военнопленных – их репатриации из сибирских лагерей. Авторы проанализировали этапы данного процесса и отметили, что, в первую очередь, на родину возвращались больные и нетрудоспособные представители спецконтингента. Кроме того, в статье затронуты вопросы о полных расчетах с пленными по заработной плате перед репатриацией, а также упоминается о тех представителях спецконтингента, которые добровольно остались в Советском Союзе на постоянное жительство⁴¹.

Еще одним относительно недавно опубликованным исследованием, затрагивающим проблему медицинского обслуживания военнопленных, является публикация Н. Б. Смирновой (Малясовой) о спецгоспитале № 3064, располагавшемся в г. Козловке Чувашской АССР в 1943–1946 гг. Автор исследует малоизученный вопрос о привлечении выздоровевших иностранных пациентов к работам по самообслуживанию, благоустройству этого медучреждения с учетом их довоенных профессий и квалификации⁴².

По-прежнему, одной из недостаточно исследованных сторон проблемы пребывания бывших солдат и офицеров из стран гитлеровского альянса в СССР является вопрос об отдельных рабочих батальонах (ОРБ). Н. Б. Смирнова затронула эту тему в другой в своей работе. В ней дается богатый фактический материал, позволяющий выявить некоторые особенности содержания

⁴⁰ Маркдорф Н. М. Спецгоспитали для иностранных военнопленных в Западной Сибири // Наука в Сибири. 2013. № 48.

⁴¹ Долголюк А. А., Маркдорф Н. М. Репатриация военнопленных Второй мировой войны из сибирских лагерей // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 4.

⁴² Смирнова Н. Б. Труд военнопленных в спецгоспитале № 3064 как средство решения кадровой проблемы // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Чебоксары, 2016.

военнопленных в отдельных рабочих батальонах на материале одного из них, функционировавшего в Чувашии⁴³.

В конце 2016 г. были опубликованы новые данные о трудовой деятельности и некоторых особенностях повседневной жизни военнопленных в Челябинской области⁴⁴.

Обзорный характер имеет также исследование В. П. Мотревича, относящееся к пребыванию бывших иностранных военнослужащих в Чкаловской (Оренбургской) области и вышедшее в свет в 2017 г. В своей работе автор уточнил, конкретизировал и подверг систематизации недостаточно исследованные аспекты и цифровые данные относительно количества пунктов содержания и медобслуживания военнопленных в этом регионе Южного Урала⁴⁵.

Несмотря на ряд появившихся исследований жизнедеятельности представителей спецконтингента в отдельных республиках и областях СССР, в настоящее время на карте страны можно найти регионы, для которых тема военного плена до недавнего времени продолжала оставаться крайне малоизученной проблемой. Удмуртия в этом смысле не является исключением даже с учетом того, что, начиная с 1990-х гг., был опубликован ряд работ, достаточно подробно освещающих малоизученные ранее страницы истории Великой Отечественной войны, непосредственно связанные с республикой⁴⁶.

Вопрос о пребывании военнопленных в Удмуртской АССР в 1940-х гг. косвенно затрагивался, главным образом, в обобщающих трудах⁴⁷, а также работах, в основном посвященных истории советского тыла или пребыванию иностранцев в регионе. Круг таких исследований ограничивается публикациями

⁴³ Смирнова Н. Б. Отдельный рабочий батальон военнопленных № 369 (г. Алатырь) // Научные исследования: от теории к практике. Чебоксары. 2016. № 3 (9).

⁴⁴ Макарова Н. Н. Военнопленные в Магнитогорске: особенности повседневной жизни и стратегии выживания (1945–1950 гг.) // Российская история. 2016. № 6.

⁴⁵ Мотревич В. П. Учреждения для военнопленных и интернированных в Чкаловской области в 1943–1949 гг. (численность и дислокация) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 1.

⁴⁶ Зубарев С. П. В боях за Родину. О ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии. Ижевск, 1990; Кузнецов Н. С. Славы воинской творцы. Ижевск, 2005; Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск, 2014.

⁴⁷ История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005.

Н. А. Родионова⁴⁸ и А. А. Шепталиной⁴⁹, в которых, в частности, выявлены география размещения лагерей, количество захоронений бывших солдат армий гитлеровского блока и сфера использования труда спецконтингента.

В 2016 г. была опубликована работа Л. Л. Шубина и А. М. Шабардина, затрагивающая функционирование спецгоспиталя № 3888, располагавшегося в 1943–1949 гг. в г. Можга⁵⁰. Ценность статьи состоит, прежде всего в том, что в ней на примере вышеупомянутого учреждения проводится сравнительный анализ «лечения» пленных красноармейцев в гитлеровских лазаретах, лагерях с медобслуживанием бывших военнослужащих вермахта и союзных ему армий в советских спецгоспиталях. Итог такого сопоставления явно не в пользу нацистов, что приближает нас к исторической правде и демонстрирует гуманизм, великодушные медработников из СССР к обезоруженным представителям противоборствующей стороны, несмотря на зверства гитлеровцев по отношению к попавшим в их руки представителям Советских вооруженных сил.

Некоторые эпизоды из жизни иностранных военнопленных в Удмуртии прослеживаются в исследованиях, созданных краеведами отдельных районов республики, где бывшие солдаты, офицеры вермахта и союзных ему армий жили и работали. В числе таких авторов можно назвать А. Г. Вичужанина, А. И. Пудова, П. В. Леконцева⁵¹.

Даже учитывая вышеупомянутые публикации, можно утверждать, что целостное и углубленное исследование, обобщающее и анализирующее

⁴⁸ Родионов Н. А. Иностранцы в Вятско-Уральском регионе в XIX–XX вв.: (численность, состав, размещение, проблемы изучения) // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994; Его же. Зарубежные связи Удмуртии. Становление и эволюция. XIX–XX вв. Ижевск, 1999; Его же. Советские немцы-спецпереселенцы и иностранные военнопленные в структуре рабочей силы торфяной промышленности Удмуртии (1920–1950-е гг.) // Немцы в России: взгляд из провинции. Киров, 2012; Его же. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск, 2015.

⁴⁹ Шепталин А. А. Немцы в Удмуртии (Историко-демографические очерки). Ижевск, 1993.

⁵⁰ Шубин Л. Л., Шабардин А. М. История работы эвакогоспиталя для военнопленных в г. Можга // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407.

⁵¹ Пудов А. И. История увинских деревень. Ува, 2000; Вичужанин А. Г. Можга. Городок над Сюгинкой-рекой. Ижевск, 2001; Леконцев П. В. Невольники войны // Историк и его дело. Серия памяти профессора В. Е. Майера. Выпуск 9. Ижевск, 2011.

различные стороны пребывания иностранных военнопленных в Удмуртии в период 1941–1949 гг., не было реализовано. Назрела необходимость удовлетворить эту потребность.

Целью исследования является историческая реконструкция политико-правовых и социально-экономических аспектов жизнедеятельности иностранных военнопленных в Удмуртии в 1941–1949 гг. в контексте общесоюзной ситуации.

Цель достигается путем решения следующих **задач**:

– выявить географические и социально-экономические факторы, обусловившие размещение, условия содержания военнопленных в Удмуртии, а также формы организации их пребывания в 1941–1949 гг.;

– определить общую численность, национальный состав бывших военнослужащих стран гитлеровской коалиции, содержащихся в лагерях, отдельных рабочих батальонах и спецгоспиталях на территории УАССР;

– оценить масштаб и уровень эффективности антифашистской работы среди военнопленных;

– проанализировать особенности медобслуживания представителей спецконтингента;

– определить уровень эффективности труда военнопленных для экономики УАССР и предприятий советской оборонной промышленности, сосредоточенных в республике.

Источниковая база исследования обширна. В основном она включает в себя многочисленные архивные материалы, впервые вовлеченные в научный оборот, а также сохранившиеся свидетельства очевидцев.

Для решения поставленных в исследовании задач задействован значительный массив документальных материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР), а также архивных отделов администраций г. Ижевска, г. Воткинска, г. Глазова, г. Можги, Глазовского,

Увинского, Якшур-Бодьинского, Ярского районов. Часть материалов опубликована в сборниках документов, изданных в г. Москве и в г. Ижевске⁵².

Важнейшим источником по рассматриваемой проблеме являются документы организационно-распорядительного характера – *приказы, постановления, распоряжения, директивы, указания* руководства НКВД (МВД) СССР, УАССР, СНК (Совета министров) республики, союзных Наркоматов (Министерств) вооружений, здравоохранения, а также директоров предприятий. В основном, в этих документах содержится информация о трудовой деятельности военнопленных или об их медобслуживании.

Ценными источниками для изучения темы являются также *протоколы партийных собраний* работников спецгоспиталей или тех предприятий, где использовался труд военнопленных.

Необходимо отметить и учетно-контрольную документацию – в основном *акты обследования*, которые представляют собой материалы комиссий Наркомздрава (Министерства) здравоохранения УАССР по результатам проверок и ревизий спецгоспиталей для военнопленных, размещенных на территории республики.

Одним из самых информативных источников для исследования вопроса является отчетная документация. В ней подведены итоги работы организаций за год и зафиксированы ее результаты. Данные об иностранных военнопленных, находившихся в 1941–1949 гг. в Удмуртии, содержатся, в частности, в *отчетах, докладах, пояснительных, объяснительных записках*, директоров заводов, торфопредприятий, строительного треста № 51, треста «Ижлес», а также в *донесениях, сводках, списках*, составленных начальниками Управлений лагерей для пленных. Эти документы позволяют проследить степень занятости спецконтингента в промышленности республики, а также динамику изменения

⁵² См., например: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. М., 1946; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947; Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 4. М., 1990; Удмуртия в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Сборник документов. Ижевск, 1995; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000; Венгерские военнопленные в СССР. М., 2005.

количества иностранных работников, задействованных на различных предприятиях.

Продуктивным архивным источником для изучения проблемы иностранных военнопленных в Удмуртии в указанный период является текущая документация. Это, прежде всего, *переписка* между Наркоматом (Министерством) вооружений СССР и директорами, управляющими промышленных предприятий, использовавших труд спецконтингента (в том числе, трестов «Оборонторфстрой», № 51, заводов № 71, № 74), а также руководством партийных, правительственных структур республиканского уровня, крупных предприятий и начальниками Управлений лагерей для военнопленных, представителями заводов, цехов и других организаций, где трудились эти иностранные работники.

Периодическая печать как источник используется в исследовании в ограниченном объеме по двум причинам. Во-первых, до конца 1980-х гг. материалы об иностранных военнопленных оставались засекреченными, и публикации на эту тему редко появлялись в прессе. Во-вторых, многие из газетных статей, вышедшие уже после отмеченного рубежа, были нацелены не на поиск исторической правды, а на создание сенсации путем вымышленных, без опоры на надежные источники, утверждений. Поэтому большинство статей, появившихся в средствах массовой информации после 1990 г., не может рассматриваться и применяться в диссертационном исследовании. Однако некоторая часть публикаций заслуживает внимания. В немалой степени способствовали разработке данной проблематики рассказы и записки очевидцев жизнедеятельности бывших солдат и офицеров фашистской коалиции, опубликованные в некоторых республиканских и районных газетах, издаваемых в Удмуртии. Значительный интерес представляют размещенные в центральной печати 1940-х гг. данные о численности иностранных военнопленных, находящихся в СССР в тот период.

В условиях недостаточной изученности темы в региональном разрезе немаловажное значение имеют *источники личного происхождения*. Среди них наибольшего внимания заслуживают воспоминания свидетелей пребывания

военнопленных в республике, собранные бывшим сотрудником лагерей для военнопленных № 75, № 155, № 371 Л. А. Пантюхиным⁵³.

Проблему лечения бывших вражеских солдат, содержащихся в советских лагерях и госпиталях, поднял в своих мемуарах Е. И. Смирнов⁵⁴, занимавший в 1939–1947 гг. должность начальника Главного военно-медицинского управления Красной Армии. Он, в частности, затронул вопрос о создании в НКВД СССР специальной медицинской службы для руководства обслуживанием военнопленных во главе с генерал-лейтенантом М. Я. Зетиловым. Е. И. Смирнов вкратце обрисовал сложившуюся непростую ситуацию, связанную с лечением представителей спецконтингента в годы войны.

В Советском Союзе были также опубликованы мемуары бывших сотрудников Главного политуправления РККА и НКВД Н. И. Пузырева, М. И. Бурцева, А. С. Бланка⁵⁵. Их воспоминания дополняют ценными сведениями общую картину пребывания военнопленных в лагерях, а также содержат полезные данные об антифашистских мероприятиях, которые там активно организовывались. Так, бывший руководитель отдела спецпропаганды Главного политического управления Красной Армии М. И. Бурцев в своих мемуарах отметил, что все пункты Положения о военнопленных, утвержденного СНК СССР в начале июля 1941 г., неукоснительно соблюдались⁵⁶. В этой книге воспоминаний содержится информация об основных методах и приемах антифашистской работы в лагерях для бывших солдат и офицеров армий гитлеровского альянса, которая проводилась с помощью газет, листовок, лекций, бесед. По мнению М. И. Бурцева, ненависти к СССР у многих пленных не было. Не имея твердых нацистских убеждений, они охотно читали советскую литературу. Проблема была в том, что многие немцы были приучены слепо

⁵³ Пантюхин Л. А. Воспоминания о В. Е. Майере // Российские немцы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 декабря 2004 г. Выпуск 5. Ижевск, 2006.

⁵⁴ Смирнов Е. И. Война и военная медицина. М., 1976.

⁵⁵ Бланк А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов 1943–1945. Вологда, 1963; Пузырев Н. И. Военнопленные генералы. Воспоминания советского офицера // Волга. 1981. № 4, 5; Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981.

⁵⁶ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 64.

повиноваться гитлеровскому режиму в результате оболванивания геббельсовской пропагандой⁵⁷. Все это учитывалось при организации антифашистских мероприятий среди пленных.

В Советском Союзе в период 1960–1980 гг. увидели свет воспоминания бывших офицеров армий гитлеровского военного альянса, которые в послевоенный период находились на постоянном жительстве в Германской демократической республике, Венгерской народной республике, а также в некоторых других странах Центральной Европы. В числе таких публикаций необходимо отметить мемуары Р. Петерсхагена, В. Мюллера, Г. Вельца, В. Адама, О. Рюле, Л. Штейдле, Д. Гергени⁵⁸. Для этих воспоминаний характерен качественный перевод на русский язык, который практически не искажает авторский стиль и манеру изложения. Кроме того, указанные мемуары содержат немалое количество небезынтересных эпизодов, достаточно ярко иллюстрирующих пребывание обезоруженных военнослужащих гитлеровского блока в СССР. К сожалению, некоторые современные отечественные исследователи, занимающиеся темой военного плена, недооценивают упомянутые воспоминания, некоторые вообще игнорируют их, т. к. подходят к этим ценнейшим источникам предвзято и поверхностно, без предварительного анализа, заведомо поставив на них штамп “слишком идеологизированных”. Мемуары О. Рюле «Исцеление в Елабуге» весьма полезны в деле изучения вопроса в региональном разрезе. В своей книге автор с убедительностью непосредственного очевидца и участника событий, с определенной долей эмоциональности описывает путь колонны военнопленных со ст. Кизнер, расположенной в юго-западной части Удмуртии, в лагерь № 97⁵⁹.

В 1997 г. в Кизнере побывал японец К. Сумида, отец которого в 1945 г.

⁵⁷ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 66.

⁵⁸ Петерсхаген Р. Мятая совесть. М., 1958; Мюллер В. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., 1964; Вельц Г. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. М., 1965; Адам В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. М., 1972; Рюле О. Исцеление в Елабуге. М., 1969; Штейдле Л. От Волги до Веймара. Мемуары нем. полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. М., 1973; Гергени Д. Один из первых. М., 1970.

⁵⁹ Рюле О. Исцеление в Елабуге. М., 1969. С. 169–170.

прошел путь вместе с другими пленными от этого райцентра до Елабуги. Сын, спустя более чем полвека, тоже преодолел эти километры. В 2002 г. в Токио на английском языке была издана книга К. Сумиды «Мемуары моего отца: Путешествие в Сибирь». В ней автор суммировал собственные впечатления от посещения России 1990-х гг. и воспоминания своего отца о пребывании в лагере № 97. Книга довольно субъективна, встречаются откровенно предвзятые и тенденциозные оценки и комментарии, препятствующие поиску исторической правды. Текст изобилует искажениями и ошибками в названиях населенных пунктов Удмуртии и Татарии. При всем этом, в книге содержатся полезные для исследования фотоматериалы и немногочисленные подробности о маршруте, который преодолевали пленные японские офицеры от Кизнера до Елабуги⁶⁰.

В 2007 г. вышла в свет книга «Лагерь на Каме», где собраны воспоминания бывших военнопленных, а также очевидцев содержания спецконтингента в этом районе Прикамья. Материалы указанного издания дополняют отрывочными сведениями исследование проблем временного пребывания пленными в юго-западной части Удмуртии на пути со ст. Кизнер в Елабугу. Кроме того, в книге содержится информация о трудовом использовании бывших иностранных военнослужащих на строительстве узкоколейной железной дороги Бондюжский завод – Можга, проходившем, в том числе, на территории Граховского района УАССР⁶¹.

Сборник, главным образом, воспоминаний о работе госпиталей на территории республики в 1941–1945 гг. «На перекрестке судеб»⁶² является полезным источником для выяснения некоторых вопросов, связанных с лечением больных военнопленных на территории Удмуртии.

Кроме мемуаров, большую значимость приобретают материалы, систематизированные в *коллекциях музеев* г. Можги, пос. Кизнер, в районе которых располагались пункты содержания пленными.

⁶⁰ Sumida K. *Memorias of my father: A journey to Siberia*. Tokyo, 2002.

⁶¹ Лагерь на Каме. Елабуга, 2007.

⁶² Чумакова А. И. *На перекрестке судеб*. Ижевск, 2006.

Научная новизна работы заключается в том, что она является первым академическим исследованием, где комплексно рассмотрены особенности пребывания иностранных военнопленных на территории Удмуртии в период 1941–1949 гг. Автор подверг систематизации, анализу и ввел в научный оборот весьма значительное количество новых источников, в первую очередь, архивных документов. Данная работа дополняет историографию указанной проблемы новыми фактами и оценками как в масштабах региона, так и всего СССР.

Основное внимание уделяется анализу малоизученных вопросов, либо проблем, рассмотренных в обобщенном виде. К их числу относятся: выявление комплекса географических, экономических, политических причин, обусловивших размещение сети лагерей и спецгоспиталей на территории Удмуртии; рассмотрение количественных и качественных характеристик (принципы комплектования лагерей, режим дня в них и дисциплинарные правила, фронты, с которых прибывали военнопленные, их национальный состав, образование, материальное положение, образ жизни, состояние здоровья и показатели заболеваемости бывших иностранных солдат, уровень медобслуживания); род занятий военнопленных в местах жительства и за их пределами; характеристика взаимоотношений представителей спецконтингента между собой, а также по отношению к администрации пунктов содержания.

Указанные положения соответствуют пунктам 5. История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития; 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история ВАК при Минобрнауки России.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в формировании при помощи комплексного исследования целостной картины недостаточно изученного вопроса – жизнедеятельности иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1941–1949 гг. Ее результаты могут быть использованы для составления более обширных обобщающих трудов, дальнейшего изучения темы, формирования региональных и краеведческих

курсов истории республики и Урало-Поволжья. Исследование вносит вклад в дело ликвидации обширного «белого пятна» как в истории Удмуртии, так и в истории всей страны, поскольку общесоюзные тенденции в деле содержания и трудового использования военнопленных прослеживаются в региональном аспекте проблемы довольно четко.

Методология и методы исследования. Методологической базой диссертации является совокупность теорий, принципов и методов, используемых в общих и специальных исследованиях исторического плана.

В основе данной работы лежит комплексный подход, включивший институциональный, системный и социокультурный компоненты. Первый из них позволил рассмотреть военный плен как международно-правовой институт, определяющий основные правила обращения с обезоруженными представителями противоборствующей стороны. Системный подход дал возможность подвергнуть анализу функции, структуру и процесс развития системы военного плена в СССР и Удмуртии в указанный период. Социокультурный концепт был применен при исследовании жизнедеятельности человека, микросоциума в условиях плена. Последний все чаще используется в рамках социальной истории, истории повседневности, исторической антропологии.

Важнейшим принципом, реализованным в диссертации, является принцип историзма, направленный на исследование диалектики явления. Историзм предполагает при оценке фактов, событий, деятельности их участников учитывать конкретно-исторические возможности и реалии изучаемого периода времени. Поэтому эволюция статуса военнопленных в Удмуртии рассматривается в контексте общесоюзной политики, проводившейся в 1940-х – начале 1950-х гг. Другой, не менее значимый способ освещения исторических фактов – принцип объективности, позволяющий выявлять и раскрывать причинно-следственные связи, характеризующие предмет исследования. С этим принципом тесно связан принцип всесторонности, предусматривающий изучение феномена военного плена во всем многообразии его проявления. В данном контексте исследованы формы, направления и результаты взаимодействия спецконтингента с

различными категориями должностных лиц, задействованных в работе с военнопленными в УАССР.

Комплексный характер имеет и методический инструментарий, включивший как общенаучные, так и специальные способы исследования. К первой группе отнесены анализ, синтез, конкретизация, абстрагирование, аналогия, индукция и дедукция.

Метод анализа способствовал выявлению характерных и типичных особенностей жизнедеятельности военнопленных, их медицинского обслуживания в условиях Удмуртии. Синтезирование информации, полученной из различных источников, помогло создать целостную картину пребывания обезоруженных солдат и офицеров армий противника в республике в указанный период. Конкретизация содействовала выделению отличительных признаков, которые помогли распознать особые тенденции развития системы содержания иностранных военнопленных в Удмуртской АССР. Абстрагирование создало возможность при помощи выделения и обобщения наиболее существенных особенностей зафиксировать категории, связанные с темой исследования. Это, например, такие понятия, как «военный плен», «военнопленные», «учреждения военного плена», «спецконтингент». Изучению недостаточно исследованных сторон системы военного плена в республике на основе анализа этой проблемы на уровне всего Советского Союза способствовал метод аналогии. Индукция содействовала формированию гипотез, выводов, позволивших осветить ранее малоизвестные или проблемные стороны жизни и деятельности обезоруженных солдат и офицеров из армий гитлеровского военного альянса, находившихся в Удмуртской АССР. Дедукция, а также тщательное изучение исторических источников позволили перейти от размытых и неконкретных общих утверждений (часто просто слухов) к точным фактам, их подтверждающим или, наоборот, опровергающим.

Кроме того, в работе применены и специальные методы: историко-типологический, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, историко-культурный, историко-проблемный. Были реализованы

также идеографический (описательный), текстологический, статистический, документально-иллюстративный приемы исследования.

Историко-типологический метод раскрывает особенности жизни и деятельности обезоруженных вражеских военнослужащих конкретно в Удмуртской АССР. Историко-генетический метод способствовал выяснению изменения, эволюции сети лагерей, отдельных рабочих батальонов и спецгоспиталей в республике в период 1941–1949 гг. как особых институтов советской системы содержания военнопленных. В исследовании он реализован при анализе региональных особенностей формирования и функционирования учреждений НКВД (МВД), Министерства Вооруженных сил для обезоруженных солдат, офицеров противника, а также спецгоспиталей, функционирующих в системе Наркомздрава СССР. Историко-системный метод содействовал отслеживанию истории пребывания спецконтингента в республике как элемента более крупного фактора – особенностей института военного плена в Советском Союзе. При помощи историко-сравнительного метода проведен сравнительный анализ положения бывших солдат армий гитлеровского альянса, находившихся на территории Удмуртии, и содержания советских военнопленных в гитлеровской Германии.

В ходе анализа взаимовосприятия сотрудников лагерных администраций и населения Удмуртии с военнопленными, а также при изучении процесса их адаптации к условиям жизни и деятельности в лагерях, отдельных рабочих батальонах и специальных госпиталях реализован историко-культурный метод. Сосредоточение исследовательского процесса на основных составляющих проблемы пребывания представителей спецконтингента в республике позволило использовать историко-проблемный прием изучения.

Идеографический (описательный) и документально-иллюстративный методы содействовали возможности реконструкции основных отличительных черт формирования и функционирования системы содержания военнопленных в Удмуртии. Текстологический метод способствовал извлечению новой информации по теме исследования в процессе изучения и анализа рукописных

или печатных документов – писем представителей спецконтингента на родину, а также отчетов, переписки, созданных учреждениями, так или иначе связанными с системой содержания бывших военнослужащих армий гитлеровского военного альянса.

Статистический метод при помощи анализа цифровых данных таблиц, схем, содержащихся главным образом в архивных документах, позволил прийти к выводам, раскрывающим закономерности процесса функционирования и развития системы военного плена на территории Удмуртии.

Вместе с тем проведен анализ данных, собранных при помощи полевых исследований, включающих опросы очевидцев, которые своими воспоминаниями содействовали реконструкции этапов жизнедеятельности военнопленных. Кроме того, для разработки проблемы использованы фотоснимки земельных участков и зданий, где в указанный период размещались лагеря или спецгоспитали для военнопленных.

Многообразие примененных концептов, принципов и методов позволило реализовать всестороннее изучение жизни и деятельности иностранных военнопленных в Удмуртской АССР в контексте конкретно-исторических событий в стране и в региональном разрезе.

Положения, выносимые на защиту.

1. В Удмуртии в 1941–1949 гг. сформировалась сеть учреждений ГУПВИ НКВД (МВД), Министерства Вооруженных сил и Минздрава СССР для содержания и лечения военнопленных. Наивысшей стадии развития эта система достигла в первые послевоенные годы.

2. Пункты содержания представителей спецконтингента неправомерно отождествлять с гитлеровскими концентрационными лагерями. В отношении военнопленных советское руководство придерживалось более гуманных принципов, чем власти фашистской Германии. Работники НКВД (МВД) УАССР стремились на практике следовать принятому Советским правительством летом 1941 г. Положению о военнопленных.

3. Национальный состав спецконтингента в Удмуртской АССР почти пропорционально соответствовал доле участия войск многих стран Западной и Центральной Европы в агрессии против Советского Союза.

4. Антифашистские и досуговые мероприятия в лагерях и спецгоспиталях позволили несколько облегчить тяжелое моральное и психологическое состояние обезоруженных солдат и офицеров армий гитлеровского блока, сформировать у многих из них четкое представление о причинах и уроках Второй мировой войны.

5. Бывшие солдаты и офицеры армий противника получили в Удмуртии достаточно качественное медобслуживание. Наличие тяжелых заболеваний и смертность среди пленных были обусловлены, в первую очередь, отсутствием квалифицированного лечения на фронте и его нехваткой при их этапировании к пунктам содержания.

6. Иностранные военнопленные рассматривались властями СССР и, в частности, Удмуртии как дополнительный ресурс рабочей силы в деле мобилизации производительных сил страны для отпора гитлеровским захватчикам и их союзникам, а после мая 1945 г. как вспомогательный резерв для восстановления довоенного уровня развития многих отраслей промышленности и народного хозяйства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные его положения нашли отражение в 13 научных статьях, 10 из которых опубликованы в журналах из списка рекомендованных ВАК РФ (два журнала входят в международную базу Web of Science). Некоторые стороны проблемы освещались на всероссийских (г. Ижевск, 2016; г. Глазов, 2018) конференциях. В 2016–2017 гг. исследовательский проект «Иностранные военнопленные в Удмуртии (1941–1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание» (№ 16-11-18002 а(р)) поддерживался Российским фондом фундаментальных исследований.

Диссертация обсуждена на заседании отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы федерального государственного бюджетного учреждения науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» и рекомендована к защите.

Структура диссертации. По своей структуре работа соответствует поставленным целям и задачам. Она состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ЛАГЕРЯХ НКВД (МВД) СССР, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ

§ 1.1. Размещение, условия содержания, снабжение спецконтингента

Уже на начальном этапе Великой Отечественной войны солдаты и офицеры вермахта, войск СС, «люфтваффе», а также союзных им армий из стран гитлеровского блока оказывались в плену обороняющихся и контратакующих частей Советских вооруженных сил. Это происходило в результате ожесточенных сражений, разгоревшихся у городов Перемышль, Ельня, Тихвин, Ростов-на-Дону, Калинин, в Ленинградской, Московской областях и в других районах европейской части СССР. Первые эшелоны с военнопленными двинулись в глубокий тыл Советского Союза летом 1941 г. В это время стал актуальным вопрос о содержании обезоруженных солдат и офицеров гитлеровской армии и ее союзников. «Положение о военнопленных», принятое Советским правительством 19 марта 1931 г., устарело. Война с фашистской Германией предъявляла свои требования к этой стороне широкомасштабного вооруженного противостояния. Поэтому 1 июля 1941 г. СНК СССР утвердил новое Положение о военнопленных. Оно стало программным документом, регулирующим нормы жизни и трудовой деятельности обезоруженных солдат и офицеров противника в советском тылу.

В частности, уже в этом Положении оговаривалась возможность их привлечения к работе в промышленности и в сельском хозяйстве⁶³, что получило распространение в годы войны и особенно в четырехлетний период после нее во многих районах СССР, в том числе и в Удмуртии.

В 1941–1945 гг. республика представляла собой территорию, находившуюся в глубоком тылу. После эвакуации в УАССР значительного количества предприятий она стала одним из крупнейших центров оборонной промышленности Советского Союза. Однако мобилизация в Красную Армию значительной части мужского населения заметно уменьшила трудовые ресурсы

⁶³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 67.

Удмуртии. По указанной причине, а также вследствие резкого роста производства различных видов вооружения уже в 1941 г. стал ощущаться значительный недостаток рабочей силы. Для решения проблемы стали рассматриваться различные варианты. В качестве одного из источников компенсации дефицита трудовых ресурсов было решено использовать военнопленных. Данный фактор стал одной из главных причин размещения на территории Удмуртии лагерей и других пунктов пребывания обезоруженных военнослужащих противника. После разгрома войск фашистской Германии и ее союзников необходимость преодоления в экономике и хозяйственной жизни последствий войны и создания условий для дальнейшего развития промышленности республики предопределила продолжение использования труда пленных как вспомогательного ресурса рабочей силы.

В 1941–1949 гг. на территории Удмуртии дислоцировалось 7 крупнейших пунктов содержания обезоруженных солдат и офицеров из армий гитлеровского военного альянса. В это число входили 4 лагеря и 3 отдельных рабочих батальона военнопленных (ОРБ). Спецконтингент (без учета госпиталей) размещался в г. Ижевске, в г. Воткинске, в пос. Рябово, в пос. Ува, северо-западнее этого населенного пункта, а также в Глазовском, Пудемском, Якшур-Бодьинском, Кизнерском, Бемыжском и Граховском районах республики. Каждый из лагерей имел свои отделения и подсобные хозяйства. Указанные пункты содержания бывших солдат и офицеров армий гитлеровского альянса находились в ведении Управления по делам военнопленных и интернированных УПВИ НКВД СССР. Отдельные рабочие батальоны входили в структуру союзного Наркомата (Министерства) Вооруженных сил. Главной функцией пленных была трудовая деятельность.

Уже ранней осенью 1941 г. руководством отдельных областей и республик Советского Союза, находящихся в глубоком тылу, все активнее стали рассматриваться вопросы использования рабочей силы бывших вражеских военнослужащих в целях укрепления обороноспособности страны. Этот процесс затронул и Удмуртию. 24 сентября 1941 г. Председателем республиканского

Совнаркома А. В. Трониным и секретарем обкома ВКП(б) А. В. Караваемым было подписано постановление «Об организации лагерей военнопленных на территории УАССР». В документе говорилось о необходимости создания пунктов содержания обезоруженных солдат и офицеров армий гитлеровского блока в целях бесперебойного снабжения ижевских оборонных заводов № 71 и № 74 дровами и деловой древесиной. Лагеря предполагалось разместить:

«...а) в Пекшурском лесоучастке Увинского лесопункта Увинского района,
б) в 49 участке Каркалайского лесопункта Увинского района;
в) в 82 участке Областновского лесопункта Нылгинского района;
г) на строительстве торфоразработок треста «Оборонторфстрой» Наркомата вооружений СССР (разъезд Рябово Увинской железной дороги Увинского района)»⁶⁴.

Кроме того, в этом же документе предписывалось передать все жилые здания и другие помещения, сооружения перечисленных участков в ведение УПВИ НКВД СССР. Согласно первоначальным планам, строительство лагерей для военнопленных должно было осуществляться одновременно с лесозаготовками и добычей торфа.

План, изложенный в постановлении, почти полностью реализовался в районе пос. Рябово. Юридическим оформлением дислокации лагеря для военнопленных № 75 в указанном месте послужил приказ НКВД СССР за № 001049 от 25 мая 1942 г.⁶⁵ Однако данное учреждение фактически располагалось в этом районе Удмуртии уже в более ранний период. Судя по воспоминаниям старожилов поселка, первые пленные из армий гитлеровского военного альянса начали поступать в лагерь № 75, размещенный в пос. Рябово, уже осенью 1941 г. Сначала сюда прибыли обезоруженные военнослужащие финской армии, затем здесь появились немецкие, румынские, венгерские солдаты. По информации бывшего вольнонаемного сотрудника лагеря № 75 Л. А. Пантюхина, этот пункт содержания иностранных пленных был сформирован еще в 1939 г. и

⁶⁴ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 42. Л. 125.

⁶⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 3. Д. 6. Л. 71.

дислоцировался на Украине, под Киевом. Поначалу в лагере содержались польские военнослужащие. Но в первые недели Великой Отечественной войны их освободили. Лагерь был эвакуирован в Удмуртию⁶⁶. В 1942 г. он являлся одним из крупнейших в СССР пунктов пребывания обезоруженных солдат из армий гитлеровского альянса. В этот период часть контингента, находившегося в Рябово, составляли немцы, взятые в плен в ходе контрнаступления Красной Армии под Москвой.

15 июня было подписано письмо УПВИ НКВД СССР на имя начальника Управления лагеря № 75 старшего батальонного комиссара Н. И. Ходаса. В документе устанавливался порядок оснащения Рябовского пункта содержания пленных всем необходимым. Причем, данная задача возлагалась в основном на руководство треста «Оборонторфстрой». Эта организация, входившая в структуру Наркомата вооружений СССР была эвакуирована в первые месяцы войны из Москвы в пос. Ува. Тресту предписывалось построить в лагере помещения, обеспечить этот пункт содержания спецконтингента водой, электричеством, а также снабдить противопожарным оборудованием. Предприятие все это должно было сделать без денежной компенсации. В то же время, предоставленные трестом лагерю хозяйственный и кухонный инвентарь, а также топливо оплачивались. Руководству треста «Оборонторфстрой» было поручено снабдить пункт содержания пленных автомобильным и гужевым транспортом с оплатой со стороны УПВИ НКВД СССР горюче-смазочных материалов и запчастей, а также фуража для лошадей. Кроме того, было предусмотрено выделение продовольственных фондов, оплачиваемых лагерем. Одному военнопленному в сутки планировалось выдавать 400 г. хлеба, 25 г. – мяса, 600 г. – картофеля и овощей, а также 250 г. махорки на курящего. Вещевое довольствие в виде постельных принадлежностей, спецодежды, зимнего обмундирования и обуви выделялось трестом «Оборонторфстрой», но оплачивалось УПВИ НКВД через финансовый отдел пункта содержания пленных.

⁶⁶ ЦГА УР. Ф Р-1862. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

24 июля 1942 г. между лагерем и трестом «Оборонторфстрой» был заключен договор, который регулировал отношения двух организаций в процессе добычи торфа для нужд оборонной промышленности, главным образом, металлургического завода № 71. Однако некоторые пункты этого документа не всегда соблюдались. В первые месяцы существования лагеря особые нарекания на ход выполнения условий договора имелись у управляющего трестом «Оборонторфстрой» Н. Загорулько⁶⁷. Подобные нестыковки объяснялись в основном отсутствием опыта у руководства этих двух организаций в деле использования труда военнопленных в сложных условиях военного времени.

У прибывших в лагерь военнопленных финансовый отдел принимал на хранение ценности: деньги, часы, награды и т.п. Сотрудникам учетного отдела сдавались документы, фотокарточки. Пленные в бараках размещались по национальностям. В одних помещениях жили немцы, в других – румыны и т.д. Кроме барачных имелись подсобные помещения, санпропускник, столовая, клуб. Лагерь, дислоцировавшийся несколько южнее полотна железной дороги Ува-Кильмезь, был окружен забором трехметровой высоты с колючей проволокой. По углам территории пункта содержания пленных находились вышки для сотрудников конвоя⁶⁸. Судя по воспоминаниям старожилов пос. Рябово, северная половина лагеря частично размещалась на территории, где в 1956 г. была построена местная средняя школа. В нескольких метрах восточнее основных зданий этого образовательного учреждения к настоящему времени сохранились две деревянные постройки, непосредственно относившиеся к пункту содержания бывших иностранных солдат. Одна из них в свое время служила проходной лагеря № 75. Второе сохранившееся до наших дней помещение являлось первым жилым корпусом военнопленных (Приложение 6). Южная часть лагеря занимала территорию современного школьного стадиона. Там находились колодцы, продуктовый ларек, мастерские, кузница, баня, прачечная⁶⁹ (Приложение 1).

⁶⁷ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 3. Д. 6. Л. 65, 71.

⁶⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

⁶⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 106. Л. 8.

Напротив западной стороны лагеря располагалось здание дирекции местного торфопредприятия.

Первоначально предполагалось, что численность спецконтингента должна составлять 1 500 человек. Однако жизнь внесла свои коррективы. По состоянию на 1 июля 1942 г. в лагере № 75 находилось 1 250 человек. При этом на работу выходили максимум 300 военнопленных, а труд остальных не использовался, ввиду недостатка солдат для охраны.

В первые месяцы существования Рябовского лагеря возникла проблема нехватки электроламп для освещения помещений. Этим воспользовались некоторые из военнопленных, предпринявшие попытки побегов. В письме от 15 августа 1942 г. начальник лагеря Н. И. Ходас и комиссар, старший лейтенант Лаврентьев сообщили первому секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А. П. Чекинову, а также руководству треста «Оборонторфстрой» о том, что в условиях отсутствия освещения в ночные часы за одну неделю были зафиксированы «один допущенный побег и два предупрежденных». В лагере случались и другие происшествия. В частности, в вахтерской будке кто-то нарушил телефонную связь, отсоединив провод. Затягивалось решение вопроса об установке дополнительных телефонных аппаратов. В этом письме авторы прямо заявили: «...Не обратить внимание на проблемы – это значит перед осенне-зимним периодом поставить вопрос о самом существовании лагеря»⁷⁰.

Ситуацию усугубляло наличие среди представителей спецконтингента убежденных нацистов и тех, кто принципиально не желал «работать на русских». Эти гитлеровцы саботировали многие мероприятия, организуемые руководством лагеря № 75, и настраивали некоторых своих соотечественников на совершение побегов. Одним из тех, кто не хотел работать, оказался военнопленный Мензак. Он уклонялся от исполнения своих трудовых обязанностей, симулировал. При этом врачи признали его годным к работе. Мензак попытался бежать, но был задержан. Он никак не хотел мириться со своим положением, отрубил себе кисть

⁷⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 3. Д. 7. Л. 50–51.

левой руки, потом умышленно затягивал лечение, загрязнял рану. В результате, Мензак был передан военному трибуналу⁷¹.

Однако случаи саботажа и побегов в лагере № 75 были скорее исключением, чем правилом. Основная масса военнопленных смирилась со своим положением, тем более, что геббельсовская пропаганда об «ужасах русского плена» оказалась ложью. Бывшие солдаты вермахта и союзных гитлеровцам армий, содержащиеся в Рябово, понемногу приспособились к лагерным условиям жизни и деятельности.

Постепенно острые и наболевшие проблемы разрешались. Строились, а затем вводились в эксплуатацию новые помещения, было улучшено и упорядочено снабжение лагеря всем необходимым, был введен стабильный режим дня бывших иностранных солдат и офицеров.

Начиная с мая 1943 г., пленные, содержащиеся в Рябово, приступали к работе в 9:00. С 13:00 до 14:00 обедали. В 18:30 заканчивали работать. Причем, начало перерыва на обед и окончание работы пленных сигнализировались протяжными гудками, которые длились минуту⁷². Таким образом, бывшие иностранные военнослужащие из лагеря № 75 в середине 1943 г. трудились 8,5 часов в сутки.

По положению на 9 декабря 1943 г. в Рябово содержалось 1 104 военнопленных, преимущественно солдаты и младший командный состав⁷³. Впоследствии контингент лагеря № 75 увеличился. В марте 1944 г. был запланирован приезд в Рябово 1300 вольнонаемных рабочих. Но по сообщению директора Увинского торфопредприятия Сербина их негде было разместить, поскольку все жилые помещения были заняты военнопленными. Люди были вынуждены селиться в окрестных деревнях, расположенных на расстоянии 5-6 километров от места работы, что негативно сказывалось на продолжительности рабочего дня и производительности труда. Поэтому директор просил в своем

⁷¹ Перевошиков Д.В. Военнопленные в Удмуртии. 1941–1949 гг. // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 137.

⁷² Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 216. Оп. 2. Д. 7. Л. 118.

⁷³ Венгерские военнопленные в СССР. М., 2005. С. 281.

письме А. П. Чекинову выделить для размещения прибывающих рабочих дополнительную жилплощадь⁷⁴.

Во второй половине 1946 г. на территории лагеря № 75, дислоцировавшегося в Рябово, находились 5 отапливаемых печами одноэтажных деревянных бараков, где размещались пленные, а также кухня, лазарет, баня, прачечная, дезокамера, мастерская, кузница, склады, продуктовый ларек, палатки вспомогательной команды (расконвоированных пленных), гараж. Штаб лагеря, помещение для вахткоманды, склады, овощехранилище, конный двор и электростанция располагались вне территории пункта содержания пленных, но неподалеку от забора, его огораживающего. Жилфонд был предоставлен Увинским торфопредприятием⁷⁵.

В марте 1947 г. на торфоразработках, расположенных неподалеку от пос. Рябово, работали около 900 пленных. Кроме граждан Германии там были задействованы 125 румын и 107 венгров, а также небольшое количество уроженцев других стран⁷⁶.

В структуру лагеря № 75 входило 2-е отделение, сформированное к октябрю 1942 г.⁷⁷ Оно располагалось к северо-западу от пос. Ува, на 17-м километре узкоколейной лесовозной железной дороги. В документах это место размещения спецконтингента нередко именовалось «17-й участок» Увинского лесопункта. Здесь, на вырубке, окруженной густым лесом, чуть севернее речки Пуровайки располагался вытянутый с севера на юг поселок. В его южной части, на специально выделенной площади жили обезоруженные иностранные солдаты. В настоящее время этот участок лесной территории сохраняет различные свидетельства жизни и деятельности спецконтингента. На пустыре, заросшем кустарником и травой, можно видеть остатки бревен и углубления, где в свое время размещались фундаменты деревянных зданий.

⁷⁴ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3938. Л. 71.

⁷⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 106. Л. 8.

⁷⁶ Венгерские военнопленные в СССР. С. 216.

⁷⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 389. Л. 2.

Военнопленные, содержащиеся к северо-западу от пос. Ува, были заняты, в основном, на заготовке древесного топлива для металлургического завода № 71.

Летом 1943 г. в пределах 2-го отделения лагеря № 75 протекала интенсивная работа по строительству и снабжению этого пункта содержания военнопленных всем необходимым. 27 июля 1943 г. заместителем управляющего треста «Ижлес» Вологжаниным был подписан приказ о необходимости обеспечения места жительства представителей спецконтингента электроустановкой, стройматериалами, инструментом. Предполагалось разобрать в близлежащей д. Пекшур и привезти на «17-й участок» 16-квартирный барак для размещения казармы и столовой гарнизона охраны, а также один 2-квартирный дом и помещение для вещевого склада⁷⁸.

После разгрома 6-й пехотной и 4-й танковой армий гитлеровцев, а также некоторых румынских и итальянских подразделений под Сталинградом все больше и больше вражеских военнослужащих попадало в плен. Возникла необходимость расширения системы содержания и трудового использования обездоруженных военнослужащих противника. В связи с этим пленных в Удмуртии стало больше. На базе 2-го отделения, размещенного на 17-м километре узкоколейной железной дороги северо-западнее пос. Ува, в ноябре 1943 г. был сформирован лагерь № 155⁷⁹. Туда в штат охраны и обслуживания из Рябово перевели некоторых военнослужащих и других вольнонаемных сотрудников. Они не только ничего не теряли от переезда, но и, заняв новые должности, получили квартиры.

В феврале 1944 г. начальником Управления лагеря № 155 являлся капитан Авербух. В марте эту должность занимал майор Ф. М. Максимов. В течение короткого времени он сумел хорошо организовать труд военнопленных. В мае 1944 г. Ф. М. Максимова было присвоено звание подполковника. Нарком лесной промышленности СССР М. И. Салтыков вручил ему в качестве награды золотые

⁷⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 20. Л. 153–154.

⁷⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 389. Л. 2.

часы, а офицеры из штаба лагеря получили подарки⁸⁰. В 1945 г. Ф. М. Максимова, переехавшего на аналогичную работу в г. Ижевск, на должности начальника этого пункта содержания пленных сменил, по-видимому фронтовик, гвардии майор Парфутин⁸¹.

По положению на 9 декабря 1943 г. на территории «17-го участка» содержался 1271 военнопленный⁸². Условия жизни бывших солдат армий противника в это время не были идеальными. Поэтому предпринимались меры для их улучшения. 11 марта 1944 г. был подписан приказ управляющего треста «Ижлес» Д. Колпакова, в котором предписывалось в целях создания нормальных условий для размещения военнопленных в лагере № 155 и дальнейшего строительства ими Ува-Туклинской узкоколейной железной дороги организовать к 17 марта прорабский стройучасток, обеспечив его всем необходимым. В документе содержалось также распоряжение приступить к возведению двух брусчатых барачных корпусов. Причем строить эти помещения должны были сами военнопленные. Увинский лесозавод выступал как основной поставщик трех разновидностей бруса сечением 15x15, 15x8 и 22x12 см. Кроме того, приказом предписывалось доставить на «17-й лесоучасток» 700 кг. гвоздей, 24 000 штук красного кирпича, 2,5 тонны пакли, 6 ящиков оконного стекла, 14 комплектов печных приборов. Все стройматериалы доставлялись к месту назначения в вагонах по узкоколейной железной дороге⁸³.

Судя по воспоминаниям бывшей сотрудницы лагеря № 155 Н. М. Стрижовой, там были построены несколько корпусов для пленных, пищеблок, баня, мастерские, электростанция, пекарня, стационар, щитовые домики. По свидетельству Л. А. Пантюхина, в помещениях размещались гарнизон конвойных войск в количестве одной роты, штаб. На «17-м участке» находились также общежитие для сотрудников внутренней охраны, квартиры для вольнонаемных,

⁸⁰ Пантюхин Л. А. Воспоминания о В. Е. Майере // Российские немцы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 декабря 2004 г. Выпуск 5. Ижевск, 2006. С. 146–147.

⁸¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 2. Л. 22.

⁸² Венгерские военнопленные в СССР. С. 281.

⁸³ ЦГА УР. Ф Р-1089. Оп. 1. Д. 38. Л. 41.

военнослужащих, их семей, а также продовольственный и вещевой склады⁸⁴. Помимо вышеупомянутых построек, здесь располагались лазарет, кухня, прачечная, кузница, газогенераторная электростанция, овощехранилище, дезокамера. Штаб пункта содержания спецконтингента № 155, а затем лагерного отделения № 2 находился на некотором отдалении от территории размещения пленных, среди двенадцати жилых 2-квартирных домов сотрудников конвоя и других вольнонаемных работников. Узкоколейная железная дорога, ведущая в пос. Ува, пересекала вытянутую с севера на юг территорию «17-лесоучастка» на две части. Водоснабжение осуществлялось с помощью колодцев. Пленные размещались недалеко от заболоченного берега речки Пуровайки, в трех отапливаемых печами одноэтажных деревянных бараках, где были оборудованы двухъярусные нары (Приложение 8). К 1946 г. чуть западнее основной зоны размещения пленных была построена еще одна. Однако она долгое время пустовала. Весь жилфонд пункта содержания спецконтингента был предоставлен Увинским лесопунктом треста «Ижлес»⁸⁵. Территория пребывания бывших иностранных солдат была окружена дощатым забором высотой 2,5 метра⁸⁶. В конце второго квартала 1944 г. в лагере насчитывалось 1208 пленных. Из них к первой категории трудоспособности были отнесены 180 человек, ко второй – 289, к третьей – 573. Четвертую группу составили 36 пленных, состояние которых позволяло считать их инвалидами. В оздоровительной команде находилось 75 человек, в лазарете – 55 бывших иностранных военнослужащих. К июню 1946 г. количество пленных, проживавших на «17-м участке», резко уменьшилось до 847 человек⁸⁷.

Лагерь № 155 активно благоустраивался. На его территории были размещены беседки из березовой древесины и даже фонтан со скульптурой в виде

⁸⁴ Пантюхин Л. А. Указ. соч. С. 142–143.

⁸⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 106. Л. 9.

⁸⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 46. Л. 58.

⁸⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 106. Л. 9.

слона, из хобота которого лилась вода. По свидетельству бывшей сотрудницы лагеря № 155 Н. Н. Кирпиковой, там наблюдались чистота и порядок⁸⁸.

Питание иностранцев осуществлялось три раза в сутки: в 7:00 – завтрак, в 13:00 – обед, в 19:00 – ужин. Все блюда подавались в горячем виде. В 1944 г. ассортимент продуктов для пленных лагеря № 155 был для военного времени весьма обильным, включая в себя мясо, сало, шпиг, рыбу, горох, гречневую крупу, лапшу, картофель, лук, томаты, капусту и другие продукты⁸⁹. Бывшие офицеры армий гитлеровского блока питались лучше, чем солдаты, получая отдельный паек из трех блюд. Средняя калорийность пищи для пленных, больных дистрофией составляла 2 654 калории⁹⁰. Во избежание авитаминоза и цинги в обязательном порядке всем бывшим иностранным военнослужащим ежедневно выдавали летом настой крапивы или рябины, зимой – хвой⁹¹. Однако во втором квартале 1944 г. в лагере № 155 еще не было столовой, поэтому пленным приходилось принимать пищу в жилых корпусах.

Представители спецконтингента 4 раза в месяц мылись в бане и меняли белье. На территории «17-го участка» работала парикмахерская⁹².

В лагере № 155 военнопленным выдавались обувь, одежда – сапоги, валенки, бурки, а также брюки, френчи, гимнастерки, ватные телогрейки, шинели, шапки, рукавицы и перчатки. Причем некоторые предметы гардероба были в избытке. Например, к началу октября 1944 г. в лагере насчитывалось 1 537 шинелей, а пленным необходимо было только 1 264. Имелось 2 053 телогреек при той же потребности. Брюк было 1 400, что на 136 пар превосходило требуемое количество этого предмета одежды. Аналогичная ситуация наблюдалась с шапками, рукавицами, перчатками, френчами, гимнастерками, которых в лагере насчитывалось больше, чем требовалось военнопленным. С другой стороны, ощущался определенный недостаток валенок и бурок. При потребности в 1 264

⁸⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

⁸⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 46. Л. 67 об.

⁹⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 11а. Д. 8. Л. 170.

⁹¹ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

⁹² РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 46. Л. 67 об.

имелось лишь 415 пар. Эта проблема отчасти решалась выдачей пленным сапог. К началу октября 1944 г. в лагере насчитывалось 780 пар этого вида обуви. Имела место также небольшая нехватка простыней и одеял. В частности, последний вид постельных принадлежностей имелся в количестве 1 219 штук при потребности в 1 264⁹³.

Нехватка обуви отрицательно сказалась на здоровье некоторых пленных. Количество больных увеличилось. Это несколько ускорило процесс репатриации, поскольку в свои страны в первую очередь уезжали пленные с хроническими заболеваниями. В июле 1945 г. было отправлено на родину 265 человек. После этого в самом лагере № 155 осталось 828 военнопленных. В его отделении, расположенном непосредственно в пос. Ува, содержалось 557 представителей спецконтингента – всего 1385 бывших военнослужащих противника. В сентябре 1945 г. в лагере № 155 находилось 1228 пленных, включая бывших военнослужащих дивизии СС. Спустя месяц, там осталось 1086 человек⁹⁴.

В октябре того же года зона пребывания бывших иностранных солдат, расположенная на 17-м километре узкоколейной лесовозной железной дороги, была вновь реорганизована во 2-е отделение лагеря № 75⁹⁵.

Третий филиал Рябовского пункта содержания пленных, рассчитанный на 500 человек, был развернут неподалеку от железнодорожной ст. Ува. Отделение носило статус оздоровительного. В июле 1946 г. там содержалось 475 военнопленных⁹⁶.

4-е отделение лагеря № 75 дислоцировалось на окраине пос. Ува, несколько севернее лесозавода треста «Ижлес» и просуществовало до сентября 1948 г.⁹⁷ Кроме одноэтажных деревянных жилых корпусов, где размещались бывшие иностранные военнослужащие, на территории этого отделения лагеря № 75 находились небольшой лазарет на 6 коек, кухня, баня, кузница, вещевого и

⁹³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 11а. Д. 8. Л. 170 об.

⁹⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 2. Л. 15–24.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 731. Л. 256.

⁹⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 106. Л. 1.

⁹⁷ Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 49. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

продовольственный склады, конный и скотный дворы. Освещение филиала осуществлялось с помощью электростанции лесозавода. Жилые помещения отапливались печами. Вода для нужд контингента набиралась из колодцев. В июне 1946 г. здесь находилось 477 военнопленных. Все жилые помещения и другие постройки, необходимые для нормального функционирования этого лагерного отделения, были предоставлены лесозаводом⁹⁸.

В это время головной – Рябовский пункт содержания спецконтингента еще продолжал существовать. После 1942 г. начальника Управления лагеря № 75 Н. И. Ходаса и его заместителя по политической части Лаврентьева повысили в звании, отозвали в Москву для получения новых назначений. Это свидетельствовало о том, что они, в основном, справились с теми проблемами в работе с военнопленными, которые у них были. Н. И. Ходаса на должности начальника Управления лагеря № 75 заменил майор Романовский. По отзывам очевидцев, он был высококультурным и интеллигентным человеком. С 10 декабря 1944 г. Рябовский лагерь возглавлял М. Н. Максюта⁹⁹, который проявил себя энергичным и довольно решительным руководителем. Это, в частности, подтвердилось в связи с одним чрезвычайным происшествием, случившемся незадолго до расформирования пункта пребывания пленных.

2 июня 1947 г. в пос. Рябово по причине короткого замыкания электропроводов в помещении кассы Увинского торфопредприятия произошел пожар. Дежурная телефонистка Рязанова, не растерявшись, сразу же оповестила о случившемся штаб лагеря № 75. Первым на место чрезвычайного происшествия прибыл майор М. Н. Максюта. Он организовал быстрое тушение огня и лично принял в этом активное участие с риском для собственного здоровья. В результате, пожар был быстро ликвидирован без материального ущерба. В тушении возгорания участвовали сотрудники лагеря старший лейтенант Тищенко, лейтенант Кузнецов, а также начальник отдела кадров Увинского торфопредприятия Д. Е. Старков. Директор этой организации И. Г. Броженко в

⁹⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 106. Л. 10.

⁹⁹ Там же. Л. 14.

своем приказе № 29 от 4 июня объявил благодарность М. Н. Максюте. В то же время, Тищенко, Кузнецову, Д. Е. Старкову из фонда по противопожарным мероприятиям были выписаны премии размером 150 руб., телефонистке Рязановой – 100 руб.¹⁰⁰

В октябре 1947 г. военнопленные покинули пос. Рябово¹⁰¹. Некоторых бывших иностранных солдат репатриировали на родину или отправили в лагерь, расположенный в Свердловской области, в г. Краснотурьинск. В октябре 1947 г. было расформировано и 2-е отделение, располагавшееся на «17-м участке»¹⁰².

Часть пленных из лагеря № 75 была перевезена в г. Ижевск, где в июле 1945 г.¹⁰³ начал функционировать лагерь № 371. Род их трудовой деятельности резко изменился. От работ в лесу и на торфоразработках пришлось перейти к строительству, а также к производственной деятельности на заводах № 46, 71 и 74. Первым начальником Управления лагеря был назначен подполковник Ф. М. Максимов. В 1947–1948 гг. эту должность занимали капитаны С. А. Полпудников и Кожевников.

Лагерь № 371 состоял из четырех отделений. Каждый из его филиалов возглавляло должностное лицо из числа бывших иностранных военнослужащих. Так, в 1947 г. старшиной 1-го отделения был немец Г. Шон, 2-го – пленный Зизик.

В ноябре 1945 г. контингент всех четырех филиалов лагеря № 371 составляли 4059 человек. На работы выводилось 3 022 пленных: 850 бывших иностранных солдат трудились на заводе № 71, 380 человек работали на Пастуховском лесопункте треста «Ижлес», 1792 иностранца были заняты в системе треста № 51¹⁰⁴.

1-е отделение лагеря № 371 располагалось в Октябрьском (ныне – Ленинском) районе г. Ижевска, в юго-восточной части квартала, сформированного современными улицами Клубная, Новостроительная и

¹⁰⁰ Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 216. Оп. 2. Д. 23. Л. 14 об.

¹⁰¹ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 101. Л. 86.

¹⁰² РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 389. Л. 3.

¹⁰³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 252.

¹⁰⁴ Там же. Л. 15.

Драгунова (Приложение 4). В июле 1946 г. военнопленные жили в шести деревянных бараках каркасного типа, оборудованных двухъярусными нарами. Эти деревянные одноэтажные постройки с печным отоплением и электрическим освещением имели стандартные параметры: длина – 42,18 м., ширина – 10,78 м. и высота – 3,1 м. Помимо вещевого склада на территории первого отделения был оборудован ледник для хранения продуктов. Сотрудники военизированной охраны жили в отдельном бараке, который по размерам и типу являлся идентичным с помещениями для пленных. На территории первого отделения располагался лазарет со 170 железными койками, а также столовая на 150 посадочных мест, кухня, баня-прачечная, котельная, дезокамера, карцер, гараж, склады (Приложение 1). Здание штаба Управления лагеря и общежитие вахткоманды находились несколько севернее огороженной забором зоны. ТЭЦ завода № 71 обеспечивала 1-е отделение лагеря № 371 электроэнергией. На территории этого пункта содержания пленных работал водопровод. Жилфонд был предоставлен строительным трестом № 51, входившим в структуру Наркомата вооружений СССР. По словам старожилов, в том числе жительницы г. Ижевска В. В. Лушниковой, в 1-м отделении находились также санпропускник, амбулатория, зимний клуб, библиотека и прачечная. В штабе Управления лагеря на первом этаже располагались офицеры НКВД, на втором – младшие командиры и рядовые. Пищеблок и клуб для советских военнослужащих находились в этом же помещении.

Территория 1-го отделения лагеря № 371 была окружена построенным в конце 1945 г. деревянным забором высотой 2,75 м. Периметр этого ограждения достигал 560 м. Высота каждой из 5 охранных вышек составляла 5,79 м¹⁰⁵. В августе 1946 г. в этой части лагеря № 371 содержались 2 078 военнопленных.

2-е отделение этого пункта пребывания спецконтингента размещалось на северо-западе Ижевска, в Пушкинском городке. Бывшие иностранные военнослужащие содержались в южной части квартала между улицами 8-я, 9-я Подлесная, Школьным (ныне – ул. Школьная) и Прудовым (ныне – ул. 30 лет

¹⁰⁵ ЦГА УР. Ф. 1309. Оп. 2. Д. 10. Л. 119, 123–126.

Победы) переулками. Пленные жили в четырех деревянных бараках каркасно-засыпного типа, которые располагались параллельно друг другу. В этих помещениях с печным отоплением и электрическим освещением были оборудованы двухъярусные нары вагонного типа. На территории пункта содержания пленных размещались также лазарет с 50 железными койками, столовая, пищеблок, баня, дезокамера. Штаб 2-го отделения лагеря № 371 располагался вне огороженной забором зоны. Жилфонд был предоставлен металлургическим заводом. В августе 1946 г. в северо-западной части г. Ижевска содержались 1 272 военнопленных¹⁰⁶.

3-е отделение лагеря № 371 с июля 1945 г.¹⁰⁷ дислоцировалось на западном берегу небольшой речки Тылой, на лесной вырубке, находившейся на расстоянии четырех километров к востоку от пос. Лынга Якшур-Бодьинского района. Военнопленные содержались на территории временно ликвидированной ИТК № 7¹⁰⁸. В 3-м отделении основная их часть проживала в двух больших бараках. При этом, небольшое количество бывших иностранных солдат было размещено непосредственно в пос. Лынга.

В конце октября 1945 г. в районе этого населенного пункта содержалось 514 военнопленных. Из них 123 человека были признаны годными к тяжелой физической работе, 77 – к легкому труду¹⁰⁹. Должность начальника 3-го отделения занимал Г. И. Коренюк¹¹⁰. С августа 1945 г. военнопленные были задействованы на 147-м участке Пастуховского лесопункта треста «Ижлес»¹¹¹. По утверждению очевидца А. Козлова, в состав суточного довольствия бывших иностранных солдат входили белый хлеб, сахар, масло. При этом некоторые пленные совершали кражи хлеба со складов. В свободное от работы время они нередко без конвоя передвигались по территории пос. Лынга в своих военных

¹⁰⁶ РГВА. 1п. Оп. 15а. Д. 288. Л. 8–9.

¹⁰⁷ Архивный отдел Администрации МО «Якшур-Бодьинский район». Ф. 175. Оп. 2. Д. 9. Л. 157.

¹⁰⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 392. Л. 5.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 203.

¹¹⁰ Там же. Л. 94.

¹¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 48. Л. 230; Якшур-Бодья – сердцу милый уголок. Ижевск, 1999. С. 65.

мундирах. Материальное положение пленных оставляло желать лучшего. В ряде случаев они одевались не по погоде, обмундирование требовало починки. Обувь некоторых немцев была непригодной для использования – на одной ноге галоша, на другой ботинок. Следует отметить, что пленные, не имевшие нормальной обуви, на работу не выводились. Так, в декабре 1945 г. по этой причине был освобожден от трудовой деятельности 51 человек¹¹².

Представители местного населения, будучи свидетелями их незавидного положения, приносили пленным продукты. Запущенные болезни иногда приводили к летальным исходам¹¹³. Однако смертность среди бывших иностранных солдат, находившихся в районе пос. Лынга, не была очень высокой. За весь период пребывания на 147-м участке Пастуховского лесопункта в районе этого предприятия было захоронено 25 пленных¹¹⁴.

Помимо главной своей обязанности – лесозаготовок, пленные, находившиеся в этом районе Удмуртии, занимались ремеслом по дереву. С руководством лагерного отделения немцы контактировали через переводчика.

В лынгинском пункте содержания пленных случались и чрезвычайные происшествия. Однажды один из бывших немецких солдат совершил побег. На поиски были посланы конвойные с собаками. Сбежавшего нашли и отправили обратно в лагерь. Возвращаясь туда, пленный в грубой форме раскритиковал Гитлера за то, что тот принял решение совершить военное нападение на СССР. «Здесь и лес русскому помощник» – заявил немец¹¹⁵. В январе 1946 г. бывшие иностранные военнослужащие покинули пункт содержания пленных, располагавшийся в районе пос. Лынга¹¹⁶.

При этом 3-е отделение лагеря № 371 не перестало существовать. В 1946 г. оно функционировало уже в заречной части г. Ижевска, в районе Клубного переулка (ныне – ул. Клубная), несколько восточнее современной улицы

¹¹² РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 227.

¹¹³ Москов Е. Поселок Лынга: история и современность // Наука Удмуртии. 2012. № 1. С. 70.

¹¹⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 64.

¹¹⁵ Фертиков П. Там, за высоким забором // Удмуртская правда. 2007. № 93. 15 августа.

¹¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 87. Л. 20.

Новошестнадцатая. Пленные размещались в четырех деревянных бараках каркасного типа. Причем условия были более комфортными, чем в первых двух отделениях лагеря. Военнопленные спали на двухъярусных железных койках. Помимо жилых бараков, на территории 3-го отделения находились кухня, столовая, баня, склады. Все помещения были построены за счет средств завода № 71. По положению на 2 августа 1946 г. в 3-м филиале находилось 408 бывших иностранных военнослужащих.

4-е отделение лагеря № 371 дислоцировалось в г. Воткинске и было организовано специально для пленных, находившихся в 1945–1946 гг. на реконструкции плотины местного пруда. Оно располагалось на северной окраине города, неподалеку от улицы Шарканской, представлявшей фактически часть дороги Воткинск – Шаркан, в нескольких сотнях метров северо-западнее моста через речку Березовку¹¹⁷. По положению на 1 ноября 1945 г. в этом пункте содержания пленных находилось 776 военнопленных. Контингент подразделялся на три группы работоспособности. 224 пленных были признаны годными к тяжелому физическому труду, 365 человек – к среднему и 181 – к легкому. При этом 6 иностранцев не работали и находились в оздоровительной команде¹¹⁸. В апреле 1946 г.¹¹⁹ после окончания реконструкции плотины 4-е отделение было расформировано, а пленные из него отправлены в столицу республики.

Наибольшее количество представителей контингента лагеря № 371 содержалось в г. Ижевске. Иногда часть бывших военнослужащих разгромленных армий доставлялась к строительным объектам на автомашинах. Но в большинстве случаев на работу военнопленные ходили строем по улицам города, сопровождаемые немногочисленным конвоем. Реакция ижевчан на такие шествия бывших вражеских солдат и офицеров была разной. Но все же, преобладала сдержанность и терпимость. Пленные нередко выглядели жалкими, беззащитными. Поэтому иногда сердобольные женщины передавали им во время

¹¹⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 393. Л. 5.

¹¹⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 203.

¹¹⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 3. Л. 119.

таких шествий еду. Некоторые военнопленные были расконвоированы и перемещались по Ижевску без охраны. Они находились во вспомогательной команде и помогали вести надзор за своими соотечественниками, находившимися на работах в различных районах города. В число расконвоированных подбирались иностранцы, хорошо зарекомендовавшие себя в труде и антифашистских мероприятиях, лояльно относившиеся к СССР.

Администрацией лагеря № 371 организовывались конкурсы на лучшее отделение, роту, бригаду, пищевой блок. Тем самым, частично было организовано самоуправление. Военнопленные собственными руками наводили порядок в жилых и хозяйственных помещениях, пунктах питания. Такой конкурс проводился весной 1947 г. Упомянув о его результатах, начальник Управления лагеря подполковник Ф. М. Максимов отметил в своем приказе добросовестную работу бывших иностранных солдат, что благоприятно отразилось на жилищно-бытовых условиях и организации питания военнопленных. Для отличившихся в качестве поощрения были выделены дополнительные финансовые средства в сумме 1 300 рублей. Эти деньги получили в качестве премии те пленные, которые лучше всего проявили себя при проведении конкурса.

Из протокола заседания комиссии, которая в мае 1947 г. проинспектировала бытовые условия в 1-м отделении лагеря, можно узнать, что бараки были отремонтированы, производилась двукратная побелка и покраска. Установив эти факты, комиссия признала общее санитарное состояние помещений хорошим. В бараках 1-го отделения лагеря № 371 пленные спали на нарах и койках, были обеспечены постельными принадлежностями. Функционировала комната отдыха. Можно было почитать книги в небольшой библиотеке. Отделению № 2 ижевского лагеря была поставлена оценка «удовлетворительно». Судя по документам инспектирующей комиссии, там пленные содержались в бараках комнатного типа.

В лагере № 371 представители спецконтингента по нормативу три раза в день получали бесплатно горячее питание. Обед состоял из двух блюд. Хлеб выдавался пленным два раза в день. Утром они получали по 400 г. Вечером им

выдавался остаток положенного количества хлеба согласно выполненной ими норме выработки за прошедший день. Дополнительное питание также выписывалось в зависимости от эффективности труда пленного. Уровень выполнения им производственной нормы фиксировался в ежедневной справке бригадира с указанием процента реализации поставленной задачи.

В ноябре 1945 г. во 2-м отделении пленные завтракали с 5:20 до 6:30, обедали с 12:00 до 13:00, ужинали с 18:00 до 19:30. Все иностранцы, работавшие на металлургическом заводе, непосредственно на производстве получали за счет этого предприятия дополнительное питание. На кухне 2-го отделения лагеря № 371 имелась электрическая картофелеочистка. Она была сконструирована самими пленными. Этот аппарат не только значительно упрощал приготовление блюд, но и сокращал время для этого¹²⁰. Каждый пленный имел возможность знать все положенные нормы питания. На кухне и в столовой была вывешена информация о них. Все выписанные продукты согласно накладной принимал заведующий столовой в присутствии старшего повара и дежурного офицера из военнопленных. Расход полученного записывался в контрольный лист. В нем указывались виды и количество продуктов, заложенных в котел для завтрака, обеда и ужина. В этом же листе медработником фиксировалось качество приготовленной пищи¹²¹. Поэтому вероятность хищений продуктов, предназначенных для питания военнопленных, была низкой.

12 ноября 1947 г. в МВД СССР была утверждена новая суточная норма питания для пленных немецких солдат. Один бывший германский военнослужащий в день должен был получать 600 г. хлеба, 90 г. муки, 30 г. мяса, 100 г. рыбы, 17 г. сахара, 30 г. соли, 600 г. картофеля, 170 г. квашеной капусты, а также небольшое количество макарон, сала, растительного масла, томатного пюре, суррогатного чая, перца, уксуса, моркови, свеклы, лука. При этом дополнительно предполагалось выдавать в сутки каждому пленному по 300 г.

¹²⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 20–21.

¹²¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 37–37 об.

хозяйственного мыла¹²². Бывший вольнонаемный сотрудник лагеря № 371 Л. А. Пантюхин в своих мемуарах утверждал о том, что вышеуказанные нормы реализовывались, все продукты выдавались пленным полностью. Специально выделенные сотрудники из военнопленных получали продовольствие. Они распределяли продукты питания среди своих соотечественников согласно нормам. Всё продовольствие, которое требовалось, присутствовало в наличии. Не происходило таких случаев, когда продуктов не хватало, и поэтому пленные не получили положенного количества еды. Политотдел лагеря № 371 регулярно требовал от всех советских граждан, работавших в этом пункте содержания спецконтингента, соблюдать утвержденную в 1907 г. Гаагскую конвенцию о военнопленных.

Овощи для бывших иностранных солдат и офицеров поступали из лагерного подсобного хозяйства. Колхоз «Новый путь крестьянина» выделял для него посевную площадь¹²³. Как правило, поварами назначались пленные, имевшие подобный опыт в армии. Иностранцы, занятые на лагерной кухне, были осведомлены об утвержденных нормах питания. Они, как правило, реализовывали их в правильном количестве¹²⁴. Дополнительное продовольствие бывшие иностранные военнослужащие приобретали на заработанные ими деньги в лагерных ларьках. Например, за февраль-апрель 1947 г. только во 2-м отделении таким образом пленным продали картофеля – 1 500 кг., капусты – 6 026 кг., молока – 375 л., яиц – 200 шт., меда – 20 кг. В течение 3-го квартала 1947 г. в ижевском лагере было куплено в продуктовых ларьках 18 000 кг. мясных изделий (колбаса, холодец, котлеты). Это составляло в среднем на одного пленного в месяц от 2 до 3 кг. дополнительного мясного продукта. Цена колбасных изделий в лагерном ларьке составляла от 15 до 30 руб. за килограмм. Поэтому в 1947 г. военнопленные, находившиеся в лагере № 371, голода фактически не испытывали. Таким образом, деньги, которые они получали за свой труд на

¹²² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 822. Л. 111.

¹²³ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 693. Л. 395.

¹²⁴ ЦГА УР. Ф. 1862. Оп. 1. Д. 28. Л. 2–3.

различных предприятиях г. Ижевска, являлись для них вполне ощутимым стимулом к добросовестной работе. Примечателен факт приобретения руководством 2-го отделения в первой половине 1947 г. 26 коров. В результате, представители спецконтингента были обеспечены мясом и свежим молоком.

В лагере № 371 функционировали производственные мастерские. Лица из пленных чинили и ремонтировали там одежду и обувь бывших иностранных солдат¹²⁵. Так же, как и в других лагерях, дислоцированных в Удмуртии, спецконтингенту для работы на предприятиях или на стройках выдавалась спецодежда¹²⁶. Один раз в неделю военнопленные посещали баню. Свежее белье они получали 5-6 раз в месяц. В каждом из двух крупнейших отделений лагеря № 371 работала парикмахерская.

При всех положительных моментах в процессе содержания спецконтингента примерного поведения пленных и полного благополучия в лагере для них трудно было ожидать. Воспитательная работа не всегда приводила к желаемым результатам. Например, перемещенный из Рябово в лагерь № 371 немец И. Махула, несмотря на то, что окончил антифашистские курсы, выменивал за хлеб золотые кольца у соседей по бараку, нередко вступал в драки между пленными.

Происходили также другие нарушения дисциплины. В отчете руководства лагеря № 371 за четвертый квартал 1947 г. содержится информация об одном случае профашистской агитации, трех фактах пьянства. Кроме того, был зафиксирован инцидент, связанный с саботажем. В тот же период произошло 12 случаев скупки и спекуляции хлебом. В штрафной лагерь-взвод было направлено 16 человек. При этом одного пленного предали суду Военного трибунала. Простому аресту подвергли 93 человека. Причем заметная часть иностранцев из этого числа была наказана за кражи¹²⁷.

Искоренение воровства, совершаемого многими пленными, оказалось

¹²⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 4 об.

¹²⁶ ЦГА УР. Р-785. Оп. 3. Д. 249. Л. 20.

¹²⁷ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 20–21 об, 27, 29 об, 38.

трудноразрешимой задачей. Чаще всего они совершали кражи друг у друга, а иногда уносили имущество лагеря или предприятий, где работали. Например, в первой половине 1946 г. немец Ю. Кауфман систематически обворовывал своих соотечественников, совершал хищения в пункте содержания. Среди украденных им вещей были обнаружены золотые ручные часы, зуб с золотой коронкой, ножницы из лазарета¹²⁸. В течение первых месяцев 1947 г. военнопленные Герман и Кольб, работавшие в цехе № 27 завода № 74, проявили свойственную для жителей Западной Европы предприимчивость. Они систематически похищали цветной металл, из которого в обеденные перерывы на производстве и в лагере после работы вытачивали бронзовые кольца. Затем продавали их вольнонаемным рабочим от 10 до 25 рублей за штуку. Пленным сбывали такое кольцо за 5 хлебных пайков. В апреле 1947 г. эту предприимчивость разоблачили, а Герман и Кольб были наказаны арестом на 5 суток с выводом на работу¹²⁹.

В августе 1947 г. в Управлении лагеря № 371 стало известно, что в июле бывшие солдаты вермахта Лойшнер и Либерман украли из цеха металлургического завода 115 штук напильников и продали их на этом же предприятии¹³⁰.

Позднее проблема хищений со стороны пленных продолжала существовать. За последние три месяца 1947 г. было зарегистрировано 76 случаев воровства¹³¹. В результате инспекционной проверки жилых помещений 2-го лагерного отделения, состоявшейся в 1947 г., почти у каждого пленного под матрацем были обнаружены предметы, похищенные с ижевских предприятий, в том числе куски железа, проволока, тряпки¹³².

Кроме того, представители спецконтингента, занятые на предприятиях с невысокой зарплатой, продавали обувь, одежду и даже постельные принадлежности, выданные в пункте содержания, некоторым вольнонаемным

¹²⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 2. Л. 12.

¹²⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 6. Л. 29.

¹³⁰ РГВА. Ф. 55. Оп. 6. Д. 4. Л. 59.

¹³¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 36 об.

¹³² Там же. Л. 21 об.

сотрудникам заводов за деньги, хлеб и картофель. Например, в марте 1946 г. трое пленных пытались продать в г. Ижевске полученные в лагере новые ботинки¹³³.

Нередким фактом было и пьянство среди военнопленных. Например, в июле 1946 г. бывший солдат вермахта, лагерный повар К. Мрацовский за неоднократное употребление спиртных напитков был подвергнут строгому 10-суточному аресту¹³⁴.

Помимо пьянства, мелких краж, мошенничества, продажи похищенного обмундирования и спекуляции хлебом военнопленные совершали и гораздо более серьезные нарушения режима и установленного порядка. Например, в начале 1947 г. был осуществлен побег из лагеря. В тот же период времени регистрировались случаи грубых оскорблений пленными работников пункта содержания спецконтингента¹³⁵.

Документы, фиксирующие вынесенные наказания за нарушения установленного режима, составлялись начальником Управления лагеря № 371. Так, 16 февраля 1946 г. Ф. М. Максимов подписал приказ арестовать на трое суток пленного Бутука. Румына подвергли санкциям за симуляцию и отказ от работы. 18 мая начальник Управления распорядился наказать военнопленного Л. Ф. Сырбу за совершенный побег строгим 10-дневным арестом. Этот бывший румынский солдат проявил изобретательность и хитрость при попытке вырваться из плена. В ноябре 1945 г. Л. Ф. Сырбу незаметно для конвоя отстал в г. Молотове (ныне – г. Пермь) от эшелона, после чего на товарном поезде сумел добраться до ст. Балезино. Затем в колхозе д. Сычи Глазовского района он устроился на работу в качестве кузнеца. Румын трудился там до 15 января 1946 г. Как не имеющий документов Л. Ф. Сырбу был задержан сотрудниками райотдела милиции, при этом выдав себя за дезертира оборонной промышленности Г. Ф. Мариуца. Однако вскоре подлинное имя и статус пленного стали известны, и его отправили в тюрьму. Оттуда Сырбу был перевезен в лагерь № 510. Но 28 декабря

¹³³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 2. Л. 8.

¹³⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 2. Л. 34.

¹³⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 12, 36 об.

1945 г. он бежал и оттуда. 6 января Сырбу был задержан в д. Карасево Глазовского района. После всех этих приключений румын оказался в лагере № 371. Там его за совершённые побег после отбытия 10-суточного ареста зачислили в штрафной взвод на три месяца.

Случалось, что подобные нарушения режима предпринимали и пленные, находившиеся на работах в г. Ижевске. Например, 26 мая 1946 г. попытались совершить побег немцы Эрнст и Ланге, занятые на цементном заводе треста № 51. Первого из них как инициатора наказали строгим арестом на 10 суток без вывода на работу. В августе 1946 г. такому же наказанию за совершенный побег был подвергнут венгр Л. Кочиш.

Военнопленные, скрывшиеся из мест их содержания, размещенных за пределами Удмуртии, но задержанные неподалеку от г. Ижевска, направлялись в лагерь № 371. Так, 12 июля 1946 г. Ф. М. Максимов подписал приказ зачислить на довольствие К. Динкерса. Этот немец, бежавший из лагеря, расположенного в г. Свердловске, был задержан сотрудниками милиции в г. Агрызе.

Строгими мерами пресекалась в лагере № 371 карточная игра на деньги. Любителям такого времяпрепровождения давали 3 суток ареста с выводом на работу¹³⁶.

Общеизвестно, что многие солдаты и офицеры немецкого вермахта, войск СС, а также военнослужащие из армий стран-сателлитов фашистской Германии обращались очень жестоко и цинично с гражданским населением оккупированных территорий Советского Союза, производили пытки, совершали многочисленные убийства стариков, женщин, детей. Разрушили и сожгли множество населенных пунктов, истребили различными способами немалое количество советских военнопленных. Война с гитлеровской Германией и ее союзниками привела к значительным потерям личного состава Красной Армии. Таким образом, далеко не все советские граждане могли сдерживать свое недовольство пленными, особенно немецкими.

Негативно относилась к представителям спецконтингента и часть ижевских

¹³⁶ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 2. Л. 5, 8, 10, 22, 31, 47.

рабочих. А.С. Богданова, которая в 1942–1950 гг. трудилась на заводе № 74, свидетельствует: «Пленные немцы работали в цехе, бывало, просили обменять на хлеб кусочек мыла. Мы смотрели на них с ненавистью, их бы воля – издевались бы над нами. Сколько по их вине полегло в землю-матушку мирного народа!»¹³⁷. Но в большинстве случаев подобные эмоции в отношении бывших солдат армий противника жители города умели подавлять, поэтому остроконфликтные ситуации между ними и пленными были скорее исключением, чем правилом.

В начале лета 1947 г. в г. Ижевске насчитывалось свыше 3200 представителей спецконтингента¹³⁸. Среди них находилось небольшое количество бывших высокопоставленных офицеров вермахта, включая немецких подполковников К. Вайсвайлера, Э. Оеля, А. Гоппе, полковников Э. Креймера, В. Писториуса¹³⁹.

В конце осени 1947 г. более сотни военнопленных из лагеря № 371 были расконвоированы. Причиной тому послужило распоряжение начальника Управления лагеря Ф. М. Максимова от 18 ноября. В документе говорилось: «На основании приказа НКВД СССР №-172 от 17 июня 1945 г. «Об организации вспомогательных команд в лагерях НКВД для военнопленных» приказываю:

1. Представленный список утвердить.
2. Солдат ВК использовать на конвоировании и охране военнопленных, занятых на работах у хозорганов.
3. Начальнику отделения по охране и режиму Управления лагеря № 371 капитану тов. Соковикову организовать с ВК специальные занятия по конвоированию и охране.
4. Заместителю начальника Управления лагеря по снабжению капитану тов. Кожевникову обеспечить ВК лучшим обмундированием и обувью». К этому документу был приложен список из 113 человек, которые в дальнейшем составили вспомогательную команду (ВК). Эта группа включала в себя немцев,

¹³⁷ Юшкова Е. В каждом цехе мы любимой Отчизне победу ковали // Увинская газета. 2015. 24 марта. С. 3.

¹³⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4899. Л. 35.

¹³⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 755. Л. 112, 183.

австрийцев, венгров и румын¹⁴⁰, которые могли свободно, без конвоя передвигаться по городу, осуществляя надзор за работой других пленных.

Расконвоирование продолжалось и в дальнейшем. Так, в январе 1948 г. по приказу Ф. М. Максимова были созданы три бригады из военнопленных. Им было разрешено без конвоя выходить на работу. Вся ответственность за поведение иностранцев и успешное выполнение производственных задач лежала на трех бригадирах – венгерском лейтенанте Э. Шумеги, румынском лейтенанте А. Нефремице, немецком ефрейторе Э. Ганге. Под руководством каждого из этих трех пленных работали их соотечественники из лагеря № 371. Первая бригада состояла из 23 венгров, вторая – из 25 румын, третья – из 22 немцев. Причем в первой и второй группе было немало офицеров¹⁴¹.

Некоторые расконвоированные немцы вели себя в г. Ижевске без уважения к местному населению и своим поведением доказывали неправильность предоставленного им права осуществлять надзор за своими соотечественниками и перемещаться по городу без охраны. Например, 39-летний пленный унтер-офицер из вспомогательной команды А. Виккер, находясь в цехе № 14 металлургического завода, нанес удар кулаком в лицо вольнонаемному рабочему Живаеву за то, что тот не дал ему прикурить от газовой печи. После разбора инцидента приказом Ф. М. Максимова немец был посажен под арест на 10 суток, отчислен из вспомогательной команды (из числа расконвоированных) и переведен на общие работы.

Похожий случай произошел 27 апреля 1947 г. Военнопленный офицер Г. Лаукс ушел на обед, после чего на работу не вернулся. Вольнонаемный сотрудник, мастер Южанин нашел его неподалеку от производственного помещения и попросил немца приступить к трудовым обязанностям. Вместо ответа получил от пленного два удара. В результате, Г. Лаукс был арестован на пять суток¹⁴².

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 4. Л. 73–76.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 6. Л. 5–6 об.

¹⁴² РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 4. Л. 40.

Тем временем, процесс репатриации разворачивался все активнее. По состоянию на 10 августа 1947 г. в лагере № 371 находилось 2 800 человек¹⁴³. Впоследствии количество военнопленных только уменьшалось. По положению на 28 января 1948 г. в первом лагерном отделении находилось 1734 иностранца, во втором – 1005, т. е. всего 2739 человек. В мае 1948 г. отправились на родину 769 пленных. В результате, было расформировано 2-е отделение. 9 июля лагерь покинули 244 пленных. В августе при лимите пункта содержания спецконтингента в 1500 человек в нем фактически числилось лишь 410 иностранцев. В сентябре на родину уехали почти все оставшиеся в Ижевске пленные. Бывшие подполковники вермахта немцы К. Вайсвайлер, Э. Оель, австриец А. Гоппе, а также полковники Э. Креймер, В. Писториус были отправлены в лагеря № 27 (подмосковный г. Красногорск) и № 185 (г. Юрьевец Ивановской области)¹⁴⁴. 20 сентября 1948 г. лагерь № 371 был расформирован¹⁴⁵.

Четвертый крупнейший пункт содержания иностранных военнопленных, расположенный в Удмуртии, находился в 500 м. севернее полотна железной дороги Москва – Молотов (ныне – г. Пермь), в 4 км. восточнее разъезда № 16 (Жаба), в 15 км от центра г. Глазова. История лагеря № 267/510 началась в ноябре 1944 г.¹⁴⁶ К этому времени силами торфопредприятия «Дзякино», входящего в структуру Наркомата вооружений СССР, были построены помещения для спецконтингента¹⁴⁷. Должность начальника Управления лагеря занимал подполковник Богомолов. До него временно исполнял обязанности на этом посту майор Дремов. На территории пункта пребывания пленных находились три жилых барака, лазарет на 65 мест, кухня, прачечная, баня, хлебопекарня, механическая мастерская, дезокамера, электростанция (Приложение 3). Помещение Управления лагеря располагалось южнее его зоны, окруженной забором (без колючей проволоки) и шестью караульными вышками. Севернее

¹⁴³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 5. Л. 208.

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 755. Л. 112, 183.

¹⁴⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 390. Л. 12.

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 394. Л. 3–5, 13.

¹⁴⁷ ЦДНИ УР. Ф. 2295. Оп. 1. Д. 1. Л. 81.

пункта содержания бывших иностранных военнослужащих был выстроен жилой дом для вахткоманды. Склады также размещались за пределами территории нахождения пленных¹⁴⁸. Лагерь № 267/510 имел отделение, располагавшееся в пос. Пудем¹⁴⁹. Должность начальника этого филиала занимал лейтенант Железов¹⁵⁰.

Поначалу Дзякинский пункт содержания спецконтингента числился под номером 267. Но весной это был уже лагерь № 510. Первые военнопленные появились здесь в январе 1945 г. Они поступили в лагерь из спецгоспиталя № 3779, развернутого в г. Глазове. Эта первая партия пленных состояла из 69 человек – в основном немцев и румын. Лишь двое признались, что были членами «Гитлерюгенда» и НСДАП. Другие скрыли свою принадлежность к нацистским организациям.

В феврале-марте 1945 г. в лагерь прибыло 325 пленных. Среди них встречались офицеры. Отличительной чертой лагеря № 510 было то, что в нем находились также спецпереселенцы – интернированные немцы, поляки¹⁵¹. Начиная с весны 1945 г., бывшие иностранные военнослужащие были заняты на торфоразработках.

1 апреля в лагере содержались 452 пленных, а также 993 интернированных немцев, прибывших из г. Пиллау (Восточная Пруссия). Такой значительный контингент находился под надзором лишь 40 человек из роты охраны. В результате, 18 марта два пленных немца совершили побег. Они воспользовались малочисленностью конвоя, отсутствием колючей проволоки на заборе. Задержали их в 18 км. от лагеря. Во время следствия выяснилось, что эти военнопленные спланировали побег, еще находясь в г. Одессе. За свой проступок они отбыли 10 суток строгого ареста¹⁵². После побега был поставлен вопрос об усилении охраны лагеря и оснащении забора колючей проволокой.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 110. Л. 8, 15.

¹⁴⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 1. Л. 14.

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 2. Л. 120.

¹⁵¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–2, 4, 7 об, 14, 16.

¹⁵² РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 110. Л. 10–12.

Весной 1945 г. начальник ГУПВИ НКВД СССР М. С. Кривенко в справке на имя Л. П. Берия сообщил, что торфопредприятию «Дзякино» по положению на 10 мая выделено дополнительно 1500 представителей спецконтингента¹⁵³.

20 августа 1945 г. 482 интернированных отправили с дзякинских торфоразработок на родину, в Восточную Пруссию. После этого в лагере № 510 остались только пленные¹⁵⁴.

В целом в 1945 г. на торфопредприятии «Дзякино» работали около 2 тысяч бывших иностранных военнослужащих¹⁵⁵. Из этого можно заключить, что в лагере № 510 содержалось большее количество представителей спецконтингента, поскольку надо еще учитывать больных и обслуживающий персонал. В октябре 1945 г. военнопленные покинули дзякинские торфоразработки, а позднее был расформирован и пункт их пребывания.

Помимо лагерей ГУПВИ НКВД (МВД) в Советском Союзе функционировали и другие учреждения, специализировавшиеся на содержании и трудовом использовании обезоруженных солдат армий гитлеровского военного альянса. Отдельные рабочие батальоны военнопленных (ОРБ) находились в системе Министерства Вооруженных сил СССР и, как правило, были задействованы на строительных объектах оборонного ведомства. Эти подразделения располагались и в Удмуртии. В юго-западной части республики в 1945–1948 гг. дислоцировалось 3 отдельных рабочих батальона.

В Бемыжском районе размещался ОРБ № 431. Лагерь этого батальона военнопленных находился в 1,5 км восточнее д. Петропавлово, неподалеку от речки Ямышка. Должность командира ОРБ № 431 занимал гвардии майор Анисимов, затем на этом посту его сменил майор Хомицевич. Бывшие солдаты гитлеровской армии появились в районе д. Петропавлово в 1945 г. По положению на 1 декабря в отдельном рабочем батальоне военнопленных № 431 находилось 420 человек¹⁵⁶. Они прибыли на ст. Кизнер в эшелоне, отправленном из

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2227. Л. 31–42.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 2. Л. 127.

¹⁵⁵ ЦДНИ УР. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 6а. Л. 21.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 7е. Д. 590. Л. 79.

фронтового приемно-пересыльного лагеря № 173, дислоцировавшегося в польском г. Познань. Обезоруженные немецкие солдаты, содержащиеся в Бемыжском районе, жили в бараках и землянках, которые они сами в основном и обустроивали.

В послевоенные годы жители д. Петропавлово обнаруживали на бывшем месте размещения отдельного рабочего батальона № 431 предметы обихода пленных. Среди таких находок встречались металлические жетоны с идентификационными номерами немецких солдат, пуговицы от мундиров, пряжки от ремней, монеты, отчеканенные в гитлеровской Германии. Некоторые из подобных артефактов в настоящее время можно увидеть в Кизнерском районном музее, на выставке, посвященной событиям Великой Отечественной войны.

Лагерь ОРБ № 431 просуществовал до 1 февраля 1947 г., когда 3 больных военнопленных переехали в г. Можгу, в спецгоспиталь № 3888, а остальные 447 человек были отправлены в распоряжение ОРБ № 438¹⁵⁷.

Этот пункт пребывания бывших солдат вермахта дислоцировался неподалеку от ст. Саркуз Кизнерского района, на расстоянии около 1 км. западнее д. Ст. Пандерка¹⁵⁸. Командиром отдельного рабочего батальона № 438 являлся капитан, а затем майор Проценко. В конце июля 1945 г. на ст. Саркуз прибыл эшелон № 96454. Он доставил крупную партию пленных, которые до этой поездки находились в приемно-пересыльном лагере № 173, размещенном в г. Познань. Прибывшая группа бывших иностранных военнослужащих насчитывала 996 человек, включая 30 офицеров. Немалая часть этих пленных, этапированных в распоряжение отдельного рабочего батальона № 438, еще на фронте страдала различными заболеваниями. В эшелоне, который доставил представителей спецконтингента к месту назначения, им лучше не стало. Иногда болезни обострялись и приводили к летальному исходу. Его причиной нередко являлся сыпной тиф. Умерших хоронили в районе д. Старая Пандерка,

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 7е. Д. 590. Л. 121.

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 399. Л. 5.

располагавшейся неподалеку от ст. Саркуз. Больных пленников, избежавших гибели, отправляли в спецгоспиталь № 3888, дислоцировавшийся в г. Можге. На путь следования они снабжались суточным сухим пайком по особой норме. Пленных, составлявших в ОРБ № 438 излишек рабочей силы, отправляли в другие подобные учреждения. Например, часть спецконтингента была этапирована со ст. Саркуз в отдельный рабочий батальон № 343, размещенный в Петровском районе Ярославской области. Кроме того, пленников посылали на работы в Горьковскую область, на станцию Ильино, в расположение Гороховецкого военлеспромхоза. Некоторым бывшим вражеским военнослужащим приходилось переезжать из ОРБ № 438 в ижевский лагерь № 371 ГУПВИ НКВД СССР¹⁵⁹. Случались и побеги. Так, 20 марта 1946 г. из расположения батальона дезертировал 31-летний ефрейтор вермахта Х. Эрлих-Дреслер¹⁶⁰. Но, все же, случаи побегов были нечастым явлением, так как пленные понимали, что после разгрома гитлеровской Германии, в глубине советской территории делать это бессмысленно.

По положению на 1 декабря 1947 г. в батальоне № 438 находилось 108 бывших военнослужащих вермахта. 1 февраля 1948 г. лагерь опустел. 94 человек были отправлены в ОРБ № 437, 11 – в спецгоспиталь № 3888, 3 пленников немецких солдат умерли¹⁶¹. В результате, отдельный рабочий батальон № 438 был расформирован.

В 500 м. северо-западнее с. Кизнер базировался ОРБ № 445. Лагерь состоял из бараков и землянок, где проживали пленные. Должность командира батальона занимал гвардии подполковник Гниденко. В первое время своего существования ОРБ № 445 располагался на западе Украины, в г. Ковель Волынской области. Но в августе 1946 г. командный состав батальона и все военнопленные были передислоцированы в Кизнерский район Удмуртской АССР. Одной из причин перемещения бывших солдат вермахта из ОРБ № 445 на восток, вглубь территории Советского Союза являлась проблема их побегов. Только в апреле

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 8. Д. 1. Л. 1, 28, 34, 51, 64, 90.

¹⁶⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 7е. Д. 591. Л. 42.

¹⁶¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 7е. Д. 755. Л. 12.

1946 г. 14 пленных самовольно покинули лагерь рабочего батальона, после чего имели возможность примкнуть к бандеровским бандам ОУН и УПА, активно орудовавшим в тот период в лесах западной Украины. В Удмуртии совершать побег было практически бессмысленно.

После переезда в Кизнерский район по положению на 30 сентября 1946 г. в расположении ОРБ № 445 находилось 885 человек. 796 пленных прибыли в окрестности с. Кизнер из ОРБ № 448, остальные – из ОРБ № 443. Некоторые бывшие солдаты вермахта, числившиеся в составе рабочего батальона № 445, временно проживали в д. Новый Трык, расположенной севернее с. Кизнер. Одна из старожилов этой деревни, Е. И. Ермолаева, не раз была очевидцем их шествий по улицам. На работу пленные шагали с песнями. Е. И. Ермолаева вспоминала: «Мы немцев боялись. Они на конном дворе жили в маленьком домике. Однажды мы с друзьями пошли на них посмотреть, и один немец так пристально на меня смотрел, что я очень испугалась. А знакомая, которая кормила их, сказала, что у него в Германии осталась дочь такого же возраста»¹⁶².

Пленные из ОРБ № 445, проживавшие в д. Новый Трык, вероятно, находились на строительстве узкоколейной железной дороги для нужд оборонного ведомства. В августе 1947 г. начальник Главного строительного управления Вооруженных сил СССР генерал-лейтенант Н. Антипенко направил официальное письмо Председателю Совета Министров УАССР А. В. Тронину и первому секретарю обкома ВКП(б) А. П. Чекинову. В документе содержалась просьба путем привлечения колхозников на работы оказать содействие в строительстве узкоколейной железной дороги, соединявшей ст. Ягул с д. Русская Коса¹⁶³. Этот транспортный путь проходил также через д. Кадрек, пос. Гозношур и пос. Пыжман. Железная дорога была предназначена для вывоза лесоматериалов. Ею пользовалось и местное население, представители которого ездили в прицепном пассажирском вагоне. По свидетельству очевидцев, многие

¹⁶² Гурьянов В. В тылу как на фронте // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2010. 30 марта. С. 3.

¹⁶³ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 827. Л. 241.

военнопленные, строившие эту железную дорогу, жили в землянках неподалеку от д. Кадрек. Однажды случилось ЧП – массовое отравление бывших иностранных солдат. Пленные набрали грибов, сварили, но среди них оказались ядовитые. Неважное питание представителей спецконтингента подтверждает еще один случай. Однажды военнопленные зашли в д. Кадрек и попросили у одного пятилетнего мальчика картошки в обмен на кусок сахара. И хотя это сладкое лакомство оказалось внешне неприглядным и очень грязным, мальчуган достал пять картофелин и отдал немцам¹⁶⁴. Судя по этим воспоминаниям, военнопленные из ОРБ № 445 жили не только в лагере данного подразделения, а иногда размещались в деревнях, расположенных севернее основного пункта их пребывания.

Некоторые факты свидетельствуют о том, что пленные, находившиеся в Кизнерском районе, старались найти общий язык с местными жителями, с которыми нередко сводила их судьба. Это подтверждают и воспоминания М. М. Ситдиковой, в сороковых годах работавшей водителем грузового автомобиля. Во время одного из рейсов ей пришлось везти немцев из пос. Пыжман, где они работали на лесозаготовках на ст. Кизнер. На одном из трудных участков пути машина оказалась на крутом спуске и резко устремилась вниз. В этой ситуации М. М. Ситдикова не растерялась, справилась с управлением, вырулила и смогла остановить грузовик. Тем самым, она спасла себя и пассажиров. Немцы заулыбались, похлопали ее по плечу со словами: «Гут, русский баба, гут!». По словам М. М. Ситдиковой, пленные помогали ей ремонтировать машину, она в благодарность приносила им хлеба, огурцов¹⁶⁵.

По словам местных старожилов, часть бывших солдат армий противника была расконвоирована и передвигалась по пос. Кизнер свободно, без охраны. Военнопленные имели свой оркестр и даже организовывали танцы для жителей райцентра. Бывших иностранных солдат в Кизнере было довольно много. Они

¹⁶⁴ Данилова Н. Дорога местного значения // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2010. 13 апреля. С. 3.

¹⁶⁵ Рылова Н. Вспоминаю, и самой не верится // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2000. 6 мая. С. 5.

заготовливали лес, грузили его в вагоны. Сначала кизнерцы плохо относились к чужеземцам, потом, видимо, привыкли. Некоторые женщины их жалели¹⁶⁶.

Основная масса пленных из рабочего батальона № 445 в количестве 372 человек покинула данное подразделение в октябре 1947 г. и отправилась в Челябинскую область на ст. Сергеево-Уфалейская. Среди них был 20-летний Р. Бок¹⁶⁷. Необходимо отметить, что через 44 года после возвращения из СССР он вновь приехал в Кизнерский район и побывал на кладбище, где захоронены его соотечественники из ОРБ № 445¹⁶⁸.

В девяностых годах посетил Удмуртию брат пленного обер-ефрейтора вермахта Г. Прайслера, содержащегося в этом же батальоне. Гость из Баварии побывал на месте его захоронения в районе с. Кизнер. История смерти 22-летнего Г. Прайслера довольно нетипична. 24 сентября 1946 г. он пытался вынести одеяло из лазаретного барака, расположенного в лагере ОРБ № 445. На два предупредительных окрика сотрудника конвоя Г. Прайслер не отреагировал. В итоге последовали выстрелы, и он был смертельно ранен. Захоронение погибшего состоялось на следующий день¹⁶⁹.

ОРБ № 445 просуществовал в Удмуртии до декабря 1947 г., когда последние оставшиеся здесь 25 бывших вражеских военнослужащих отправились в лагерь № 371 и в спецгоспиталь № 3888¹⁷⁰.

После грандиозного поражения гитлеровцев под Сталинградом, весной 1943 г. на ст. Кизнер в большом количестве начали прибывать эшелоны с бывшими офицерами вермахта и союзных гитлеровцам армий. Дело в том, что в г. Елабуге был организован лагерь № 97, где содержались в основном представители командного состава. Станция и поселок Кизнер выполняли роль перевалочного пункта. Здесь эшелоны разгружались, затем военнопленные пешим порядком двигались до лагеря № 97, поскольку с Елабугой не было железнодорожного

¹⁶⁶ Бускина Т. Дети, не знавшие вкуса конфет // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2010. 18 мая. С. 3.

¹⁶⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 7е. Д. 594. Л. 153.

¹⁶⁸ Кизнер. Земля живых ключей. Ижевск, 2009. С. 50.

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 401. Л. 5.

¹⁷⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 7е. Д. 594. Л. 164, 165.

сообщения. Конвоирование этой колонны осуществлялось через населенные пункты Кизнерского, Бемыжского и Граховского районов Удмуртской АССР. Военнопленные несли с собой вещмешки, а некоторые даже чемоданы. По пути бывшие офицеры вермахта встречали местных жителей – в основном женщин, пожилых людей и детей. Бывший военнопленный О. Рюле написал в своих мемуарах: «Они смотрели на нас молча. На их лицах я не увидел выражения ни ненависти, ни триумфа. Наверное, у нас был слишком жалкий вид». 80-километровый маршрут военнопленные преодолевали в течение двух суток. Ночевали в населенных пунктах, которые встречались по дороге. Пристанищем могли быть как школа, так и другие здания¹⁷¹. Один из очевидцев, Л. Кривошеев, вспоминал: «...Впервые увидели живых немцев. Их конвоировали солдаты с винтовками. Шагали со стороны Мамаева (*Мамаево - деревня в Граховском районе. – Д.П.*) колонной по шесть человек и растянута колонна на 200-250 метров. Все немцы одеты в одинаковую серую, мышинового цвета, форму, на головах цилиндры-фуражки с маленькими козырьками. Время уже было под вечер и немцев завели на ночь в помещение школы...»¹⁷². Пленные ночевали также в каменном здании бывшей церкви, расположенной в с. Бемыж¹⁷³. По всему маршруту прохождения колонны местным властям вменялось в обязанность содержать закрепленный за сельским Советом участок дороги в надлежащем порядке. Для этого жители некоторых близлежащих населенных пунктов привлекались зимой к чистке дорог от снега. Маршрут таких колонн в ряде случаев проходил через д. Кузебаево Граховского района. А. Юшков в годы Великой Отечественной войны проживал в этом населенном пункте. Он свидетельствует: «...Мы учились в третьем классе. Была холодная зима. В классе открылась дверь, и уборщица объявила, что к деревне приближается колонна пленных немцев. Все мои одноклассники выскочили на улицу... Колонна растянулась на пять километров. Пленные худые, высокие, у многих на голове

¹⁷¹ Лагерь на Каме. Елабуга, 2007. С. 91.

¹⁷² Кривошеев Л. Дети войны // Сельская новь (газета Граховского района Удмуртской Республики). 2015. 10 июня. С. 3.

¹⁷³ Sumida K. *Memorias of my father: A journey to Siberia*. 2002. p. 38.

повязки или пилотки, а на ногах обмотки. Больных и обессиленных везли на лошадях, запряженных в сани. Слышны были только слова «Шнель! Шнель!», произносимые конвоирами. Многие женщины плакали, глядя на измотанных немцев, давали им хлеб, картошку, молоко...»¹⁷⁴. Вероятно, дело происходило в 1943 г., а пленные были из сталинградского «котла».

Во время шествий из Кизнера в Елабугу состояние некоторых бывших немецких офицеров резко ухудшалось. Тяжелобольных пленных отправляли в медучреждения населенных пунктов, через которые проходил маршрут колонн. Например, в с. Грахово, в местной райбольнице приняли, а затем вылечили одного из таких иностранных офицеров¹⁷⁵.

После того, как в августе 1945 г. советские войска менее, чем за месяц разгромили Квантунскую армию, на ст. Кизнер с востока стали прибывать пленные японские офицеры. Их путь тоже лежал в лагерь № 97, дислоцировавшийся в Елабуге. А. Юшков вспоминал: «...В сентябре 1945 г. по этой же дороге из Кизнера в Елабугу гнали пленных японцев. Они были очень шустрые и подвижные, невысокого роста, на голове у всех – меховые шапки-ушанки. Обмундирование у всех новое, видимо, заранее было предусмотрено для военных действий в суровое зимнее время в Сибири и на Дальнем Востоке...»¹⁷⁶.

Иногда пленные японцы по пути из Кизнера в Елабугу имевшиеся у них ножи, зажигалки и другие предметы обменивали на продукты, которые приносили им местные жители¹⁷⁷. Однако это не всегда приветствовалось. Особенно в тех случаях, когда такой обмен достигал больших объемов. В декабре 1945 г. в с. Грахово появилась колонна японских офицеров, направлявшихся в лагерь № 97. После того, как они остановились на отдых, директор граховской школы выменял у них на хлеб значительное количество различных вещей. 19

¹⁷⁴ Юшков А. Хлеб Победы // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2010. 13 апреля. С. 3.

¹⁷⁵ Граховский район: Тропую памяти. Ижевск, 2009. С. 102.

¹⁷⁶ Юшков А. Хлеб Победы // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2010. 13 апреля. С. 3.

¹⁷⁷ Рылова Н. Япония-Кизнер-Елабуга // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2005. 30 августа. С. 3.

марта 1946 г. история получила продолжение. В квартире этого школьного работника сотрудники НКВД произвели обыск, во время которого обнаружили револьвер «Наган», 2 килограмма пороха, а также предметы, полученные от пленных японских офицеров. 20 апреля 1946 г. на одном из партийных собраний директору был объявлен строгий выговор за незаконное хранение огнестрельного оружия и выменивание вещей у военнопленных. Упомянутые факты не привели к крупным изменениям в судьбе этого человека, поскольку он впоследствии продолжал работать на прежней должности в школе¹⁷⁸.

Во время шествий из Кизнера в елабужский лагерь в некоторых случаях отдельные военнопленные по разным причинам отставали от колонн и прятались в окрестных деревнях. В связи с этим случались и курьезы. Старожил Л. Кривошеев, проживающий в Граховском районе, свидетельствует: «...Агафья, выучившаяся на трактористку, утром собралась на смену к трактору и начала для обеда на работе готовить что-то съестное. За яйцами полезла в сарай – куры неслись там на свежем сене. По лесенке только поднялась – из-под сена вылезает незнакомый мужчина высокого роста и что-то лопочет. Агафья от страха бежит в избу, мужчина за ней. Агафья выставила на стол, что было под руками, вышла в сени, якобы еще за чем-то и помчалась в контору колхоза... Впопыхах рассказала о встрече с незнакомцем (она уже догадалась, что это немец), вернулась домой уже с председателем колхоза. Немец никуда не убежал, был в избе. Привели немца в контору, пригласили Романа Рябкова, который был откомиссован из армии по болезни, знал кое-как немецкий язык. Немец, видимо, оправдывался. Говорил, что товарищи умерли или погибли, он отстал от какой-то команды. ...Со связанными назад руками немца вывели из конторы и в сопровождении милиционера пешком повели в сторону Грахова. Мы гурьбой следом, немец повернулся в нашу сторону и топнул ногой. Мы отстали...»¹⁷⁹. Очевидно, этот

¹⁷⁸ ЦДНИ УР. Ф. 1055. Оп. 2. Д. 179. Л. 52 об.

¹⁷⁹ Кривошеев Л. Дети войны // Сельская новь (газета Граховского района Удмуртской Республики). 2015. 10 июня. С. 3.

немец, отделившись от своей группы, пытался совершить побег. Иначе он не укрывался бы в сарае.

Случалось, что зимой, в непогоду, теряли ориентировку на незнакомой местности и сбивались с занесенной снегом главной дороги целые колонны пленных немцев, сопровождаемые солдатами конвоя. Один из очевидцев, житель Граховского района В. Лебедев вспоминает: «Шел к концу 1942 год. На дворе зима. Мне 10 октября исполнилось пять лет – шел шестой год.

Мать привезла на санках из леса дрова. Рассказала нам, что когда ломала сухой орешник, слышала вдалеке разговор. Она схоронилась от лишних глаз, а потом увидела идущих строем друг за другом солдат. Полы шинелей у них были подняты и закреплены под ремень. Снегу выше колен... Интересно, как они оказались в нашем лесу в двух километрах от Селянура (*деревня, расположенная западнее Грахово. – Д. П.*).

Оказывается, это были пленные солдаты, а конвойные потеряли ориентировку. Пункт назначения был г. Елабуга Татарской республики. В конце села Бемыж есть дорога на Грахово. Это основная дорога. Их погнали не на Грахово, а повернули в сторону Крым-Слудки. Когда дошли до Русского Сарاماка, местный житель помог им разобраться и направил на Селянур по лесу, где их и увидела наша мама.

...Мы уже поужинали, когда к нам зашли два немецких солдата. На столе стояла жареная картошка, молоко, чай без сахара, горела керосиновая лампа со стеклянным пузырем... Посреди избы топилась железная печка, дома было тепло.

Пленные ели картошку, запивали молоком и просили у мамы: «Клеба! Клеба! Клеба! – показывая на горло...»¹⁸⁰. Факт выпрашивания у женщины еды, говорит о том, что местное население не отказывало давать ее пленным. Не подлежит сомнению, что вскоре после описанных событий этой колонне бывших немецких офицеров пришлось проделать по заснеженной дороге

¹⁸⁰ Лебедев В. Хлеба, хлеба, хлеба!!! // Сельская новь (газета Граховского района Удмуртской Республики). 2015. 13 мая. С. 3.

многокилометровый путь от д. Селянур до райцентра Грахово. Только так можно было вернуться на главную дорогу, ведущую в Елабугу.

С помощью воспоминаний старожилов Кизнерского и Граховского районов, а также бывших военнопленных можно реконструировать путь их прохождения от Кизнера до Елабуги и обозначить деревни и села, лежавшие на данном маршруте. Итак, бывшие офицеры армий гитлеровского военного альянса по пути в лагерь № 97 преодолевали около 80 километров и проходили через населенные пункты Лака-Тыжма, Петропавлово, Бемыж, Малиниха, Грахово, Кузебаево. Далее начиналась территория Татарской АССР. На пути пленных в Елабугу лежали села Абалач, Тагаево, Гари. В ряде случаев колонны пленных ради их ночлега несколько отклонялись от указанного маршрута и останавливались до утра в близлежащих от основной дороги населенных пунктах. Так, бывшие офицеры иностранных армий ночевали в деревнях Тузьмо-Чабья и Старый Аргабаш, расположенных на территории существовавшего тогда Бемыжского района УАССР.

С конца 1943 г. по тому же пути через Грахово и Бемыж пленные офицеры шли и в обратном направлении – от Елабуги до Кизнера. После погрузки в эшелоны их отправляли в освобожденные от оккупантов районы СССР. Там они участвовали в восстановлении разрушенной инфраструктуры.

Сам по себе любопытен тот факт, что у некоторых бывших пленных после возвращения на родину через десятилетия возникало желание вновь побывать в местах, где они оказались в результате военного поражения. Если это вызывает нечто, напоминающее ностальгию, значит, в советском плену было не так уж плохо.

Некоторые пленные немцы, прекрасно зная о многочисленных случаях зверств фашистских солдат в отношении гражданского населения на оккупированных вермахтом территориях СССР, старались как-то загладить вину своих сослуживцев перед советскими людьми. Это подтверждают воспоминания Т. Семикеевой, жительницы д. Большая Ерыкса Граховского района. В сороковых годах в нескольких километрах к востоку, уже на территории Татарской АССР,

находился пос. Кокшан. В этом населенном пункте размещалось отделение лагеря № 97. Летом 1944 г. 10-летняя Т. Семикеева взяла корзины со сливочным маслом, куриными яйцами, а также бутылки с молоком и отправилась в Кокшан, на местный рынок. Ей пришлось идти одной, поскольку ее мама заболела. Т. Семикеева вспоминает: «...Иду, боюсь. Вдруг послышалось мне страшное «гавканье». Вижу, из лога поднимаются военнопленные немцы. Они тащат большую тележку с мусором из лагеря, чтобы вывалить в большую яму. Их было где-то человек пятнадцать.

Я остановилась, заплакала и стала пятиться назад. Они смотрят на меня с жалостью и удивлением. А один немец подбежал ко мне и стал успокаивать на ломаном русском языке: «Не плачь, девочка, мы тебя не обидим». Другие немцы тоже подошли ко мне, окружили, конвоира с ними не было. Смотрят на меня и плачут. И я тоже плачу...

- Где твоя мама? – спрашивает тот же немец.
- Дома, больная.
- Как тебя зовут, сколько тебе лет?
- Тася, 10 лет.

Очкастый немец взял меня на руки и в голос заплакал. Он стал копаться в нагрудном внутреннем кармане и достал оттуда брошь с желтым оттенком, видать, была она золотая, и приколот мне на фартук.

Весь мой продуктовый товар они переложили в сумки, а в корзину накидали деньги, у кого сколько было...

У меня было чувство радости, что так быстро продала товар. Мы пересчитали с соседками выручку, оказалось, что они заплатили мне в три раза больше. А с другой стороны, было неприятное чувство – купили его наши враги...»¹⁸¹.

Эти воспоминания говорят о том, что Великая Отечественная война, развязанная гитлеровцами, была трагедией как для советского, так и для

¹⁸¹ Семикеева Т. Встреча с немцами // Сельская новь (газета Граховского района Удмуртской Республики). 2011. 22 июня. С. 3.

немецкого народов. Кроме того, из вышеприведенного свидетельства понятно, что среди бывших солдат и офицеров вермахта, находившихся в Удмуртии и Татарии, были не только убежденные нацисты, но и мобилизованные граждане Германии, которым не были чужды жалость и сострадание.

В июле 1945 г. немецким, австрийским, венгерским и румынским военнопленным, находившимся в Советском Союзе, было разрешено проводить переписку с родственниками, проживающими в странах Западной и Центральной Европы¹⁸². Причем, отправка почтовых карточек была для представителей спецконтингента бесплатной. Осуществлялась она при посредничестве советского Общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Возможностью переписки с родственниками бывшие военнослужащие вермахта и союзных ему армий охотно пользовались. В советских типографиях были напечатаны специальные почтовые карточки для военнопленных, которые могли заполнять их текстом и посылать на родину. Перед отправкой за рубеж эти письма просматривались военной цензурой. После проверки на такую карточку ставился соответствующий штамп. В типографиях некоторых центральноевропейских стран также печатались специальные почтовые отправления под названием «Открытое письмо для военнопленного», которые заполнялись текстом от имени различных общественных организаций и посылались в СССР. Активно переписывались с родственниками представители спецконтингента из лагеря № 371. Только в течение первого квартала 1947 г. пленные отправили в Германию 7 932 писем, в Венгрию – 2 406, в Австрию – 1 025, в Румынию – 418. Еще больше посланий они получали. За тот же срок военнопленным было вручено писем из Германии – 16 590, из Австрии – 2 404, из Венгрии – 3 029, из Румынии – 195. В 1947 г. в лагере № 371 по материалам этих писем выпускались специальные бюллетени¹⁸³.

В октябре 1945 г. военнопленные из лагеря № 155 отправили 26 почтовых карточек на родину – в Германию, Австрию, Италию, Румынию и Венгрию¹⁸⁴.

¹⁸² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 180.

¹⁸³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 14 об., 26.

¹⁸⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 2. Л. 25.

Представители спецконтингента, содержащиеся в районе пос. Рябово, также вели регулярную переписку с родственниками, даже получали от них посылки¹⁸⁵.

Услугами международной почты активно пользовались пленные, находившиеся на лечении. Только в январе 1949 г. пациенты спецгоспиталя № 3888, развернутого в г. Можге, отправили на родину 693 почтовых карточки. Из них в Германию было послано 618 штук, в Австрию – 50, в Румынию – 16, в Венгрию – 7. Пленные писали письма и в некоторые районы СССР. Так, в январе 1949 г. из спецгоспиталя № 3888 советским адресатам было отправлено 2 открытки. В указанный период времени в этом медучреждении пленным вручили 978 почтовых карточек, в том числе из Германии – 895 штук, из Австрии – 83. Кроме открыток пленные имели право получать и закрытые письма в конвертах. Так, в январе 1949 г. пациентам спецгоспиталя № 3888 было вручено 82 таких почтовых отправления из Германии и 13 – из Австрии. В апреле пленные и интернированные, находившиеся здесь на лечении, переслали в свои страны 498 открыток, а получили 310 штук¹⁸⁶. Иностранцами пациентами из глазовского спецгоспиталя № 3779 было отправлено на родину около 3600 писем и открыток¹⁸⁷.

Приведенные данные говорят об активной почтовой переписке между пленными, находившимися в Удмуртии, и их родственниками, знакомыми, проживавшими в странах Западной и Центральной Европы. Поэтому, начиная с середины 1945 г., многие бывшие военнослужащие армий гитлеровского альянса не теряли связи с родиной (Приложение 12).

В приказе НКВД СССР № 0172 от 27 июня 1945 г. перечислялись лагеря, в которых должно быть организовано расконвоирование пленных. В этот перечень вошли два пункта содержания спецконтингента, дислоцировавшиеся в Удмуртской АССР. В вышеуказанном документе были упомянуты лагеря № 75 и № 155¹⁸⁸. Позднее расконвоирование произошло и в ижевском пункте пребывания

¹⁸⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 17. Л. 2, 6.

¹⁸⁷ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 9. Л. 104.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 748. Л. 85 об.

бывших иностранных солдат. Поэтому некоторые пленные перемещались по городу без сопровождения советских военнослужащих из охранной службы. В ряде случаев они ночевали не в самом лагере, а в комнатах, снятых у жителей г. Ижевска. Об этом упоминается в воспоминаниях Ф. Федосеевой, которая значительный период времени работала на заводе № 74 (впоследствии ПО «Ижмаш»)¹⁸⁹.

Подводя итог этой части исследования, можно сказать, что в первые месяцы пребывания спецконтингента на территории Удмуртии прослеживались значительные сложности в деле организации и формирования пунктов содержания бывших военнослужащих иностранных армий. Это, прежде всего, относится к лагерю № 75. Указанные проблемы объяснялись, в первую очередь, недостатком опыта содержания значительного количества пленных или отсутствием такового у сотрудников республиканского аппарата НКВД и руководства местных предприятий, где использовался труд представителей спецконтингента. Кроме того, сказывались условия военного времени. Однако постепенно как сотрудники лагерей, так и сами пленные наладили быт, создали минимум необходимых условий проживания и привыкли к ним. К 1945 г. в республике был накоплен определенный опыт организации режима, труда и отдыха бывших иностранных военнослужащих, что положительным образом сказалось как на их материальном положении, так и на эффективности работы. Все виды снабжения спецконтингента, включая нормы питания пленных, утвержденные НКВД СССР, в Удмуртии, в целом, соблюдались и позволили избежать массового голода, высоких показателей смертности среди них. Бывшим иностранным военнослужащим, находившимся в республике, была предоставлена возможность бесплатной почтовой переписки с родными и знакомыми.

Кроме представителей личного состава НКВД, большую роль в деле содержания пленных сыграли руководящие работники различных предприятий, где использовался труд спецконтингента. Нередко им приходилось решать

¹⁸⁹ Федосеева Ф. В окна и двери стучалась война // Машиностроитель. 2001. № 15. 26 апреля. С. 7.

вопросы не только организации работы иностранцев, но и их размещения, снабжения.

На положении пленных негативно отражались элементы нераспорядительности, иногда встречавшейся не совсем удовлетворительной организации их условий жизни и труда. Некоторые обезоруженные военнослужащие разгромленных армий оказывались жертвами вполне объяснимой ненависти тех советских граждан, которых серьезно затронули военные преступления гитлеровцев или их союзников.

Большинство пленных, несмотря на ряд сложностей, в частности, распространенное среди них воровство, удалось убедить в необходимости следования правилам и режиму, установленным в пунктах их пребывания.

В целом содержание бывших военнослужащих вермахта и союзных ему армий в Удмуртии после 1942 г. находилось на вполне удовлетворительном уровне, если учесть непростые реалии военного времени и особенности восстановительного периода.

§ 1.2. Численность и национальный состав военнопленных

С 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. воины Советских вооруженных сил захватили в плен 4 млн. 377,3 тыс. человек из армий фашистской Германии и ее союзников¹⁹⁰. После безоговорочной капитуляции нацистского «рейха» данный показатель быстро увеличился. Только в период с 9 по 14 мая 1945 г. Красной Армией сдались дополнительно 1 млн. 230 тыс. главным образом немецких военнослужащих. В эту цифру входит и 101 гитлеровский генерал¹⁹¹. В числе пленных из состава бывших военнослужащих фашистской коалиции в Советском Союзе находились представители свыше 35 национальностей и 25 государств, расположенных не только в Евразии, но и в Америке¹⁹².

¹⁹⁰ Гуркин В. В. Круглов А. И. Указ. соч. С. 33.

¹⁹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947. С. 693.

¹⁹² Венгерские военнопленные в СССР. С. 285–286.

К концу 1943 г. число военнопленных, содержащихся в Удмуртии, не превышало 4 тыс. человек. В начале декабря в Рябово насчитывалось 1 104 бывших вражеских солдат. В лагере № 155 в это же время находился 1 271 человек. В декабре 1943 г. других пунктов содержания пленных, кроме госпиталя № 3888, в Удмуртии не существовало. В январе 1944 г. в этом медучреждении размещались 1 032 бывших солдата и офицера армий гитлеровского блока. Таким образом, в начале 1944 г. в Удмуртии находилось около 3 400 пленных. Но после полного разгрома войск гитлеровской Германии и ее союзников ситуация кардинально изменилась. В 1945 г. общая численность спецконтингента, содержащегося на территории Удмуртии, достигла максимума. 1 ноября только в лагере № 371 находились 4 090 пленных¹⁹³. Летом–осенью 1945 г. в районе д. Дзякино насчитывалось около 2 000 бывших солдат и офицеров разгромленных армий. В пос. Рябово, в пос. Ува и на территории «17-го участка» содержалось приблизительно 3 000 человек. Во второй половине 1945 г. в составе отдельных рабочих батальонов № 431 и № 438 находилось соответственно около 400 и 1 000 военнопленных. В шести спецгоспиталях лечилось не менее 4 500 человек. Таким образом, летом-осенью 1945 г. в Удмуртской АССР содержалось около 15 тыс. военнопленных различных национальностей из многих государств Западной и Центральной Европы.

Условно армии иностранных союзников вермахта можно разделить на три категории. В первую входят воинские части сателлитов – Италии, Финляндии, Венгрии, Румынии, Словакии, Болгарии, Хорватии. Во вторую – «добровольно-принудительные» подразделения из оккупированных немцами или итальянцами государств – Франции, Польши, Чехии, Бельгии, Голландии, Греции, Албании, Югославии, Дании, Норвегии¹⁹⁴. Как правило, такие национальные формирования, состоявшие из коллаборационистов, входили в структуру войск СС. В третью категорию можно включить дивизии, полки, роты, воевавшие на

¹⁹³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 203.

¹⁹⁴ Дробязко С., Романько О., Семенов К. Иностранные формирования третьего рейха. Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма. М., 2009. С. 131–140, 151–167, 175–197, 224–240, 257–290, 317–319, 334.

стороне фашистской Германии и образованные из граждан формально нейтральных Испании¹⁹⁵, Швеции¹⁹⁶, Швейцарии¹⁹⁷. Представители всех вышеперечисленных стран выступили на советско-германском фронте на стороне гитлеровцев. Только в ноябре 1942 г. Красной Армии, кроме частей вермахта и войск СС, противостояли 22 румынские дивизии, а также 14 финских, 13 венгерских, 10 итальянских, 1 испанская и 1 словацкая¹⁹⁸. Среди вражеских солдат и офицеров, которые к 18 июня 1945 г. были взяты красноармейцами в плен, оказалось 1 947 593 немца (включая австрийцев), 425 319 венгров, 120 329 румын, 34 842 поляка, 20 507 итальянцев, 15 099 французов, 16 818 чехов, 12 115 словаков, 4 430 югославов (без хорватов), 3 787 русин, 1 888 бельгийцев, 1 310 голландцев, 956 хорватов, 368 испанцев, 287 болгар, 93 швейцарца, 54 норвежца, 40 американцев, 38 финнов, 31 швед, 22 грека¹⁹⁹.

Данная тенденция во многом подтверждается и в отношении национального состава иностранных военнопленных, содержащихся в 1941–1949 гг. в Удмуртии.

В декабре 1943 г. в лагере № 75, расположенном в пос. Рябово, находились 1 104 обезоруженных солдат противника. Из них немцами являлись 516 человек, румынами – 557, венграми – 3. Остальные военнопленные представляли другие национальности²⁰⁰. В начале осени 1942 г. в лазарете лагеря № 75 лечился 36-летний пленный испанский солдат Г. Гургун. В конце сентября он скончался и был погребен на специальном кладбище неподалеку от пос. Рябово. В октябрь-ноябре в лазарете лагеря с диагнозом «туберкулез легких» лечился еще один бывший солдат испанской «голубой дивизии» Х. Монтанес. В начале декабря 1942 г. он умер и был захоронен на том же кладбище. Содержались в Рябово и

¹⁹⁵ Дробязко С., Романько О., Семенов К. Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма. М., 2009. С. 109–122.

¹⁹⁶ Там же. С. 243.

¹⁹⁷ Там же. С. 207.

¹⁹⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. М., 1946. С. 76.

¹⁹⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 37. Л. 5–6.

²⁰⁰ Венгерские военнопленные в СССР. С. 281.

представители другой формально нейтральной страны – Швеции. Так, на кладбище лагеря № 75 в сентябре 1942 г. был погребен 21-летний пленный швед А. Тернгвист²⁰¹. В конце 1942 г. в лазарете лагеря № 75 находились болевший пеллагрой военнослужащий финской армии Э. Лейнонен, а также капрал румынской армии П. Спыну, австрийский солдат К. Кадьевский, чех Ю. Новодный, венгр И. Шерег, а также уроженец Югославии, младший унтер-офицер Ю. Божанович²⁰².

В составе разноязычных армий гитлеровского военного блока встречались и представители малочисленных народов. В частности, в финские войска мобилизовывались лапландцы (саамы). Представитель этого народа 21-летний П. Айкио в 1942 г. лечился в лазарете Рябовского лагеря. В сентябре он скончался и был захоронен на специальном кладбище для умерших пленных²⁰³.

В начале 1945 г. в лагере № 75 часть спецконтингента составляли итальянцы, а также самоорганизовавшаяся группа венгерских евреев, которые в составе войск контр-адмирала Хорти воевали на стороне вермахта. По их заявлениям, озвученным на антифашистских мероприятиях, они сдавались в плен красноармейцам добровольно²⁰⁴.

В лагере № 75 рабочие бригады военнопленных были сформированы по национальному признаку. Румыны имели самую легкую работу. Среди представителей этой национальности было много офицеров, трудившихся на торфяниках. Нередко между бывшими иностранными военнослужащими вспыхивали ссоры. Особенно это относилось к румынам и венграм. Но если недовольство обращалось против немцев, то представители всех других наций объединялись против них. При этом бывшие солдаты вермахта не отличались взаимовыручкой и почти не выступали на защиту друг друга. Судя по воспоминаниям бывшего пленного П. Бехтольда, советская медсестра однажды заявила немецкому врачу: «Доктор, я имела дело с разными нациями, но такого

²⁰¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 388. Л. 17, 24, 33.

²⁰² РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 1. Л. 1, 2, 13–14, 25, 82, 186–187, 213, 323.

²⁰³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 05е. Д. 388. Л. 22.

²⁰⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8. Л. 4 об, 7, 29.

плохого отношения к товарищам, как среди немецких военнопленных, я еще не видела ни среди румын, ни среди венгров, и даже не среди японцев»²⁰⁵.

В лагере № 155 национальный состав был менее пестрым. В декабре 1943 г. там находился 1 271 пленный. Подавляющее большинство из них составляли немцы – 1 130 человек при двух венграх и представителях других национальностей²⁰⁶. К сентябрю 1945 г. на территории «17-го участка» появились пленные итальянцы. Кроме того, судя по списку захороненных на кладбище лагеря № 155, помимо немцев и австрийцев, там в декабре 1943 г. был погребен 44-летний фельдфебель К.М. Май, назвавшийся при допросе русским²⁰⁷.

Юго-западнее этого пункта содержания спецконтингента дислоцировался отдельный рабочий батальон военнопленных (ОРБ) № 438. Поначалу это подразделение размещалось у населенного пункта Саркуз, а позднее его штаб передислоцировался на железнодорожную ст. Кизнер. В июле 1945 г. в распоряжение ОРБ № 438 эшелон № 96454 из Польши была переброшена большая группа военнопленных в составе 996 человек. В нее, помимо уроженцев Германии и Австрии, входили французы, швейцарцы, голландцы, бельгийцы, представители других народов Европы, а также коллаборационисты из Прибалтики и западной Украины. Так, в списках прибывших в конце июля – начале августа 1945 г., кроме немцев, числились чех К. Кунел, австриец И. Швингль, французы А. Донасоло, Ж. Анфри, К. Маре, голландец И. Камс, югославы Ф. Штецер, И. Шваб. Кроме того, среди содержащихся в лагере во второй половине 1945 г. значились швейцарец Г. Альбрехт, словенец И. Янечич, бельгийцы Х. Боссе, Г. Мове и другие их соотечественники. В списки также входили пленные из числа бывших советских граждан, воевавших на стороне гитлеровцев в национальных формированиях, включенных в структуру войск СС – латыш В. Петрис, уроженцы западной Украины С. Твердохлеб, М. Лойк²⁰⁸.

²⁰⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

²⁰⁶ Венгерские военнопленные в СССР. С. 281.

²⁰⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 389. Л. 8.

²⁰⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 8. Д. 1. Л. 1, 2 об., 4, 8–8 об., 15, 22 об., 23 об., 24–25, 27 об., 58, 60 об., 91.

Национальный состав отдельных рабочих батальонов № 431 и № 445 Министерства вооруженных сил СССР, дислоцировавшихся в Бемыжском и Кизнерском районах республики, был менее разнообразным. Контингент этих пунктов пребывания пленных состоял из немцев при небольшом количестве австрийцев. Если в этих ОРБ обнаруживались лица других национальностей, то их перевозили в лагеря ГУПВИ НКВД. Так, 22 октября 1946 г. из рабочего батальона № 445 были отправлены в ижевский пункт содержания пленных 2 чеха, 2 хорвата, 2 поляка и 2 эстонца²⁰⁹.

В лагере № 371 среди пленных также встречались коллаборационисты из оккупированных вермахтом стран. На кладбище 1-го отделения лагеря № 371 захоронен поляк А. Людковский²¹⁰, 2-го – голландец А. Томас²¹¹.

Национальный состав каждого из пунктов пребывания спецконтингента имел свои особенности. Например, в лагере № 510 летом 1945 г. насчитывалось около 400 итальянцев²¹². Ни в одном из пунктов содержания бывших военнослужащих армий гитлеровского блока, расположенных в республике, не находилось большего количества пленных данной национальности. Для антифашистской работы среди итальянских солдат некоторое время не удавалось решить проблему обеспечения газетами и книгами на их родном языке²¹³.

В этом же лагере его администрацией были зафиксированы случаи конфликтов на почве предвзятого отношения пленными немцев к бывшим военнослужащим румынской королевской армии. Например, врач-немец Беркман отказывался лечить больных румын, но в то же время своим соотечественникам, не страдавшим от тяжелых заболеваний, выписывал освобождение от работы. Дело доходило до открытой национальной вражды. Немцы-солдаты не подчинялись офицерам-румынам²¹⁴. Таким образом, многие бывшие военнослужащие вермахта, воспитанные гитлеровцами в фашистском, расистском

²⁰⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 7е. Д. 594. Л. 117.

²¹⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05. Д. 390. Л. 9–11.

²¹¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05. Д. 391. Л. 7.

²¹² РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 1. Л. 14 об.

²¹³ Там же. Л. 10 об.

²¹⁴ Там же. Л. 5–5 об.

духе, уверенные в превосходстве «арийцев» над всеми остальными нациями, даже в лагере для военнопленных не избавились от пренебрежительного отношения к «недочеловекам»-румынам, которое проявлялось еще на фронтах под Одессой и Сталинградом и заметно ослабляло боеспособность частей, воевавших против Красной Армии.

С другой стороны, есть немало примеров того, как пленные румынские офицеры оказывались более принципиальными противниками Советской власти, чем многие бывшие солдаты вермахта. Так, в лагере для военнопленных № 371 долгое время бывшие офицеры королевской румынской армии саботировали все распоряжения администрации и настраивали представителей спецконтингента против СССР. Лейтенант К. Аурел открыто призывал своих соотечественников к отказу от работы и от приема пищи. В итоге пленный был осужден и приговорен к 7 годам заключения. Это известие вызвало удовлетворение у румынских солдат и определенный скепсис у офицеров. Другой случай произошел 8 ноября 1947 г., когда пленный лейтенант Добровский пришел к солдатам-румынам и стал настраивать их против праздника Октябрьской революции. В ответ они тут же прогнали его и сообщили о случившемся старшине актива 2-го лагерного отделения немецкому военнопленному Ф. Тросту²¹⁵.

Недоверие румынских офицеров к Управлению лагеря № 371 оказалось преодолеть очень сложно. Некоторые из них вплоть до репатриации и закрытия этого пункта содержания спецконтингента так и не вышли на работу²¹⁶. Тем самым, они воспользовались правом не трудиться, предоставленным пленным офицерам в Положении о военнопленных, утвержденном Советским правительством в начале июля 1941 г.²¹⁷ Подобное иждивенчество не лучшим образом воздействовало на контингент лагеря.

Негативное влияние румынских офицеров на своих соотечественников иногда имело очень серьезные последствия. Летом 1947 г. совершил побег

²¹⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 36 об.

²¹⁶ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 45–46.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 297–298.

военнопленный Г. Теодор. Незадолго до случившегося он был переведен из Ижевска в лагерь № 75, в его отделение, располагавшееся на 17-м километре узкоколейной железной дороги (бывший лагерь № 155). В 7:30 утра 30 июня этот румын в составе бригады военнопленных был выведен в лесосеку для работы. Пользуясь временным отсутствием вахтера, исполнявшего функции конвоира, Теодор скрылся. О побеге было сообщено только в 14:20, спустя 6 часов после происшествия. В розыске участвовал весь личный состав лагеря, актив сельских и поселковых Советов Увинского района, сотрудники местной милиции.

Антисоветски настроенные румынские офицеры, содержащиеся в лагере № 371, оказывали негативное воздействие на венгерских пленных, которых на 25 сентября 1947 г. насчитывался 351 человек, а также на 95 пленных австрийцев. В частности, среди представителей этих наций преобладало неверие и пессимизм в отношении скорой репатриации на родину.

Однако было бы ошибкой считать, что случаи упорного неподчинения, побегов или проявления радикальных антисоветских настроений проявлялись только среди румынских офицеров. В том же лагере № 371 в августе 1947 г. была выявлена нелегальная фашистская организация «Немецкий боевой фронт». Ее возглавлял бывший унтер-офицер одной из рот пропаганды вермахта В. Лиенкам. Основной целью организации было проведение саботажа, а также порча имущества, создание всяческих помех в производственном процессе. После возвращения в Германию планировалось проводить активную агитационную работу против денацификации страны, а также «борьбу с коммунистической опасностью с востока», включая антисоветскую пропаганду. Для формирования удобных условий для таких действий Лиенкам планировал войти в антифашистский актив пленных и занять там руководящую должность, облегчив этим функционирование организации и улучшив безопасность ее членов. В качестве прикрытия в условиях лагеря он хотел создать легальную группу-землячество, где должны были собираться немцы – выходцы из западных зон

Германии. Но замыслам не суждено было реализоваться. Членов группы арестовали, по данному делу велось следствие²¹⁸.

Несмотря на эти факты, абсолютное большинство пленных всех национальностей осознавало, что постоянно не подчиняться требованиям Управлений лагерей, находившихся на территории Удмуртии, или, тем более, совершать побеги, бессмысленно. Поэтому спецконтингент выполнял вмененные ему обязанности относительно дисциплинированно. Некоторые его представители, трудившиеся на ижевских заводах, стройках, а также на лесосеках, торфопредприятиях Увинского и Глазовского районов, даже значились в передовиках производства. Например, в 1947–1948 гг. в списки лучших бригадиров из лагеря № 371 были включены румын Демерою, венгр Кадар²¹⁹, немец Трейде, австриец Куданский²²⁰.

Национальный состав контингента пленных можно проследить не только по спискам лагерей ГУПВИ НКВД, но и по данным спецгоспиталей Наркомздрава СССР, располагавшихся в республике. Крупнейшее учреждение в Удмуртии для лечения бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока размещалось в г. Можга. В спецгоспитале № 3888 находились пленные коллаборационисты из некоторых европейских государств. Среди пациентов кроме немцев можно было встретить венгров, итальянцев, поляков, сербов, хорватов, словаков, венгерских евреев. В медучреждении находились, в частности, уроженцы Болоньи, Милана, Будапешта, югославского Нови-Сада и других городов Западной и Центральной Европы. В этом спецгоспитале лечились также русины Ю. Райко, С. Вичанин из Закарпатской Украины, находившейся до Великой Отечественной войны в составе Венгрии, в армию которой они и были мобилизованы. В списке умерших пленных, похороненных на специальном кладбище спецгоспиталя № 3888, числится даже 22-летний люксембуржец Ф. Райх, погребенный 16 ноября 1944 г.²²¹. Большинство пациентов, содержащихся здесь в период 1943–1944 гг.,

²¹⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 30–32, 36 об, 37.

²¹⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 116.

²²⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 21.

²²¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 396. Л. 33 об.

попали в плен во время боев в Воронежской и Белгородской областях. После выздоровления многие из них отправлялись в лагерь № 75²²².

По словам старожилов пос. Рябово, где располагался данный пункт содержания обезоруженных солдат и офицеров противника, в нем некоторое время находились американцы. Судя по всему, они воевали на стороне вермахта против Красной Армии, а затем были захвачены в советский плен. Факт пребывания граждан США в лагере № 75 подтверждается тем, что по архивным данным на кладбище спецгоспиталя № 3888 захоронен умерший американец Е. Сакал 1905 года рождения. Причем его тело было положено в общую могилу вместе с другими пленными²²³. Такие захоронения без регистрации дня их осуществления проводились в 1942—1943 гг.²²⁴. Поэтому Е. Сакал был погребен до начала 1944 г. Пункты содержания пленных № 371 и 510 начали функционировать в 1945 г. Из этого следует, что американец содержался в лагере № 75, а затем был отправлен в спецгоспиталь № 3888, где и скончался.

В Можге непродолжительное время функционировало еще одно учреждение для пленных – спецгоспиталь № 5880. Среди бывших солдат и офицеров гитлеровского блока, находившихся здесь в первой половине 1945 г., можно назвать поляка Ф. Ольшевского, австрийца Э. Кайдера, уроженца Югославии Ф. Друкса, итальянца А. Десерио и других представителей стран, военные формирования которых выступили на стороне Германии. Причем, при анализе списков пациентов выявляется довольно любопытная тенденция. Отдельные пленные немцы, попав в этот госпиталь, приписывали себе другую национальность (как правило, славянскую), решив, что в этом случае отношение к ним будет лучше. Например, пациент Фридрих Рудольф Мюллер назвался «чехословаком». Однако этот обман ему не помог. Положение больного было безнадежным. Мюллер скончался 1 августа 1945 г. от туберкулеза шейных желез²²⁵.

²²² РГВА. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 2. Л. 1 об., 7 об., 25 об. – 26, 77 об. – 78.

²²³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 396. Л. 16 об.

²²⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 8.

²²⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 10. Д. 1. Л. 1 об., 2–2 об., 3, 5 об.

В спецгоспитале № 3779, располагавшемся до 1949 г. в г. Глазове, национальная принадлежность военнопленных оказалась менее разнообразной, чем в можгинских учреждениях подобного рода. Большинство принадлежало немцам и австрийцам, меньшинство – венграм и румынам²²⁶.

При этом в Глазове встречались и пленные из других стран зарубежной Европы. На специальном кладбище, где хоронили умерших из спецгоспиталей № 3779 и № 5882, был в мае 1945 г. погребен ефрейтор вермахта датчанин Г. Магнус, в июне – 33-х летний француз А. Клоц, в январе 1946 г. – 35-летний унтер-офицер, норвежец А. Эльварам²²⁷.

Весьма любопытен тот факт, что через Кизнер в Елабугу, в офицерский лагерь № 97, и обратно проходил путь японских военнопленных, которые в большом количестве доставлялись в СССР после молниеносного разгрома Квантунской армии в августе 1945 г.²²⁸ Вот что вспоминал об их приезде на ст. Кизнер местный старожил А. С. Лeksuтин, которому в год окончания Великой Отечественной войны было 10 лет: «...Вместе с друзьями-мальчишками мы наблюдали, как подходили к станции и останавливались товарные вагоны, из которых выгружались странного для нас вида люди. «Японцы это», – тихонько поговаривали в толпе народа, что собралась в этот момент на перроне.

Чужеземцы одеты были по-зимнему: в теплых шапках, добротных, зеленого цвета шубах... И провизию японцы везли с собой такую же экзотическую, как они сами: в мешках была рыба, много сушеной морской капусты. Поселили этих необычных людей в железнодорожном клубе.

Помню, как покидали японцы нашу станцию. Их конвоировали... в Елабугу. Колонна военнопленных отправлялась в дальний путь пешком, а вещи, провиант везли на санях, запряженных лошадьми...

...Нам было просто любопытно наблюдать за этими странными людьми, которые несли с собой, что-то наподобие сабель (не знаю как называется этот вид

²²⁶ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 9. Л. 104.

²²⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 395. Л. 13, 15, 20.

²²⁸ Кизнер. Земля живых ключей. Ижевск, 2009. С. 50–51 .

холодного японского оружия), а большинство смотрели на мир сквозь очки...»²²⁹. Из этих слов очевидца можно сделать вывод о том, что в елабужский лагерь из Кизнера направлялись японские офицеры, в том числе штабные. Об этом говорят их одежда, очки, которые были у многих, а также собственный обильный провиант, оставленный у прежних хозяев после пленения, и, наконец, армейские мечи, напоминавшие саблю.

Во время шествий из Кизнера в Елабугу и обратно отдельные японские офицеры чувствовали серьезное недомогание, и их отправляли в спецгоспиталь № 3888, находившийся в г. Можге. Например, там в 1946 г. проходил медобслуживание бывший младший лейтенант Квантунской армии К. Сайто 1909 года рождения²³⁰. Однако лечение не всегда заканчивалось успешно. Так, пятидесятилетний японский полковник И. Моразуми 19 августа 1948 г. скончался в этом госпитале и на следующий день был захоронен на специальном кладбище данного медучреждения²³¹.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что наибольшее число иностранных военнопленных в Удмуртии составляли немцы. Затем следовали бывшие солдаты и офицеры румынской армии. Третью позицию по количеству пленных занимали венгры и австрийцы, которых в лагерях и госпиталях в разное время содержалось примерно поровну. Помимо этого было немало итальянцев, чехов, уроженцев Югославии (хорваты, боснийцы, словенцы, сербы). Среди пленных находились поляки, словаки, финны, французы, голландцы, бельгийцы, испанцы, венгерские евреи, русины, американцы, швейцарцы, представители Люксембурга, Швеции, Норвегии, Дании, Лапландии. Причем скандинавы, как правило, до плена воевали в составе дивизии СС «Нордланд». В лагерях, рабочих батальонах и спецгоспиталях, развернутых в Удмуртии, находились представители около 25 национальностей из более чем 15 государств.

Национальный состав контингента военнопленных, содержащихся в

²²⁹ Данилова Н. Удмуртская «Сибирь» Кацуо Сумида // Новая жизнь (газета администрации Кизнерского района). 15 марта 2005 г. С. 2.

²³⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 11. Л. 49 об.

²³¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 396. Л. 57.

республике в 1941–1949 гг., почти пропорционально отражал степень участия многих стран Западной и Центральной Европы в процессе широкомасштабной войны против Советского Союза.

Для некоторой части бывших военнослужащих Квантунской армии Удмуртия являлась лишь кратковременным пристанищем. Пленные японцы, прибывая с Дальнего Востока, после непродолжительного отдыха на ст. Кизнер перемещались в г. Елабуга Татарской АССР. В процессе репатриации многие из них отправлялись в обратном направлении. Небольшое количество пленных военнослужащих разгромленной Квантунской армии находилось на лечении в спецгоспитале № 3888. В 1946 г. на территории Граховского района некоторые бывшие японские офицеры из лагеря № 97 принимали участие в строительстве узкоколейной железной дороги, которая должна была связать Бондюжский химический завод со ст. Сюгинская (г. Можга).

Без учета японцев, максимальная численность многонационального контингента военнопленных в Удмуртии была достигнута в 1945 г. Минимальная наблюдалась в 1949 г. Крупнейшим в УАССР пунктом содержания пленных являлся лагерь № 371. Осенью 1945 г. в четырех его отделениях содержалось более 4 000 человек. Самым долговременным пунктом пребывания спецконтингента оказался Рябовский лагерь, существовавший с 1941 г. по 1947 г., т.е. около шести лет.

§ 1.3. Антифашистские и культурно-воспитательные мероприятия в лагерях

Основной функцией иностранных военнопленных, содержащихся в СССР в 1941–1956 гг., являлся труд на различных предприятиях. Однако они имели свободное время для досуга и отдыха. Это являлось результатом конкретно установленной продолжительности рабочего дня военнопленных длительностью 8 часов в сутки. Столько же длился их ежедневный ночной отдых. При этом пленные пользовались правом на четыре выходных дня в месяц. Все

перечисленные нормы их труда и отдыха содержались в Приказе НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г.²³² В большинстве лагерей для военнопленных указанная длительность рабочего дня в целом соблюдалась. Превышение или, что нередко случалось – сокращение длительности трудового процесса в сутки, было результатом, как правило, неудовлетворительной организации труда иностранцев или недостатка опыта их использования в некоторых отраслях промышленности.

Значительную часть досуга пленных занимала широкоразвернутая и активная антифашистская работа. Она велась в обязательном порядке в большинстве мест содержания представителей спецконтингента. Антифашистские мероприятия среди бывших солдат вражеских армий, содержащихся в Удмуртии, проводили инструкторы-политработники. Эти должностные лица, по утверждению бывшего вольнонаемного сотрудника лагерей № 75 и 155 Н. Н. Кирпиковой, пользовались уважением военнопленных²³³. Авторитетом среди них пользовался, в частности, политработник В. Е. Майер. Он работал переводчиком в оперативном отделе лагерей № 75 и № 155. Историк по образованию, выпускник МГУ В.Е. Майер стал после войны выдающимся ученым-медиевистом, доктором исторических наук, профессором, долгие годы проработавшим в стенах Удмуртского государственного университета.

Немаловажным элементом антифашистской работы среди военнопленных являлись коллективные читки центральных советских газет, а также прессы, издаваемой в СССР на языках народов Западной и Центральной Европы. Кроме того, проводились митинги, лекции, беседы, обсуждения тем, доклады, политинформации. Эти мероприятия затрагивали в основном международные политические проблемы. Значительная роль отводилась показу документальных и художественных фильмов. Поощрялся выпуск пленными стенгазет. Во всех пунктах их содержания прилагались меры для организации среди бывших иностранных военнослужащих антифашистского актива. Обязательным условием

²³² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 658. Л. 252–253.

²³³ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

существования любого лагеря являлось формирование такой группы сознательных пленных, настроенных против нацизма и шовинизма. Вторым элементом антифашистской работы включал в себя вовлечение бывших иностранных солдат в кружки по интересам, спортивные соревнования, организацию и проведение концертов, спектаклей, конкурсов. Большая роль отводилась лагерным библиотекам, чтению художественной и общественно-политической литературы на родном языке. Третьим компонентом антифашистских мероприятий являлся труд на заводах, в строительстве и в сельском хозяйстве. Физическая работа, по мнению руководителей администраций лагерей для пленных, активно способствовала перевоспитанию представителей спецконтингента, улучшению их моральных качеств.

Аналогичные тенденции имели антифашистские мероприятия в пунктах пребывания бывших иностранных военнослужащих, которые дислоцировались в Удмуртской АССР. Довольно разносторонними являлись жизнь и досуг военнопленных, находившихся в лагере № 371. Здесь была широко развернута воспитательная работа, направленная на искоренение среди пленных нацистских убеждений. В третьем квартале 1946 г. в ижевском лагере находилось 888 антифашистов – бывших военнослужащих немецкой, венгерской и румынской армий. Это составляло приблизительно четверть общего числа пленных. Таким образом, можно определить, что в этот период в г. Ижевске содержалось около 3550 бывших иностранных военнослужащих. В антифашистский актив входило 303 пленных. Большинство из них руководили своими соотечественниками во время трудового процесса. Так, из имевшихся к марту 1947 г. 44 производственных бригад 39 возглавляли пленные, заявившие о своих антифашистских взглядах.

В лагере № 371 было организовано немалое количество кружков по интересам. Их тематика нередко определялась самими пленными. В частности, функционировали литературные, драматические, музыкальные, шахматные, спортивные, хоровые секции. Среди пленных пользовались определенной популярностью кружки по изучению русского, английского, французского

языков. У немалой части бывших иностранных солдат, лояльно и терпимо настроенных к СССР, имелся довольно живой интерес к Советскому государству и его законам. Поэтому в лагере № 371 пленные не оставляли без внимания три кружка по изучению истории ВКП(б). В начале 1947 г. их посещало 39 человек.

В лагере № 371 работал радиоузел. Им заведовал Л. А. Пантюхин. Среди пленных выполняли свои обязанности ответственные за выступления по радио. Эти активисты составляли тексты на родном языке и согласовывали их с политотделом лагеря. По свидетельству Л. А. Пантюхина, одним из таких военнопленных являлся венгр Л. Шиморяй. Он имел разностороннее образование, поскольку окончил юридический факультет Будапештского университета. Шиморяй на родном языке выступал по радио в лагере, рассказывая о своей родине, ее культуре. У него были лингвистические способности. По текстам газет и разговорнику-самоучителю Шиморяй довольно быстро освоил основы русского языка. При этом уделил особое внимание грамматике. Впоследствии всех знакомых солдат, которые вместе с ним попали в плен, он обучал русскому языку.

В ходе реализации антифашистских мероприятий и организации работы представителей спецконтингента не обошлось без проблем. 19 июня 1946 г. на общем гарнизонном собрании офицеров подразделений МВД УАССР один из сотрудников лагеря № 371 Зайцев заявил о недостаточном количестве рационализаторских предложений для улучшения трудовой деятельности пленных. Кроме того, в процессе антифашистской работы возникла необходимость больше усилий прилагать для того, чтобы пленные скорее изживали пропагандистский бред, внедренный в их сознание гитлеровским режимом²³⁴.

Политорганы лагерей для военнопленных в СССР большое внимание уделяли киноискусству, как одному из методов антифашистской работы, способствующему отказу бывших солдат и офицеров противника от идеологического наследия геббельсовской пропаганды. Однако в ходе

²³⁴ ЦДНИ УР. Ф. 129. Оп. 2. Д. 35. Л. 1 об.

организации показов фильмов встречались проблемы и трудности. Так, в 1945–1946 гг. в лагере № 371 отсутствовала киноаппаратура.

Однако впоследствии вопрос удалось решить. Было завезено необходимое оборудование. Бывшие иностранные военнослужащие получили возможность посещать киносеансы, проводившиеся на территории ижевского лагеря. Во второй половине 1947 г. пленные посмотрели комедию «Волга-Волга», а также другие киноленты, в том числе «Парень из тайги», «Тринадцать», «Бесприданница», «Сильва», «В долине жемчугов», «Побег с каторги», «В горах Югославии», «Мы вернемся», «Броненосец «Потемкин», «Ленин в Октябре», «Золушка». В лагере № 371 демонстрировались и немецкие трофейные фильмы «Где моя дочь?», «Девушка моей мечты». Пленные смотрели также документальные киноленты, в частности, «Рим – открытый город», «Физкультурный парад 1947 года». В ряде случаев советские фильмы демонстрировались с субтитрами на немецком языке.

После просмотра среди пленных организовывались дискуссии, в ходе которых они давали свою субъективную оценку увиденному. Во время этих обсуждений от военнопленных можно было услышать интересные и неординарные комментарии, размышления о фильмах и даже иногда довольно грамотные аналитические высказывания об определенных кинокартинах. В одном из отчетов Управления лагеря № 371, в частности, отмечается: «В дискуссиях по показанным фильмам военнопленные говорят: «Советские кинофильмы в отличие от других стран богаты содержанием, и очень хорошо то обстоятельство, что мало искусственности. Каждый фильм имеет свою целевую направленность и воспитывает в человеке хорошие качества». Военнопленный Штаймайер в ходе дискуссии после просмотра немецкой кинокартины «Девушка моей мечты» заметил: «Этот фильм имеет хорошее оформление, но главное, что человеку нужно, это содержание, а оно отсутствует». Во время того же обсуждения Штаймайер сравнил эту трофейную ленту с фильмом «Волга-Волга». По мнению пленного, советская кинокартина, также являющаяся комедией, имеет целевую установку, а в фильме «Девушка моей мечты» ее нет.

Помимо дискуссий после киносеансов в лагере № 371 организовывались диспуты по внешнеполитическим вопросам. В третьем квартале 1947 г. сами пленные на родном языке выступали перед своими соотечественниками с докладами и лекциями по темам: «Советский Союз и общественное мнение за границей», «Современное политическое и хозяйственное положение Германии», «Земельная реформа в Венгрии», «Вступление в силу мирных договоров» и др.

Представители спецконтингента лагеря № 371, отличавшиеся критическим отношением к фашистской идеологии, удовлетворительными показателями трудовой деятельности, хорошим поведением, а также активным участием в работе кружков, в организации концертов и конкурсов, становились участниками экскурсий в г. Ижевск. В ноябре 1947 г. военнопленные побывали на выставке, приуроченной к 30-летию Октябрьской революции. 21 декабря, в день выборов, организовывались экскурсии на избирательные участки, которые посетили 153 бывших иностранных солдата. В конце 1947 г. 80 военнопленных познакомились с ассортиментом и прилавками ижевских магазинов. 140 иностранцев в качестве зрителей посетили городской театр и посмотрели спектакль «Глубокие корни. В одном из отчетных документов сотрудников Управления лагеря № 371 зафиксированы отзывы военнопленных об упомянутых экскурсиях. Один из них, Г. Конен, заявил: «Посетив избирательные участки, я невольно вспомнил о лживой пропаганде на родине, где нам говорили, что во время выборов в СССР в каждой кабине стоят комиссары и под пистолетом заставляют голосовать только за коммунистов. На практике я убедился в обратном. Лично был в кбинах, беседовал с избирателями, членами комиссии и всюду видел только радость и особое торжественное настроение избирателей». Венгерский военнопленный Л. Шиморай заявил: «Я не мог раньше поверить, не увидев товаров в ваших магазинах, в такое их изобилие, и думал, что после отмены карточек у Вас будут сплошные драки в магазинах. Я посетил магазин и убедился, что каждый имеет возможность купить все, что ему нужно без карточек, без всякого шума, и это меня крайне поразило». Пленный Калеват оставил такой комментарий: «Я не ожидал, что далеко от Москвы в таком маленьком городе имеется прекрасный

театр и такие хорошие артистические силы. Этот театр по своему уюту и красоте не уступает ...театрам в других странах»²³⁵.

На вышеуказанные благоприятные отзывы повлияло также терпимое отношение к пленным со стороны значительной части населения г. Ижевска. Этот факт иллюстрируют воспоминания Л. А. Пантюхина: «...Русский народ очень сердобольный, особенно женщины. Их мужья погибли на фронте, были в плену. А они пленных жалели. Вот в магазин пленные придут купить хлеба, так их без очереди пустят, им ведь не разрешено долго ходить. Отношения были добрые. У молодых даже любовь завязывалась. Недалеко был клуб «Строитель», так там оркестр играл лагерный, их отпускали выступать. Швейцарец пел прекрасно, у него голос был лирический. Он арию Ленского пел, а оркестр играл музыку танцевальную. Девушки со всего города приходили. Приходили наши ребята, которые тут служили, они знакомились. А в перерыве, когда один из музыкантов отдыхал, мог подойти, пригласить нашу девушку потанцевать. Это все было нормально...»²³⁶. Из данного высказывания можно сделать вывод о том, что в некоторых случаях взаимоотношения жителей города и пленных были вполне дружелюбными. По свидетельству местных старожилов, доходило даже до того, что некоторые бывшие немецкие солдаты создавали свои семьи, добровольно оставаясь в Удмуртии²³⁷. Уже только поэтому антифашистские мероприятия, реализованные в лагере № 371, не были напрасными.

Большой объем работы, направленной на искоренение среди пленных нацистских и шовинистических взглядов, был проведен в лагере № 75. В январе 1945 г. здесь среди пленных насчитывалось 1032 антифашиста. Из них немцев – 445, румын – 527, итальянцев – 30, представителей других национальностей – 19 человек. В течение января для пленных было проведено 5 лекций. Некоторые из них назывались следующим образом: «Морально-политическое поражение гитлеровской Германии», «Германия в тисках двух фронтов». Кроме того, в этом

²³⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 2 об., 25, 28, 36.

²³⁶ ЦГА УР. Ф. 1862. Оп. 1. Д. 28. Л. 5–6.

²³⁷ Федосеева Ф. В окна и двери стучалась война // Машиностроитель. 2001. № 15. 26 апреля. С. 6.

лагере функционировал кружок по изучению истории ВКП(б), на занятиях пленные изучали биографию В.И. Ленина²³⁸. Как и во многих пунктах содержания спецконтингента среди его представителей здесь проводились групповые читки советской газеты «Известия», а также антифашистской периодики на немецком, венгерском, итальянском языках – «Фрайес Дойчланд» («Свободная Германия»), «Игаз-цо» («Правдивое слово»), «Альба» («Рассвет»). В указанный период проводились также политинформации на основе сводок Советского информбюро, антифашистские митинги. Судя по отчету начальника Управления лагеря № 75 М. Н. Максюты, в феврале того же года количество антифашистски настроенных пленных выросло до 1 043 человек. В этом месяце бывшим иностранным военнопленным были продемонстрированы приключенческий фильм «Случай в вулкане», а также драматическая кинокартина «В 6 часов вечера после войны». Отличительным признаком лагеря № 75 являлись регулярные отчеты уполномоченного Национального комитета «Свободная Германия», военнопленного И. Махулы президенту этой антифашистской организации немецкому поэту Э. Вайнерту. В этих документах автор сообщал о труде бывших солдат вермахта на Увинском торфопредприятии, об антифашистской работе, проводимой среди них. В частности, И. Махула рассказал о сконструированном пленными проекционным аппарате. Иностранцы рисовали картинки, и этот механизм увеличивал их в 200 раз. Таким образом, антифашистски настроенные пленные сделали возможным показ в некотором роде диафильма, который назывался «Путешествие по свету». 23 февраля 1945 г. он был впервые продемонстрирован. Зрители увидели на экране цветные изображения видов разных городов, стран и даже континентов, включая Москву, Берлин, Гамбург, Вену, Будапешт, Неаполь, Париж, а также Африку, Индию, Гавайские острова. Показ этого диафильма сопровождался живой оркестровой музыкой, пением хора и солистов. Мелодии были подобраны соответственно городам и странам, виды которых демонстрировались на экране.

С конца 1943 г. в лагере № 75 функционировал радиоузел с использованием

²³⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8. Л. 7.

приемника типа 6-Н-1 и усилителем МТУ-25-2. Для оборудования точки вещания и ее эксплуатации в целях обеспечения политико-воспитательной работы среди военнопленных было выделено специальное помещение, которым заведовал специалист А. Ф. Филиков²³⁹.

Через этот радиоузел, помимо прочих передач, транслировалась музыка оркестра из елабужского лагеря № 97. Аналогичный творческий коллектив, составленный из пленных, был организован и в Рябово. Он отличался хорошей подготовкой музыкантов. По информации И. Махулы, этот оркестр был даже лучше елабужского. Под его музыку пленные выходили на работу, исполняя маршевые песни на родном языке.

Представители спецконтингента организовывали концерты. В личном архиве бывшей вольнонаемной сотрудницы лагеря № 75 Н. Н. Кирпиковой сохранилась программа одного из них. Этот концерт, проведенный пленными австрийцами, состоялся 13 мая 1945 г. В программе содержится следующая информация: «1. Оркестр. Марш на день рождения.

2. Оркестр. «Сказки венского леса». Вальс Штрауса.

3. Хор: а) «Теперь начинаются веселые дни». б) «Идем вместе на встречу».

4. Оркестр. «Порапек». Вальс-серенада.

5. Оркестр. Мелодия на день рождения.

6. Оркестр и трио. «Виолетта». Танго.

7. Оркестр. «Петербургская езда на санях».

8. Соло военнопленных. Лейзер:

а) «Аннушка, любимая девушка моя».

б) «Я знаю бочку в глубоком подвале».

9. «Свадьба в Зальцкамергуте» – музыкальная постановка в одном акте в исполнении оркестра, хора и солистов. Здесь покажут обычаи на свадьбе в австрийских Альпах (Зальцкамергуте). Мелодии подобраны из знакомых оперетт композиторов Штрауса, Кальмана, Целлера и др.». Эта программа концерта свидетельствует не только о мастерстве музыкантов оркестра, но и о высоком

²³⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3717. Л. 183.

уровне самодеятельности военнопленных, которые часть песен исполняли на русском языке.

В рамках антифашистской работы в лагере № 75 проводились соревнования по легкой атлетике, волейболу, футболу. Команды формировались по национальному признаку. В частности, немецкие футболисты играли против румынских. На матчи в качестве зрителей приходили вольнонаемные сотрудники²⁴⁰.

В одном из писем Э. Вайнерту И. Махула сообщил о поддержке пленными из лагеря № 75 Национального комитета «Свободная Германия» и признании большинством из них созданного в СССР антигитлеровского «Союза немецких офицеров». Однако в конце 1944 г. – начале 1945 г. в Рябовском пункте содержания спецконтингента еще имелось значительное число убежденных нацистов. Поэтому И. Махула просил Э. Вайнера прислать в этот лагерь для усиления антигитлеровской агитации представителей «Союза немецких офицеров» или Национального комитета «Свободная Германия».

Антифашистская работа, организованная среди пленных в Рябово, еще до окончания Великой Отечественной войны привела к заметным результатам. В январе 1944 г. пленные из лагеря № 75, граждане Югославии, написали коллективное заявление о необходимости зачисления их в национальную добровольческую часть, организованную на территории СССР²⁴¹. В ноябре бывшие солдаты вермахта, находившиеся в Рябово, отправили на имя Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина письмо, где просили разрешить формирование в Советском Союзе немецкого добровольческого корпуса имени Национального комитета «Свободная Германия» для вооруженной борьбы против гитлеровских войск. Оригинал послания на немецком языке был направлен в Москву, в УПВИ НКВД СССР.

Как известно, на советско-германском фронте крупные антигитлеровские воинские формирования, составленные из немцев, не появились. Однако против

²⁴⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

²⁴¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 3. Л. 3–3 об.

вермахта выступила румынская добровольческая дивизия. Часть солдат, составлявшая это подразделение, прибыла из лагеря № 75. Там была проведена широкомасштабная агитационная и организационная работа, направленная на содействие формированию румынской добровольческой дивизии²⁴². В 1944 г. это воинское подразделение, составленное, в том числе, из военнопленных, участвовало в освобождении Бухареста. В составе 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску²⁴³ сражались с гитлеровцами и бывшие представители контингента лагеря № 75 Д. Петреску, И. Николеску, Г. Кифу, А. Попа и другие. В марте 1944 г. Д. Петреску отправил пленным Г. Коху и Панаиту, содержащимся в Рябово, письмо с фронта. В нем говорилось: «...Прошло более четырех месяцев с тех пор, как мы расстались с Вами. За это время с лагеря прибыло еще 8 человек-шоферов, которые передали мне письмо, посланное Кохом. Хочу Вам сообщить следующее. Мы сегодня совсем не те люди, какими были вчера (военнопленными). Мы люди свободные, солдаты новой армии, находимся в рядах 1-й румынской дивизии «Тудор Владимиреску» ...Но и Вы не будете последними, в этом я уверен. Возможно, в новой форме, в погонах, мы встретимся с Вами на поле чести, выполняя почетную нашу миссию. Мы внешне и внутренне стали неузнаваемыми. Чистоплотные, быстрые, поворотливые – готовы выполнить любое задание.

Привет Маркошану, Елефтерию и остальным товарищам...»²⁴⁴. После получения письма и ознакомления с ним количество пленных из лагеря № 75, готовых вступить в эту добровольческую дивизию, значительно увеличилось, так как они поняли, что их соотечественники встали на верный путь вооруженной борьбы с фашизмом, принесшим много горя, бедствий и лишений народам Европы. Упомянутое воинское подразделение, сформированное в значительной мере из бывших пленников румынских солдат, внесло заметный вклад в разгром войск фашистской Германии.

²⁴² ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

²⁴³ Чалая Т.П. Румынские добровольцы в Красной Армии. 1943–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 139, 141.

²⁴⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 3. Л. 34, 48.

Судя по специальному сообщению, посланному из Рябово на имя наркома НКВД УАССР Ф. В. Баранова, известие о капитуляции гитлеровского государства и его вооруженных сил пленные встретили с радостью. 9 мая 1945 г. в лагере № 75 был объявлен выходным праздничным днем. Состоялся митинг. Пленные были поставлены в строй. Старшина лагеря, бывший военнослужащий вермахта Г. Кох командовал: «Смирно!». Перед строем выступил М. Н. Максютя. После его речи состоялся парад. Затем в лагере были организованы национальные танцы. Кроме того, состоялся футбольный матч между немецкой и румынской командами. После обеда во всех корпусах лагеря и в клубе снова начались танцы и продолжались до часу ночи²⁴⁵. Радость большинства пленных, кроме немногочисленных гитлеровских фанатиков, действительно, была неподдельной, поскольку они все, независимо от своих политических убеждений, понимали, что широкомасштабное кровопролитие, гибель множества людей, другие лишения в бессмысленной для Германии войне прекращены, и наступил долгожданный мир.

Антифашистская работа была достаточно развита и в лагере № 155, расположенном северо-западнее поселка Ува. В январе 1945 г. состоялось общее собрание контингента по вопросу трудовой дисциплины и задачам повышения производительности труда. Выступили 10 пленных, которые назвали фамилии тех, кто не желал добросовестно работать. В лагере распространялись экземпляры газеты «Свободная Германия». В течение первого месяца 1945 г. в рамках антифашистской работы при активном участии пленных было проведено три вечера самодеятельности, один концерт классической музыки, где артисты из числа представителей спецконтингента играли на скрипках, гитарах и других музыкальных инструментах.

Судя по воспоминаниям бывшего сотрудника лагеря № 155 Н. М. Стрижовой, военнопленные организовали хор, ставили пьесы. Костюмы для артистов шили они сами, поскольку имелись швейная, сапожная мастерские. Материал поступал через хозяйственную часть лагеря. В столярной мастерской

²⁴⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8. Л. 6 об., 7, 15 об., 26–26 об., 38, 47–47 об., 85–86 об., 88–88 об.

пленные изготавливали неплохую мебель. Среди них было немало специалистов, знающих свое дело.

В начале 1945 г. в лагерной библиотеке насчитывалось 5115 книг на различных языках. 239 пленными было прочитано 663 издания. Судя по отчетным документам руководства лагеря № 155, особенным спросом пользовались книги «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Жерминаль» Э. Золя, «Хлеб» А. Толстого, «Спартак» Р. Джованьоли, «Улица без солнца» С. Токунаги²⁴⁶.

Антифашистская работа, проводимая в лагере № 155, была довольно продуктивной. В июне 1944 г. 20 пленным с «17-го участка», изъявившим желание с оружием в руках выступить против гитлеровской армии, были зачислены в Чехословацкий добровольческий корпус под командованием Л. Свободы²⁴⁷. Такое стремление проявляли даже некоторые бывшие немецкие солдаты. На собрании, состоявшемся в феврале 1945 г., пленный К. Штабино, по профессии пекарь, заявил: «Было бы хорошо, если бы нам разрешили с оружием в руках бороться против Гитлера». Многие немцы, содержащиеся в лагере № 155, осознали бесчеловечную сущность нацизма. В июне 1945 г. в одной из бесед бывший солдат 314-й пехотной дивизии вермахта Г. Денц отметил: «Я был вплоть до самого падения Берлина там и видел, как хорошо относились красноармейцы к населению. По крайней мере не сравнить их с фашистскими паразитами, творившими зверства над мирными гражданами».

В июле 1945 г. в лагере № 155 находилось 1385 пленным. Из них 824 человека состояли в группе антифашистов. По утверждению руководства лагеря, которое содержится в одном из отчетных документов, большинство из них выделялись дисциплинированностью и хорошим отношением к работе.

Осенью 1945 г. пленные итальянцы, австрийцы, румыны и венгры отправили первые почтовые карточки на родину. В октябре в лагере были

²⁴⁶ РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 2. Л. 2.

²⁴⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 46. Л. 58 об.

проведены лекции и обсуждения следующих тем: «Развитие коллективизации и сельского хозяйства в СССР», «Кто был помощником Гитлера в Австрии»²⁴⁸.

Несмотря на то, что лагерь для военнопленных № 510 просуществовал меньше года, антифашистская работа в нем была развернута довольно широко. 27 января 1945 г. сюда поступила первая партия пленных. В течение февраля-марта среди них проводились доклады о положении на фронтах, о Крымской конференции. Кроме того, организовывались беседы по различным проблемам внешней политики, а также по истории СССР. В частности, рассматривались вопросы советской индустриализации, рассказывалось об обеспечении колхозами продовольственных нужд Красной Армии в период Великой Отечественной войны. Судя по отчету начальника Управления лагеря № 267/510 майора Дремова, среди пленных был сформирован антифашистский актив из 10 человек. К 10 апреля 1945 г. бывшими солдатами и офицерами армий гитлеровского блока было выпущено 8 номеров стенной газеты «Антифашист». Проводилась беседа на тему прав и обязанностей пленных в лагере. В марте бывшие иностранные военнослужащие подготовили доклады о Международном женском дне.

В течение апреля, кроме чтот газет, военнопленными было проведено три концерта художественной самодеятельности. Они приняли также участие в изучении гимна СССР, знакомились с политическим устройством Советского государства. Пленный румын Бутук, хорошо владевший русским языком, прочитал роман Л. Н. Толстого «Воскресение» и потом пересказывал его содержание своим соотечественникам. По лагерю транслировались музыкальные передачи через радиоприемник и усилитель.

Весной 1945 г. у пленных не было музыкальных инструментов. Поэтому репетиции готовящегося к Первомайскому празднику концерта пришлось проводить с использованием гитары и баяна, заимствованных у сотрудников Управления лагеря. Поначалу в лагере не хватало переводчиков, в результате их функции пришлось выполнять румыну Бутуку. Судя по отчету за проведенную в

²⁴⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 2. Л. 4 об., 14, 18, 22, 24.

мае антифашистскую работу, бывшие солдаты и офицеры вражеских армий активно интересовались государственным устройством Советского Союза. Поэтому руководство лагеря заказало соответствующие печатные материалы на их родных языках.

В июле-августе 1945 г. пленные в лагере № 510 посмотрели документальный фильм «Сталинград» и художественные киноленты «Новые похождения бравого солдата Швейка», «Подводная лодка Т-9». Организовывались занятия в антифашистском кружке. Одним из пленных был также зачитан доклад «Жизнь и положение в Германии в настоящее время». Среди бывших солдат и офицеров иностранных армий проводились также футбольные, волейбольные матчи. Вся агитационная и культмассовая работа была направлена на укрепление трудовой дисциплины, поднятие производительности труда, искоренение среди пленных нацистских, шовинистических взглядов²⁴⁹.

Однако нельзя считать, что мероприятия, направленные против фашистской идеологии, организовывались только в лагерях для военнопленных. Аналогичная работа активно проводилась и в медучреждениях, где лечили бывших вражеских военнослужащих. Данный факт подтверждается на примере спецгоспиталя № 3888, располагавшегося в г. Можга в период с 1943 по 1949 гг. Работа по искоренению пронацистских взглядов среди пленных достигла наибольшего размаха в последние месяцы функционирования этого медучреждения. 21 февраля 1949 г. в госпитале были организованы выборы антифашистского комитета. Из 556 содержащихся там в тот день пленных в голосовании приняли участие 554 человека. В итоге председателем антифашистского комитета спецгоспиталя № 3888 был избран бывший майор вермахта В. Рунге. За него проголосовали 486 человек. В. Рунге занял эту должность, несмотря на то, что до попадания в плен состоял в нацистской партии. Это же касалось еще 4 членов вновь избранного антифашистского комитета. Из вошедших в него 7 пленных только 2 никогда не находились в рядах НСДАП. С одной стороны, это выглядит нелогично, но с другой – данная тенденция говорит

²⁴⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–2, 4, 6 об., 7 об., 10–12, 15–17.

об определенных успехах антифашистской работы в госпитале, когда бывшие нацисты постепенно становились на позиции противников гитлеровской идеологии.

Одной из функций вновь избранного комитета было активное участие в организации различных массовых мероприятий, направленных на борьбу с рецидивами нацистского мировоззрения. В первом квартале 1949 г. в госпитале было проведено 2 антифашистских митинга. Пленные выпустили 11 номеров стенгазет, кроме того, активно посещали хоровые, драматические, оркестровые кружки. В течение первого квартала было поставлено 4 спектакля, организовано 18 концертов, проведено 6 киносеансов. Антифашистский актив пленных насчитывал 37 человек.

1 мая 1949 г. на территории спецгоспиталя состоялся праздничный митинг. На нем присутствовало 75 % пленных, находившихся на лечении. В эти майские дни члены антифашистского актива организовали 2 концерта²⁵⁰.

На последнем этапе существования госпиталя перед его сотрудниками стояла задача организационно и идеологически подготовить оставшихся военнопленных к репатриации и постараться убедить их в необходимости борьбы за единую демократическую Германию. В июне 1949 г. руководство этого медучреждения признало необходимым в антифашистской работе сделать акцент на приобретении иностранными пациентами правдивых знаний об СССР, а также на формировании у них твердого убеждения о необходимости мира без войн²⁵¹.

Летом 1949 г. в результате нескольких волн репатриации количество больных пленных достигло минимального уровня, и госпиталь был расформирован.

В 1948 г. активно организовывались агитационные мероприятия и в спецгоспитале № 3779, расположенном в г. Глазове. В начале января посредством тайного голосования были проведены выборы антифашистского комитета. В него вошло 7 пленных немцев. Позднее в этот орган были включены еще 2 человека –

²⁵⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 17. Л. 10–10 об., 14, 19, 28 об.

²⁵¹ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 69. Л. 27 об., 29 об.

венгр и румын, которые были выбраны своими соотечественниками. В госпитале проводились лекции на немецком языке на темы: «Политическое и экономическое состояние Германии», «Общее политическое положение в мире», «Социалистическая и частная собственность», «Положение в Венгрии, Румынии», «Плановое хозяйство», «Земельная реформа в Германии». Пациенты читали художественные книги на родных языках, статьи в антифашистских газетах. Пленные провели 63 концерта и спектакля. Ими были организованы также джаз-оркестр и драмкружок. Начиная с декабря 1947 г., военнопленные выпустили 13 номеров стенгазеты на немецком языке.

В спецгоспитале № 3779 бывшие военнослужащие армий противника посмотрели советские фильмы: «Новый дом», «Каменный цветок», «Первая перчатка», «Крейсер «Варяг» и другие. В 1948 г. руководство госпиталя, судя по его отчетам, провело ряд мероприятий, направленных «на укрепление товарищеских отношений между советским и немецким народами»²⁵².

Необходимо отметить, что регулярные антифашистские мероприятия в спецгоспиталях, размещенных в Удмуртии, начались несколько позднее, чем в лагерях. Это было обусловлено тем, что в этих медучреждениях находилось немало тяжелобольных, и часто лечебная работа здесь поглощала максимальное количество часов, почти не оставляя времени на что-то другое.

Жизнь и досуг военнопленных в лагерях и спецгоспиталях, расположенных на территории Удмуртии, были довольно насыщенными и разнообразными. Вполне удовлетворительные бытовые условия, трехразовое бесплатное питание, наличие собственных заработанных денег и свободного времени, заполняемого в том числе различной деятельностью по интересам, возможность без конвоя передвигаться по населенным пунктам, благожелательность части населения входили в серьезное противоречие с геббельсовской пропагандой. В этих условиях размывалось навязанное нацистами представление «об ужасах русского плена». В итоге антифашистские мероприятия, которые проводились среди бывших военнослужащих разгромленных армий, даже несмотря на сложности,

²⁵² ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 9. Л. 104.

встречавшиеся в ходе их организации, приносили руководству лагерей и госпиталей вполне удовлетворительные результаты.

Широкомасштабные досуговые мероприятия в лагерях и спецгоспиталях, развернутых на территории республики, позволили несколько облегчить психологически тяжелое, подавленное состояние представителей спецконтингента, возникшее у них в связи с крушением прежних идеалов, поражениями их армий, попаданием в плен и длительным существованием вдали от родины.

Если гитлеровская пропаганда пробуждала и активизировала у немецких солдат все отрицательные стороны их личности, то антифашистские мероприятия в советских лагерях для военнопленных, наоборот, нередко выявляли и стимулировали положительные черты характеров или способности бывших военнослужащих вермахта. На большинстве людей, служивших когда-то нацистам, не ставили крест, как на отпетых и неисправимых головорезах, а стремились, хотя это было не всегда возможно, пробудить в них человеческие качества.

В лагерях для спецконтингента, расположенных в Удмуртии, присутствовал необходимый минимум бытовых условий для жизни военнопленных: отапливаемые жилые помещения, где регулярно проводилась уборка, санитарная обработка, смена постельного белья, а также имелись столовые, пищеблоки, лазареты, санпропускники, амбулатории, бани, парикмахерские, прачечные, производственные мастерские для починки одежды и обуви, зимние клубы, киноаппаратура для демонстрации фильмов, радиоузлы, библиотеки, комнаты отдыха, продуктовые ларьки. Бывшие солдаты и офицеры разгромленных армий пользовались всеми этими относительными удобствами.

На вполне приемлемом уровне решалась задача снабжения военнопленных одеждой и обмундированием. В лагере № 155 брюки, френчи, гимнастерки, телогрейки, шапки и другие предметы гардероба бывших иностранных солдат и

офицеров имелись даже в избытке. По свидетельству Л. А. Пантюхина, одежда военнопленным поступала в основном из Красной Армии. Когда немецкие войска отступали, то нередко бросали склады с обмундированием. Сотрудники интендантской службы ставили трофейную одежду на учет и вывозили в советский тыл. Часть этого обмундирования поступала в пункты содержания пленным, в том числе и в те, которые были размещены в Удмуртии. В лагере № 155 бывшие военнослужащие иностранных армий получали и советское обмундирование. Л. А. Пантюхин отметил в своих воспоминаниях: «...Погибали наши солдаты, а зимой они носили валенки и ватные брюки, все это снималось. Одежда была в крови кое-где, ее стирали, чистили и выдавали военнопленным, у которых не было одежды. За одеждой следили очень строго. Не было простуженных пленным»²⁵³. При достаточном обеспечении бывших иностранных солдат и офицеров одеждой и обмундированием в некоторых лагерях, расположенных в Удмуртии, все же ощущалась определенная нехватка зимней обуви.

Проблему организации удовлетворительного снабжения и бытовых условий с каждым годом решать становилось все труднее, так как после Сталинградской битвы количество военнопленных только увеличивалось. К началу 1944 г. в республике находилось около 4 тыс. бывших военнослужащих армий противника. Во второй половине 1945 г. – свыше 15 тыс. иностранных пленным. Позднее их число в силу репатриационных процессов стало уменьшаться. К 1950 г. военнопленных в Удмуртии практически не осталось, за исключением тех, кто добровольно решил поселиться в республике по причине заключения браков с некоторыми представительницами местного населения. Крупнейшим лагерем для пленным являлся ижевский. В ноябре 1945 г. во всех его отделениях, дислоцировавшихся в г. Ижевске, в г. Воткинске и в районе пос. Лынга, находилось более 4 000 бывших иностранных военнослужащих различных национальностей.

Наибольшую часть спецконтингента, размещенного в Удмуртской АССР,

²⁵³ ЦГА УР. Р-1862. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

по понятным причинам составляли немцы. На второй позиции по количеству пленных оказались бывшие военнослужащие румынской армии, на третьей – венгры и австрийцы, которых в лагерях, отдельных рабочих батальонах и спецгоспиталях в разное время содержалось примерно поровну. На территории республики в пунктах пребывания бывших иностранных военнослужащих находились представители около 25 национальностей из более, чем 15 государств. Эти цифры говорят о том, что в 1941–1945 гг. с Советским Союзом воевали отнюдь не только армии Германии, Финляндии, Италии, Румынии, Венгрии. Против СССР выступили вооруженные силы и некоторых других стран. В свете этих фактов Победа Советского народа над гитлеровской Германией и ее союзниками предстает перед нами еще более значимой и масштабной.

Основную часть досуга представителей спецконтингента занимала широкоразвернутая антифашистская работа, которую в обязательном порядке организовывали сотрудники Управлений лагерей. Она формировалась из нескольких составляющих: агитационные и пропагандистские мероприятия, направленные на искоренение нацистской и шовинистической идеологии, а также кружки по интересам, концерты, конкурсы, спортивные соревнования. В свободное от работы время пленные смотрели иностранные и советские кинокартины, читали книги, слушали радиорепортажи, играли в футбол, волейбол, организовывали концерты и даже ходили на экскурсии в г. Ижевск.

Физический труд бывших военнослужащих армий гитлеровского альянса в месте содержания, либо на строительстве, в промышленности, сельском хозяйстве также рассматривался как часть антифашистской работы, способствующей их идеологической перековке.

Эффективность мероприятий, направленных на искоренение нацистских взглядов среди пленных, содержавшихся на территории Удмуртии, была на удовлетворительном уровне. Достаточно сказать, что в ряде случаев бывшие солдаты и офицеры армий противника после определенного периода пребывания в лагерях массово и совершенно искренне изъявляли желание с оружием в руках выступить против гитлеровских войск на советско-германском фронте и просили

руководство СССР разрешить им это сделать. Такие заявления поступали от румынских, венгерских и даже немецких военнопленных. В этом отношении особенно отличился спецконтингент лагеря № 75. В результате антифашистской работы, проводимой среди пленных, у них появился живой интерес к той стране, которая ранее считалась их заклятым врагом и противником. Самыми популярными в лагерях были кружки по изучению русского языка. Бывшие иностранные солдаты и офицеры активно интересовались историей СССР и его законами.

ГЛАВА 2. МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

§ 2.1. Спецгоспитали в УАССР

После разгрома немецких, румынских, итальянских войск под Сталинградом и на Дону многие тысячи пленных из армий гитлеровского блока в специальных эшелонах двинулись на восток, в глубь территории Советского Союза. Среди обезоруженных солдат и офицеров противника помимо раненых находилось немало страдавших алиментарной дистрофией, сыпным тифом, туберкулезом, бронхитом, плевритом, обморожениями и другими заболеваниями, полученными в окружении. Многие из них были в тяжелом состоянии. Возникла срочная необходимость организации дополнительных учреждений для лечения бывших иностранных военнослужащих. Аналогичные ситуации возникали в октябре 1944 г. и в июне 1945 г., когда в советском тылу резко увеличивалось число больных и раненых пленных. Поэтому проблема их медицинского обслуживания является одной из основополагающих при рассмотрении вопроса о жизнедеятельности обезоруженных солдат и офицеров противника как в масштабе всего СССР, так и Удмуртии.

На территории республики в период 1943–1945 гг. располагалось семь специальных учреждений для лечения военнопленных. Такие госпитали функционировали в г. Глазов и г. Можга, а также в пос. Ува, пос. Пудем и на ст. Областная, расположенной на железнодорожной ветке Ижевск–Кильмезь. Все перечисленные медицинские учреждения находились вблизи крупных станций. Таким образом учитывалась необходимость быстрой доставки больных или раненых в пункты для лечения. Еще одной общей чертой спецгоспиталей на территории республики являлось то, что все они до прибытия военнопленных специализировались на медобслуживании советских бойцов и командиров. Причем номер учреждения после перепрофилирования не менялся, а оставался прежним. Но при этом такие госпитали после прибытия пленных получали статус специализированных.

В этих учреждениях лечились не только бывшие солдаты, офицеры вермахта, войск СС. Встречались выступившие на стороне гитлеровской Германии уроженцы Австрии, Венгрии, Румынии, Италии, Финляндии, Чехословакии и некоторых других стран. После выздоровления их отправляли обратно в лагеря военнопленных, располагавшиеся как на территории Удмуртии, так и в других районах страны.

В июне 1943 г. нарком здравоохранения Удмуртской АССР В. Ципковский через местный аппарат НКВД получил из Москвы, от начальника Управления по делам военнопленных И. А. Петрова распоряжение повысить нормы питания пациентов спецгоспиталей до уровня продовольственного снабжения раненых бойцов и офицеров Красной Армии. Решение обосновывалось тем, что эта мера поможет обеспечить быстрое восстановление физического состояния военнопленных. Распоряжение обязывало заместителей начальников всех спецгоспиталей установить повседневный контроль за реализацией этих новых норм²⁵⁴. Таким образом, начиная с лета 1943 г., военнопленные, лечившиеся в особых медучреждениях как всего СССР, так и в Удмуртии, стали лучше питаться и получили возможность быстрее выздороветь. В частности, больные туберкулезом стали получать еду четыре раза в сутки²⁵⁵. Введение новых норм питания послужило средством для ускорения восстановления жизненных сил бывших солдат противника и более широкого использования их труда в тех отраслях хозяйства СССР, где не хватало рабочих рук. Кроме того, был полностью реализован пункт № 12 части III Положения о военнопленных, утвержденного 1 июля 1941 г. В нем, в частности, указывалось: «Военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых основаниях с военнослужащими Красной Армии»²⁵⁶.

Спецгоспитали, располагавшиеся в республике, выполняли свою роль, функционируя в системе Наркомата здравоохранения. Однако по понятным

²⁵⁴ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 18. Л. 102.

²⁵⁵ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 29. Л. 7.

²⁵⁶ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 66.

причинам пациенты находились под охраной конвоя, подотчетного НКВД СССР. По периметру таких госпиталей строился забор, протягивалось электрооборудование для освещения. Все это сочеталось с двумя смотровыми вышками, расположенными по диагонали. Там находились часовые. Таким образом, медицинская часть, а также все вопросы питания, быта и финансирования этих сторон жизни военнопленных находились в ведении Наркомздрава, а органы внутренних дел взяли на себя функции пресечения их побегов и оборудования охранной зоны. В приказе по Наркомату здравоохранения СССР, подписанном главой ведомства Г. А. Митеревым, говорилось: «...3. Госпитали для военнопленных остаются в системе Наркомздрава СССР и работают на общих основаниях.

4. Спецмероприятия по режиму и охране осуществляются органами НКВД СССР...»²⁵⁷.

Крупнейший и самый долговременный госпиталь для пленных на территории Удмуртии был развернут в г. Можге. Во всех официальных документах он числился под № 3888. В 1944 г. начальником этого медучреждения был капитан медицинской службы А. М. Кудрявцев, а должность заместителя по политической части занимал Х. Р. Зарайлян²⁵⁸. Н. В. Кузнецова возглавляла можгинский пункт для лечения пленных на последнем этапе его существования.

Судя по воспоминаниям бывшего врача госпиталя № 3888 Н. М. Стрижовой, в феврале 1943 г. поступил приказ эвакуировать раненых красноармейцев в другое медучреждение. Это было сделано быстро, буквально за сутки.

С самого начала своего существования спецгоспиталь № 3888 был рассчитан на 1 500 пациентов. Он располагался в трех кирпичных зданиях – в помещениях общеобразовательных школ № 4 и № 5, а также в корпусе акушерской школы (Приложение 9).

Первая партия военнопленных появилась в спецгоспитале 21 марта 1943 г.

²⁵⁷ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 18. Л. 11.

²⁵⁸ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 38. Л. 3.

В этот день на ст. Сюгинская прибыл эшелон с 401 военнопленным. Среди них раненых или пациентов с серьезными физическими травмами было немного. Основную часть всего спецконтингента составляли больные затяжной формой алиментарной дистрофии. Некоторые больные доставлялись в госпиталь на носилках, остальные добирались до него пешком. Большинство из них еще на фронте голодали, были истощены до предела. Многие находились в состоянии лихорадки, наступившей вследствие вспышки среди пленных сыпного тифа, страдали от тяжелых форм плеврита, бронхита, туберкулеза и обморожений. Спецконтингент прибыл в крайне антисанитарном состоянии и даже с помощью шестикратной санобработки не удалось избавить бывших солдат и офицеров вермахта от завшивленности²⁵⁹.

В акте от 18 мая 1943 г. о прибытии первого эшелона с пленными, поступившими в госпиталь № 3888, отмечалось следующее: «...военнопленные в момент погрузки и в пути следования находились в тяжелом состоянии; многие из следовавших умирали в пути. Также были смерти во время выгрузки эшелона и транспортировки больных в госпиталь. Всего с момента разгрузки эшелона до поступления в палаты умерло 44 чел. Военнопленные были крайне истощены, обессилены... Помимо поголовного истощения и бессилия часть военнопленных уже в момент разгрузки эшелона находились в лихорадящем состоянии...». Необходимо отметить, что первая партия военнопленных прибыла на ст. Сюгинская совершенно неожиданно для медперсонала спецгоспиталя, без предварительного извещения и информации об их количестве, о диагнозах болезней²⁶⁰.

4 апреля 1943 г. в спецгоспиталь № 3888 были дополнительно доставлены 305 военнопленных. 17 человек еще в поезде находились в состоянии агонии. Во второй партии военнопленных случаев сыпного тифа не оказалось – все они болели алиментарной дистрофией. 18 человек страдали от обморожений стоп 3 и

²⁵⁹ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 14. Л. 71, 72–74.

²⁶⁰ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов. Ижевск, 1995. С. 170.

4 степеней. Пациенты первых групп были размещены на двухъярусных нарах, снабженных матрасами, простынями, одеялами. Их переодели в госпитальное белье.

В период с 21 марта по 15 апреля из 706 прибывших пленных скончалось 390 человек²⁶¹. Спасая их жизни, врачи и медсестры подвергали себя смертельному риску. Неопытность в деле приема и санобработки значительного количества инфицированных военнопленных привела к тому, что с 29 марта из 14 врачей заболели 10, из 58 медсестер – 32, из 46 санитарок – 19 человек. Причем, заражение медперсонала произошло почти одновременно. В итоге, 1 врач, 1 санитарка и 2 медсестры скончались²⁶². К началу 1944 г. 83 человека из персонала спецгоспиталя заразились сыпным тифом²⁶³. Однако в дальнейшем после принятия решительных мер ситуация стабилизировалась, и заболеваемость медработников в таких масштабах уже не регистрировалась.

В 1944 г. процент смертности среди военнопленных в спецгоспитале № 3888 значительно снизился. Были найдены пути предотвращения летальных исходов и эффективного лечения типичных заболеваний. Персонал отработал прием пленных, прибывающих в эшелонах на ст. Сюгинская.

По свидетельству бывшего медработника Н. М. Стрижовой, в спецгоспитале иностранные пациенты были распределены по национальностям. В одной палате размещались немцы, в другой – румыны, в третьей – итальянцы, в четвертой – чехи. Врачи ежедневно производили обходы.

Многим представительницам медперсонала поначалу было трудно пересилить себя – лечить тех, кто стрелял в их мужей, братьев, сыновей. К тому же военнопленные в первое время вели себя очень недисциплинированно, часто не соблюдали никаких санитарных правил²⁶⁴. С какими чувствами трудились советские медработники в этом спецгоспитале, можно судить по воспоминаниям

²⁶¹ Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник документов. Ижевск, 1995. С. 171.

²⁶² ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 14. Л. 73.

²⁶³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3815. Л. 100.

²⁶⁴ Чумакова А.И. На перекрестке судеб. Ижевск, 2006. С. 106.

З. Г. Блиновой, у которой муж был тяжело ранен на фронте и скончался в 1941 г.: «...Я осталась вдовой в 25 лет с маленьким сыном. А выхаживать пришлось тех, кто убивал наших родных.

...Сначала я была врачом в палатах высшего комсостава войск СС. Я испытывала к ним чувства ненависти и презрения, но старалась свой врачебный долг выполнять честно. Эта работа отразилась на моем здоровье и психике, и я попросила начальника госпиталя перевести меня в другую палату. Меня назначили начальником противотуберкулезного отдела. Больных там было очень много... Внутри и снаружи спецхрана.

Несмотря на перегруженность в работе, в госпитале соблюдалась чистота и порядок... Больных кормили и лечили нормально. Персонал соблюдал приказ относиться к больным внимательно. Но отношения с пленными были натянутые... Мужья были на фронте, а на некоторых уже пришли «похоронки».

Многие больные были завшивленные, их приходилось тщательно обрабатывать, причем, с риском для собственной жизни. Некоторые наши работники не убереглись, заразились сыпным тифом... Я тоже заболела, лечащие врачи не надеялись на мое выздоровление, но я поправилась.

Вот в таких условиях приходилось нам работать. Я старалась подавлять в себе чувство злобы, но нашу отчужденность больные чувствовали, однажды один итальянец обратился ко мне:

- Докторина, почему вы такая угрюмая?
- Я ему обо всем рассказала...»²⁶⁵.

В связи с этим необходимо отметить, что в течение всего времени существования спецгоспиталя № 3888 среди части его персонала бытовало мнение о том, что военнопленных лечить не стоит²⁶⁶, слишком много бед и лишений причинили гитлеровцы Советскому Союзу и его населению.

Часть пациентов медучреждения после выздоровления переводилась в лагерь № 75. Это касалось только военнопленных рядового и младшего

²⁶⁵ Вичужанин А. Г. Можга. Городок над Сюгинкой-рекой. Ижевск, 2001. С. 194–195.

²⁶⁶ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 66. Л. 3 об.

начсостава. Бывшие офицеры союзных гитлеровцам армий, находившиеся в можгинском спецгоспитале, завершив курс лечения, отправлялись в лагерь № 160. Он размещался в г. Суздале, севернее Владимира. Немецкие военнопленные-офицеры переезжали из Можги на станцию Шониха, в лагерь № 74, который функционировал в районе населенного пункта Оранки Горьковской области. Покидая спецгоспиталь № 3888, выздоровевшие пациенты получали паек на весь путь следования до пункта назначения. Их одевали по сезону, используя обмундирование умерших военнопленных²⁶⁷.

Особенностью спецгоспиталя № 3888 являлось пребывание здесь офицеров и даже представителей высшего комсостава войск СС. Судя по воспоминаниям З. Г. Блиновой, они лечились здесь вплоть до закрытия медучреждения, и их отправили из Можги последними²⁶⁸. Одни эсэсовцы были впоследствии осуждены советскими следственными органами как военные преступники, а другие отправились на пункты репатриации и вскоре вернулись в Германию. Помимо военнопленных, состоявших в СС, в госпитале проходили медобслуживание старшие офицеры вермахта – подполковники Э. Оель, Г. Шенк, А. Шольц, Х Трапп, а также полковники Ф. Юрген, В. Писториус, Д. Марча. Последний из них являлся офицером венгерской армии²⁶⁹. Некоторые старшие офицеры после выздоровления отправлялись в лагерь № 371, располагавшийся в г. Ижевске. В частности, туда выехали Э. Оель и В. Писториус.

По положению на 21 декабря 1943 г. общее количество иностранных пациентов госпиталя, находившихся на довольствии, составляло 1199 человек. Питание больных пленных производилось по утвержденным в июне нормам. Приготовление блюд проходило на двух пищеблоках школ № 4 и № 5. Меню военнопленных нельзя было назвать скудным, в него входили мясной суп, котлеты, гуляш, каши, сливочное масло, выпечка²⁷⁰. В рационе пациентов

²⁶⁷ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 18. Л. 100.

²⁶⁸ Вичужанин А. Г. Указ. соч. С. 195.

²⁶⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 11. Л. 8 об., 17 об., 18, 20 об.

²⁷⁰ Цветухина М. Мы – вечная память друг друга // Известия Удмуртской Республики. 2003. 9 октября. С. 13.

присутствовал даже изюм²⁷¹. После сытного ужина пленные итальянцы пели хором лирические песни на своем языке. Персонал госпиталя с удовольствием их слушал²⁷². По утверждению Н. М. Стрижовой, обеспечение этого медучреждения медикаментами было бесперебойным, поэтому пленные не испытывали недостатка в лекарствах.

Все эти свидетельства позволяют утверждать, что указание снабжать лечившихся в госпиталях пленных по нормам раненых красноармейцев в г. Можге соблюдалось.

Медучреждение имело свое подсобное хозяйство, давшее в 1942 г. 21 тонну картофеля. Во время пребывания в Можге пленных оно продолжало функционировать.

Госпиталь № 3888 регулярно инспектировали специально сформированные медицинские комиссии. В период с 14 по 16 мая 1943 г. состоялось первое обследование. Комиссия установила, что больные одеты в чистое белье, состояние палат, коридоров и вещевых складов удовлетворительное. Согласно нормам Наркомата обороны горячая пища выдавалась больным три раза в сутки и готовилась доброкачественно. Медикаментозное снабжение в этот период находилось также на должном уровне²⁷³. За санитарным состоянием и порядком палат следили специально выделенные из числа больных «старшины». К лечению иностранных пациентов был привлечен один военнопленный, врач по профессии.

В 1943 г. спецгоспиталь не избежал проблем, связанных с недоработками медперсонала. 15 июня комиссией под руководством наркома здравоохранения УАССР В. Ципковского было установлено, что палаты переполнены пациентами, не производится их сортировка по заболеваниям, в помещениях отсутствует чистота, проблема с педикулезом среди военнопленных до конца не решена. Кроме того, протекала крыша, палаты не проветривались. Комиссия обязала медперсонал ликвидировать все обнаруженные недостатки в кратчайший срок²⁷⁴.

²⁷¹ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 64. Л. 22.

²⁷² Цветухина М. Указ. соч. С. 13.

²⁷³ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 14. Л. 71–72.

²⁷⁴ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 18. Л. 112.

19-20 января 1944 г. состоялось очередное обследование спецгоспиталя. В отчете проводившей инспектирование комиссии сообщалось, что на тот момент там проходили медобслуживание 1032 военнопленных. Больные размещались на двухъярусных нарах, а страдающие туберкулезом — на койках и топчанах. Комиссия при этом зафиксировала наличие в госпитале 138 выздоровевших пациентов. При проверке признаков завшивленности не было обнаружено. Представители комиссии выяснили, что пациенты моются регулярно 1 раз в десять дней. Судя по этому же отчету, туберкулезные больные получали ежедневно настой шиповника, питались 4 раза в сутки. Прочие пациенты потребляли пищу 3 раза в день, выпивая дополнительно настой хвои. Однако при этом в данном медучреждении были отмечены отсутствие электрического освещения, нехватка белья, низкая температура в палатах²⁷⁵.

В апреле 1944 г. при новом обследовании госпиталя было отмечено прибытие 328 больных военнопленных из лагеря № 58, располагавшегося в Мордовии, в г. Темников²⁷⁶. В этой партии 52 человека оказались здоровыми. Медики из инспектирующей комиссии определили их подлежащими отправке в оздоровительную команду при лагере²⁷⁷. Не исключено, таким образом, что некоторые военнопленные симулировали и, прикинувшись больными, пытались избежать работы, которой им приходилось заниматься в местах содержания. Но надежды освободиться от трудовых обязанностей в Можге не всегда оправдывались. Дело в том, что пациентам, состояние которых уже было близко к полному выздоровлению, а также вылеченным пленным, задержавшимся по разным причинам в спецгоспитале, давали задание заготавливать дрова, а также выполнять земляные работы. В частности, эти иностранцы вместе с вольнонаемными работниками участвовали в подготовке котлована для местного пруда²⁷⁸.

Однако строительством водоема и заготовкой дров трудовая деятельность

²⁷⁵ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 29. Л. 7–7 об.

²⁷⁶ Венгерские военнопленные в СССР. С. 281.

²⁷⁷ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 29. Л. 26.

²⁷⁸ Цветухина М. Указ. соч. С. 13.

пленных, находившихся в Можге, не ограничивалась. Некоторые из пациентов госпиталя № 3888 в часы досуга занимались изготовлением различных предметов обихода. Например, один из пленных немцев выточил из дерева шкатулку. На боковой ее стороне можно увидеть скачущего оленя, а на крышке – избу, колодец, людей, пасущих гусей. Этот сюжет наверняка был навеян полудеревенским образом жизни можгинцев. В населенном пункте тогда было немало таких деревянных изб. Эту шкатулку пленный немец подарил сотруднику охраны спецгоспиталя А. И. Корсукову (Приложение 11).

Другой пациент – бывший итальянский военнослужащий Д. Фарабеголи изготовил деревянные плечики для одежды и по-русски написал на них свои имя и фамилию. В настоящее время этот предмет обихода как экспонат хранится в можгинском музее «Набат памяти».

2 февраля 1945 г. в ходе партсобрания коллектива спецгоспиталя № 3888 было отмечено, что в течение последних месяцев медицинская работа значительно улучшилась. Поднялось качество лечения. Истории болезней лучше отражали проводимую врачами работу. Более приемлемым стало санитарное состояние палат. При этом на собрании было заявлено о затягивании сроков пребывания пациентов в госпитале. Вылеченные пленные отправлялись в лагеря с задержкой.

Интересен факт проводимой среди врачей госпиталя № 3888 научно-исследовательской работы, построенной на основе использования накопленного опыта по лечению иностранных пациентов, с привлечением новейшей на тот момент времени медицинской литературы²⁷⁹.

После окончания Великой Отечественной войны некоторая часть выздоровевших пленных в ходе процесса репатриации отбывала из госпиталя № 3888 на родину. В пути их сопровождали сотрудники медучреждения. Так, в 1946 г. вместе с пленными в Германию, в г. Франкфурт-на-Одере, выезжала медицинская сестра спецгоспиталя № 3888 В. Прозорова. Судя по воспоминаниям очевидцев, в этой поездке бывшие пациенты были спокойны и очень радовались

²⁷⁹ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–6.

возвращению домой. В Германии эшелон с репатрированными пленными приняли хорошо, сотрудников персонала спецгоспиталя № 3888 поблагодарили за работу. Однако на улицы Франкфурта советские сопровождающие не вышли, поскольку недостаточно хорошо знали немецкий язык, да и гарантий безопасности для них в то время еще никто не мог дать²⁸⁰.

При отправке пленных из спецгоспиталя № 3888 на их родину не обходилось без чрезвычайных происшествий. 5 ноября 1945 г. из эшелона с репатрируемыми, который должен был отбыть со ст. Сюгинская, исчез бывший румынский солдат И. Рарих 1910 года рождения. Через 12 дней он был найден в д. Чебершур. Выяснилось, что 16 ноября, в 8 часов вечера, он пришел на квартиру к жительнице этого населенного пункта Ф. Сорокиной. Ничего не говоря, Рарих разделся и лег спать. Женщина была сильно напугана и шокирована как бесцеремонностью этого визита, так и загадочным поведением нежданного гостя. Она принялась будить мужчину, но тот продолжал спать. На следующий день пленный был задержан и доставлен в спецгоспиталь № 3888. Оказалось, что причиной столь странных поступков этого бывшего румынского солдата была шизофрения. В результате, И. Рариха отправили в сарданскую психиатрическую лечебницу²⁸¹. Этот случай был нетипичным и из ряда вон выходящим, поскольку побег пленного при репатриации во многих случаях противоречил здравому смыслу.

При этом не всех вылеченных представителей спецконтингента сразу же возвращали на родину. После мая 1945 г. руководство госпиталя № 3888 своей главной задачей считало быстрое восстановление физического состояния пленных для того, чтобы можно было их оперативно отправлять в лагеря для работы, способствуя, тем самым, выполнению пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Однако не всегда удавалось лечить иностранных пациентов без длительных задержек. В январе 1948 г. в здании школы № 4, где располагался спецгоспиталь,

²⁸⁰ Цветухина М. Указ. соч. С. 13.

²⁸¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 4. Л. 20.

затянулся ремонт из-за недостатка стройматериалов. В помещениях этого медучреждения было сыро и холодно, что не могло отразиться благоприятным образом на состоянии пациентов. В результате процесс лечения пленных был задержан.

В апреле того же года со всей очевидностью дали о себе знать еще несколько проблем, на которые было обращено внимание на одном из партийных собраний сотрудников медучреждения. В спецгоспитале не хватало врачей. В результате, не было возможности должным образом контролировать работу медперсонала из числа самих пленных. В указанный период в госпитале не существовало рентгеновского кабинета. Лечение больных дистрофией сводилось в основном к улучшенному питанию без достаточного применения необходимых медикаментов. На медобслуживании военнопленных отрицательно сказывалась скученность в палатах, нерегулярное их отопление, недостаточность проведения занятий по физической гимнастике. Однако, несмотря на трудности объективного порядка, к лечению бывших иностранных солдат и офицеров сотрудники госпиталя старались подходить ответственно и стремились постоянно улучшать уровень лечения.

После окончания Великой Отечественной войны среди пациентов по-прежнему было немало тех, кто стремился подольше задержаться в Можге и не попасть в лагерь на работу. На одном из партсобраний было отмечено, что некоторые пленные предназначенную им еду передают другим, тем самым, стремясь затянуть свое лечение. В связи с этим, медперсонал принял решение просить руководство МВД УАССР с целью сокращения количества пациентов в госпитале ускорить отправку выздоровевших пленных из Можги в лагерь, а также провести дополнительную репатриацию хронически больных, инвалидов и всех остальных длительно болеющих. Кроме того, руководящий состав госпиталя призвал его сотрудников принять максимум возможного в отношении

организации 5-разового питания дистрофиков. Возникла необходимость проведения индивидуального питания тяжелобольных²⁸².

В сентябре 1948 г. был расформирован лагерь № 371, располагавшийся в Ижевске, и можгинский спецгоспиталь остался единственным местом в Удмуртии, где находились бывшие иностранные солдаты и офицеры. В связи с этим данное лечебное учреждение и его партийная организация были переданы в ведение Отдела по делам военнопленных МВД Татарской АССР. В этой республике спецконтингент еще содержался в значительном количестве²⁸³.

В 1949 г. в можгинском спецгоспитале военнопленные лечились вместе с интернированными. По состоянию на 1 января там проходили медобслуживание 445 бывших военнослужащих разгромленных армий. В течение первого квартала 1949 г. из этого медучреждения в лагерь № 119, располагавшийся в г. Зеленодольске Татарской АССР, было отправлено 93 пленных. Таким образом, к 1 апреля 1949 г. в Можге оставалось еще свыше трех сотен бывших военнослужащих разгромленных армий. Причем в течение первого квартала в медучреждении смертей не было зарегистрировано²⁸⁴.

1 июня 1949 г. начался процесс расформирования спецгоспиталя № 3888²⁸⁵. В эти дни в Можгу прибыл министр здравоохранения УАССР Н. Ф. Рупасов и поблагодарил всех работников медучреждения за добросовестный труд²⁸⁶. По свидетельству Н. М. Стрижовой, всех сотрудников госпиталя наградили грамотами и премировали месячным окладом.

Таким образом, бывшие военнослужащие армий гитлеровской коалиции лечились в этом медицинском учреждении с марта 1943-го до второй половины 1949 г. Факт наибольшей долговременности госпиталя обусловлен двумя причинами. Город Можга и ст. Сюгинская были расположены на важнейшей железнодорожной магистрали, соединяющей европейскую часть страны с Уралом

²⁸² ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 69. Л. 2 об., 4, 19–19 об., 20.

²⁸³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5062. Л. 81.

²⁸⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 17. Л. 18.

²⁸⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 396. Л. 60.

²⁸⁶ Вичужанин А.Г. Указ. соч. С. 195.

и Сибирью. В этот госпиталь можно было перевести больных и раненых военнопленных как с фронта, так и из многих лагерей, расположенных в глубоком тылу. Выздоровевших пациентов без особых затруднений отправляли в пункты содержания спецконтингента, расположенные на территории, в основном, европейской части страны. Вторая причина заключалась в том, что данный спецгоспиталь в отличие от некоторых других учреждений подобного рода базировался в очень неплохих для того времени условиях – в трех кирпичных корпусах общеобразовательных и акушерской школ, которые отапливались голландскими печами. Медучреждение фактически располагалось в лучших помещениях, имевшихся тогда в г. Можге²⁸⁷.

В этом же райцентре непродолжительное время существовал еще один спецгоспиталь – № 5880. В конце 1944 г. сюда поступила первая партия военнопленных. Однако в период с января по октябрь 1945 г. в госпитале находилось небольшое количество пациентов, и одной из комиссий был отмечен факт его неполной загруженности больными²⁸⁸.

В течение 1943–1949 гг. в 6 км. к востоку от ст. Сюгинская, в 25 м. севернее полотна железной дороги Москва–Свердловск²⁸⁹, на специально выделенном участке было захоронено по одним данным 1958, по другим – 2080 военнопленных, скончавшихся в спецгоспиталях № 3888 и № 5880. Причем, в 1943 г. примерно 700–800²⁹⁰ человек были погребены в общих могилах. В число захороненных входят и те бывшие иностранные военнослужащие, которые скончались еще в эшелонах, на пути в этот районный центр.

Второе лечебное учреждение для пленных, возникшее в Удмуртии в 1943 г., размещалось в пос. Ува. Там, главным образом, проходили медобслуживание пациенты, прибывшие из Рябовского лагеря. Спецгоспиталь № 2646 базировался в деревянном здании общеобразовательной школы, располагавшейся недалеко от железнодорожной линии. Он просуществовал в республике недолго. В марте

²⁸⁷ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.

²⁸⁸ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 161. Л. 40.

²⁸⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 396. Л. 7.

²⁹⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 51–51 об, 57.

1944 г. персонал госпиталя покинул пределы Удмуртии и передислоцировался в район действия войск 3-го Белорусского фронта, в село Уваровичи²⁹¹. Должность начальника спецгоспиталя занимал Н. С. Мещеряков.

Когда это медучреждение базировалось в пос. Ува, среди его иностранных пациентов почти не было раненых. Военнопленные поступали сюда в основном больные гнойным плевритом, дистрофией, туберкулезом. Советским медработникам оказывал содействие военнопленный врач-немец, который неплохо разговаривал по-русски²⁹².

В 1944 г. количество спецгоспиталей в Удмуртии резко возросло. Причиной тому послужило распоряжение заместителя председателя Советского правительства К. Е. Ворошилова от 7 октября, в котором говорится: «Обязать Наркомздрав СССР (т. Митерева) дополнительно выделить эвакогоспитали на 20 000 коек для размещения раненых и больных военнопленных согласно приложению.

В выделенных эвакогоспиталях обеспечить размещение 35 000 раненых и больных военнопленных, вывозимых из пределов фронтового тыла». В списке, прилагаемом к данному распоряжению, числятся пункты лечения советских солдат и офицеров, развернутые в Удмуртии. Среди них значится упомянутое выше медучреждение № 5880, располагавшееся в Можге. Кроме него в списке указаны госпитали № 5122 (ст. Областная), № 5879 (пос. Пудем), № 5882 и № 3779 (г. Глазов). Два последних пункта медобслуживания являлись крупнейшими из перечисленных. В октябре 1944 г. каждый из них имел по 875 коек²⁹³. В короткий срок советские раненые и больные военнослужащие были переведены в другие госпитали. Таким образом были подготовлены новые помещения для лечения пленных.

Спецгоспиталь № 3779, развернутый в Глазове, медицинская комиссия обследовала в октябре 1944 г. Здание для этого медучреждения находилось на

²⁹¹ Чумакова А. И. На перекрестке судеб. Ижевск, 2006. С. 247.

²⁹² Там же. С. 69.

²⁹³ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 63. Л. 296–297.

стыке улиц Кирова и Маркса (Приложение 10). Здесь планировалось разместить 1 000 военнопленных. Советских раненых эвакуировали, а госпиталь, расположившийся в кирпичном здании бывшей женской гимназии, решили обнести забором высотой 2,75 метра, обеспечить освещение, построить входные ворота, контрольно-проходную будку и две смотровые вышки.

В период 19–22 октября того же года такой же специальной комиссией, включавшей медработников и офицера НКВД, было проведено обследование госпиталя № 5882, расположенного на углу улиц Сибирской и Маркса. Здесь также планировалось разместить 1 000 военнопленных.

6 ноября 1944 г. на ст. Глазов прибыл эшелон со спецконтингентом. 8 ноября госпитали № 5882 и № 3779 начали прием пленных. Врачи при этом отмечали большую завшивленность бывших солдат из армий гитлеровского альянса²⁹⁴. Во второй половине ноября 1944 г. в 3-м отделении госпиталя № 5882 среди пленных вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Всему персоналу медучреждения было предписано в течение 22-30 ноября провести прививку против этого заболевания²⁹⁵.

Спецгоспитали № 3779 и № 5882 имели подсобные хозяйства. В начале апреля 1945 г. этим медучреждениям в районе д. Ваебыж, расположенного западнее Глазова, были выделены дополнительные участки площадью соответственно 3 и 2 гектара²⁹⁶. Часть этих земель была предназначена под индивидуальные огороды. В апреле 1945 г. 30 вольнонаемных сотрудников спецгоспиталя № 5882 записались обрабатывать участки²⁹⁷.

Среди военнопленных, оказавшихся в Глазове, были врачи, даже стоматологи и студенты-медики. Все они привлекались к лечению своих соотечественников. Этим иностранным специалистам пришлось ездить за недостающим медицинским инструментом в г. Ижевск. В ряде случаев немцы-врачи проводили операции, а медсестры из вольнонаемного персонала им

²⁹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 29. Л. 50–51, 55, 80.

²⁹⁵ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 15. Л. 33 об. – 34 об.

²⁹⁶ Архивное управление администрации МО «Город Глазов». Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 164. Л. 50.

²⁹⁷ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 15. Л. 54.

ассистировали. Ближе к концу войны иностранных пациентов, среди которых, кроме граждан Германии, были австрийцы, итальянцы, румыны, венгры, расконвоировали. Они без охраны покидали пределы спецгоспиталя. Военнопленными был организован в Глазове духовой оркестр. Иностранные музыканты по приглашению посетили городской концерт и выступили на нем, добравшись на место назначения без конвоя.

Военнопленные, проходившие лечение в госпитале № 3779, часть работ по его обслуживанию выполняли сами. Доставляли в бочке воду с реки, заготавливали дрова на зиму. В частности, в двадцатых числах января 1948 г. в лесу на заготовке древесного топлива работали 18 пленных²⁹⁸. Кроме того, они в сопровождении конвоя отвозили умерших из спецгоспиталя на кладбище²⁹⁹. Некоторых военнопленных из этого медучреждения снаряжали в колхоз для уборки урожая.

В деятельности сотрудников спецгоспиталя № 3779 случались казусы, связанные с бывшими вражескими солдатами, находившимися на излечении. В конце 1946 г. один из работников медучреждения отправился в командировку в д. Нижняя Богатырка. Вместе с ним в качестве помощников туда выехали и выздоравливающие иностранные пациенты, физическое состояние которых не вызывало у врачей опасений. После прибытия в пункт назначения сотрудник госпиталя перестал опекать военнопленных, которые, оказавшись без всякого контроля, начали воровать у местного населения картофель и продавать дрова.

В пос. Факел с иностранными пациентами из госпиталя № 3779 произошел анекдотичный случай. Во главе с одним из сотрудников медучреждения пленные отправились на автомашине в этот населенный пункт за оконным стеклом. Когда работник госпиталя перестал за ними наблюдать, бывшие солдаты вермахта начали употреблять горячительный напиток и, опьянев, стали плясать, громко петь немецкие песни. На собраниях коллектива госпиталя отмечались другие

²⁹⁸ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 9. Л. 56.

²⁹⁹ Грудина Е.А. Эвакогоспитали города Глазова // В едином строю. Очерки. Ижевск, 2015. С. 92.

факты недостаточного контроля за деятельностью и поведением иностранных пациентов, которые даже пытались через третьих лиц продавать выданное им мыло на местном рынке.

Зимой 1946–1947 гг. пленным был доверен уход за лошадьми, которые имелись в подсобном хозяйстве глазовского госпиталя № 3779. Бывшие военнослужащие разгромленных армий с поставленной задачей не справились. Животные находились в неудовлетворительном состоянии. Это произошло, в том числе, из-за того, что военнопленные кормили их стылым сеном.

Медобслуживание пациентов в госпитале № 3779 было на удовлетворительном уровне. В течение 1947 г. его сотрудники вылечили и возвратили в лагеря для работ в народном хозяйстве 22 % всего контингента пленных, находившихся в данном учреждении. В период 1947–1948 гг. было восстановлено физическое состояние у 40 % больных. Из этого количества отправились в лагеря 30 %, а остальные 10 % уехали на родину в Германию. Позднее были репатриированы и остальные пациенты. В конце июня - начале июля 1948 г. проводилась инвентаризация имущества спецгоспиталя № 3779. Некоторое время спустя медучреждение было расформировано³⁰⁰.

Схожей была жизнь иностранных пациентов в спецгоспитале № 5882. После выздоровления военнопленных отправляли в лагерь № 510, располагавшийся в районе д. Дзякино. Путь вылечившихся офицеров лежал на станцию г. Владимира. Отсюда их доставляли в специализированный лагерь № 160³⁰¹ для командного состава, размещенный в г. Суздале.

На расстоянии 1 км. к юго-востоку от д. Сыга, 2,5 км. юго-западнее Глазова находилось специальное кладбище³⁰², где было захоронено 273 военнопленных, умерших в двух госпиталях, размещавшихся в указанном городе³⁰³.

Несмотря на проблемы и трудности, сотрудники медперсонала этих медучреждений для лечения иностранных пациентов выполняли свои

³⁰⁰ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 20 об, 21, 22, 77, 88, 120.

³⁰¹ Грудина Е.А. Указ. соч. С. 92.

³⁰² РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 395. Л. 5.

³⁰³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 57.

обязанности добросовестно. В конце 1945 г. 20 вольнонаемных работников спецгоспиталя № 3779 получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»³⁰⁴.

Еще одно медучреждение для лечения пленных было развернуто на ст. Областная Нылгинского района. Функционирование специализированного госпиталя недалеко от этого населенного пункта объяснялось тем, что она лежала на железной дороге Ижевск – Кильмезь, и туда можно было оперативно доставить пленнх на лечение как из Рябово, Увы, так и из ижевского лагеря. В октябре 1944 г. на ст. Областная, а точнее в небольшом поселке Соцгородок, находившемся на 1,5 километра южнее, побывала специальная комиссия. Она обследовала здание госпиталя № 5122 на предмет размещения здесь больных пленнх³⁰⁵. Врачи дали удовлетворительную оценку. С ноября 1944 г. в госпиталь, развернутый в помещениях местной школы, начали прибывать военнопленные. Они поступали в тяжелом состоянии, с запущенными болезнями, поэтому уровень смертности был значительным.

В марте 1945 г., несмотря на пребывание в Областной бывших солдат противника, в госпитале еще отсутствовала охранная зона. Конвой был малочисленным. Однако к августу 1946 г. эти проблемы разрешились. Появилась охранная зона, состав конвоя и вахтеров был полностью укомплектован³⁰⁶.

В спецгоспитале № 5122, кроме немцев, проходили лечение словаки, румыны, итальянцы. В августе 1945 г. здесь находилось на лечении 110 военнопленнх³⁰⁷.

Е.И. Веретенникова являлась одним из медработников госпиталя. Судя по ее воспоминаниям, однажды немец Новак (*возможно, австриец или чех. – Д.П.*), 1924 г. рождения, обратился к ней: «Сестра Лиза, нам Гитлер обещал земли русской. Я эту землю получу – 2 метра глубиной». Пленный оказался прав. Положение Новака было безнадежно: двухсторонний гнойный плеврит. Он

³⁰⁴ Архивное управление администрации МО «Город Глазов». Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 164. Л. 185.

³⁰⁵ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 29. Л. 79.

³⁰⁶ ЦДНИ УР. Ф. 301. Оп. 1. Д. 70. Л. 41, 90 об.

³⁰⁷ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 48. Л. 222 об.

похоронен на местном кладбище военнопленных³⁰⁸, которое располагалось вдоль узкоколейной железной дороги к юго-западу от Областной. В общей сложности там погребено 69³⁰⁹ умерших пациентов спецгоспиталя № 5122.

Это медучреждение было расформировано в декабре 1946 г.³¹⁰ Сотрудники персонала госпиталя поступили в распоряжение отдела кадров Министерства здравоохранения УАССР. Военнопленных перевезли в другие госпитали, в лагеря или отправили на родину.

В октябре 1944 г. на северо-западе республики, в пос. Пудем, появился еще один пункт для лечения бывших иностранных солдат. По рекомендации специальной комиссии, обследовавшей госпиталь № 5879, располагавшийся в трех одноэтажных зданиях местной школы, здесь предполагалось разместить 600 больных военнопленных³¹¹. Они прибыли сюда осенью 1944 г. После выздоровления некоторых пленных направляли на работу в артель «Металлург»³¹² (позднее Пудемский листопрокатный завод). 35³¹³ иностранных пациентов от тяжелых болезней так и не смогли оправиться, на родину не вернулись и были захоронены на специальном кладбище, размещавшемся в 500 м. восточнее пос. Пудем, с правой стороны дороги на д. Казаково³¹⁴. В 1946 г. этот спецгоспиталь расформировали, а учащиеся вернулись в свою школу³¹⁵.

Фактические цифры военнопленных, проходивших медобслуживание в Удмуртии, не вполне совпадали с планируемыми ранее. В ноябре 1944 г. в можгинских госпиталях № 3888 и № 5880 находилось соответственно 1 500 и 450 больных. В поселке Соцгородок, располагавшемся южнее станции Областная, лечилось 220 пленных. В пудемском спецгоспитале содержалось 300 бывших военнослужащих армий противника. В Глазове в это время лечились 870

³⁰⁸ Чумакова А.И. Указ. соч. С. 72.

³⁰⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 60.

³¹⁰ Чумакова А.И. Указ. соч. С. 70.

³¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 29. Л. 52.

³¹² Байбородова М. Н., Томилова Р. П. Пудем: из века в век, из года в год (исторический очерк). Пудем, 2009. С. 48.

³¹³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 60.

³¹⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 398. Л. 5, 10.

³¹⁵ Чумакова А. И. Указ. соч. С. 78–79.

пленных. В спецгоспиталях № 3779 и № 5882 находились 570 и 300 человек соответственно³¹⁶.

Подавляющее количество пациентов, обслуживавшихся в спецгоспиталях Удмуртии, составляли больные, страдавшие, в основном, алиментарной дистрофией, бронхитом, плевритом, туберкулезом, педикулезом, пеллагрой, обморожениями. Среди бывших иностранных солдат случались и вспышки заболевания сыпным тифом.

Благодаря лечению, находившемуся на удовлетворительном уровне, постепенно число военнопленных в спецгоспиталях уменьшалось. Выздоровевших пациентов отправляли обратно в лагеря или репатриировали на их родину.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны отпала необходимость в функционировании в Удмуртии шести медучреждений для военнопленных. Центральная ликвидационная комиссия отдела эвакогоспиталей Наркомата здравоохранения УАССР в конце декабря 1945 г. расформировала госпитали № 5882, № 5880³¹⁷. Незадолго до этого военнопленных из Глазова отправили специальным эшеленом на запад. Их путь лежал в Берлин, на распределительный пункт³¹⁸. После расформирования госпиталя № 5880 часть его имущества была передана специализированному медучреждению № 3888.

В начале 1948 г. на территории республики работали лишь два пункта для лечения пленных – можгинский и глазовский (№ 3779). К 1949 г. только спецгоспиталь № 3888 продолжал функционировать, так как находился в наилучших условиях и в очень удобной для приема больных географической точке.

Руководство Наркомата здравоохранения Удмуртской АССР было обеспокоено тем, что многие пленные, поступавшие в спецгоспитали республики, страдали от различных инфекционных заболеваний – брюшной и сыпной тиф,

³¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 2. Д. 26. Л. 270.

³¹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 161. Л. 40–41, 43–44.

³¹⁸ Грудина Е. А. Указ. соч. С. 92.

дизентерия и др. Поэтому они представляли немалую опасность для гражданского населения. В связи с этим в июне 1945 г. нарком здравоохранения республики Н. Ф. Рупасов в письме секретарю Удмуртского обкома ВКП(б) А. П. Чекинову предложил перевести спецгоспитали из г. Глазова в менее населенные пункты – ст. Чепца и ст. Яр, а крупнейшее медучреждение для пленных № 3888 перебросить из г. Можги на ст. Кизнер и ст. Камбарка³¹⁹. Однако это просьба не была удовлетворена.

В процессе лечения военнопленных медикам Удмуртии пришлось проделать очень большую работу. В 1943 г. смертность бывших иностранных солдат, прибывших в можгинский спецгоспиталь, была высокой. Это объяснялось запущенностью заболеваний, полученных пленными в фронтовых условиях, и недостаточной готовностью сотрудников медучреждения в тех экстремальных обстоятельствах к обслуживанию такого большого количества иностранных пациентов. Однако впоследствии ситуация постепенно стабилизировалась. Вновь открытые медучреждения для лечения бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока использовали опыт крупнейшего можгинского спецгоспиталя и сумели значительно снизить уровень смертности, повысить показатели эффективности лечебных процедур.

Неплохие результаты медобслуживания пленных явились, в том числе, итогом работы комиссий Наркомздрава УАССР, которые регулярно осуществляли проверку условий лечения представителей спецконтингента.

§ 2.2. Медико-санитарное обеспечение в лагерях

Помимо госпиталей, пленные лечились в лазаретах, которые были развернуты во всех лагерях для бывших вражеских солдат. В этих медицинских учреждениях, как правило, находились иностранные пациенты, состояние которых не позволяло опасаться летального исхода. Каждый из лазаретов имел постоянный медперсонал, состоявший из советских граждан. Но нередко к

³¹⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4159. Л. 62.

лечению своих соотечественников привлекались врачи или санитары из числа военнопленных. Как правило, это происходило в тех случаях, когда нагрузка на вольнонаемный персонал была значительной, и он с трудом справлялся со вмененными ему обязанностями. Медработников из числа пленных периодически перебрасывали из одного лагеря в другой, чтобы восполнить там недостаток кадров. Например, в апреле 1945 г. двух иностранных военных врачей и столько же фельдшеров отправили из Рябово в лазарет недавно сформированного на тот момент лагеря № 510. Это были немецкие лейтенанты Г. Гюнтер, К. Пфайффер, унтер-офицер Я. Швиндлинг и румынский сержант Г. Опря. Пленные медработники отправились в район дзякинских торфоразработок в пассажирском поезде, но под конвоем³²⁰.

Однако не всегда участие немецких врачей в лечении соотечественников было добросовестным. Судя по воспоминаниям Н. М. Стрижовой, в лагере № 155 в 1943 г. находилось трое пленных медиков. Один из них до войны даже имел собственную клинику в Берлине. Эти пленные врачи как офицеры на работу не выводились. У них были денщики, которые их обслуживали, принося им еду, воду для умывания и т.д. В данном случае реализовывались на практике соответствующие пункты Положения о военнопленных, принятого Советским правительством в июле 1941 г. Этот документ давал право пленным офицерам не трудиться и иметь денщиков. Однако в 1944 г. эти трое немецких врачей начали по собственному желанию работать в лагере по своей основной специальности. В частности, в их обязанности входило распределение медикаментов среди пленных. По свидетельству Н. М. Стрижовой, один из немецких врачей старался выдавать лекарства, которые не помогали, а иногда даже вредили здоровью его больных соотечественников. По ее утверждению, таким образом этот пленный пытался дискредитировать советских медиков, работавших в лагере № 155, и убедить всех в их низкой квалификации.

Однако некоторые другие представители спецконтингента были иного мнения о врачах и санитарях, трудившихся в лазаретах. Бывший солдат

³²⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 2. Л. 29–30.

хортистской армии венгр Ф. Пост в своем отзыве от 21 июля 1943 г. написал о лечении в лагере № 75 следующее: «20 апреля 1942 года меня захватил в плен разведывательный отряд русских. Он со мной очень хорошо обращался. Что у них самих было, то они давали. До того, как попасть мне в лагерь № 75, я был еще в другом лагере и во многих пересыльных лагерях. Везде со мной обращались хорошо. По прибытию сюда, в лагерь, меня поставили бригадиром рабочей бригады. В это время нормы были очень высокие, наши люди не могли их выполнить, и к тому же питание было плохое. Зимой 1942–43 годов нормы были не так высоки, и наше питание улучшилось. До того, как у меня на ногах появилась опухоль, я находился в рабочей бригаде. Потом меня перевели в лазарет... Благодаря помощи русских врачей, особенно Черновой, обо мне очень хорошо заботились. Врач Мария тоже делала все возможное, чтобы мне помочь. В то время, когда я был очень слабым, питание со дня на день улучшалось, и я поэтому быстро поправился.

Надо еще сказать, здесь в лазарете существует исключительная чистота. Лекарства у нас были всегда в достатке. Забота врачей и сестер обо мне была огромна. С первого дня, как я лег в лазарет, мне оказали всяческую помощь. Питание сегодня может идти наравне с питанием дома и в армии. Я надеюсь прийти здоровым на родину, и я всем врачам за их заботу очень многим обязан, никогда я их не забуду. Судя по обращению врачей и сестер, а также и русских солдат со мной, мне ясно, что русский народ должен быть очень добр, а также должно быть хорошим правительство, избранное народом»³²¹.

В лагере № 155, на территории пос. «17-й участок» также размещался лазарет для пленных. Во втором квартале 1944 г. он состоял из шести палат на 60 коек. Одно из этих помещений служило изолятором для больных с высокой температурой. Были оборудованы две амбулатории. На недостаток медикаментов в лазарете не жаловались. Питанию больных пленных могли позавидовать вольнонаемные работники «17-го участка». Помимо мяса, рыбы, гречневой каши,

³²¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 4з. Д. 9. Л. 20.

сала, шпига, овощей, пациенты лагерного лазарета получали дополнительно блюда из риса, компот из сухофруктов и даже сгущенное молоко³²².

По утверждению бывшего сотрудника лагерей № 75 и № 155 Н. Н. Кирпиковой, в лазареты этих пунктов содержания спецконтингента в немалом количестве поступали больные пленные из сталинградского «котла». Наиболее распространенными диагнозами были запущенные пневмония, обморожения, дистрофия, педикулез. Работниками лазаретов формировались специальные бригады из военнопленных, которые собирали в лесу ветки хвойных деревьев, крапиву и лекарственные травы.

Медицинский контроль в лагере № 155 был довольно основательным. Ежедневно при выводах иностранцев на лесоповал и другие виды трудовой деятельности присутствовал врач, который контролировал их физическое состояние. На работах в лесу регулярно находились медик из военнопленных и его советские коллеги из санитарного отдела лагеря, готовые оказать первую помощь при необходимости³²³. Каждый месяц пленные проходили врачебную комиссию³²⁴.

Инвалиды из числа спецконтингента или вообще не привлекались к труду, или выполняли работу, не требующую значительных физических усилий. Например, в лагере № 510 пленные из этой категории использовались на плетении корзин. Бывшие иностранные военнослужащие, ослабленные вследствие различных болезней, для восстановления трудоспособности направлялись в оздоровительные команды, где получали усиленное питание по специальной норме³²⁵.

Не каждого тяжелобольного военнопленного медикам удавалось спасти от смерти. Умерших в лазаретах хоронили на специально отведенных кладбищах. В лагеря и отдельные рабочие батальоны, расположенные в республике, привозили пленных, скончавшихся в пути, в железнодорожных эшелонах.

³²² РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 46. Л. 67 об.

³²³ Там же. Л. 68.

³²⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

³²⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 110. Л. 13 об.

Хоронили таких в общих могилах. Акт захоронения пленных составлялся по солдатским книжкам. Когда количество умерших сократилось, появились одиночные могилы. Над каждой из них устанавливалась дощечка с номером. Велась книга актов смерти с указанием адресов родственников³²⁶.

Специальное кладбище, где хоронили пленных из лагеря № 75, появилось в июле 1942 г. Оно размещалось в 500 м. к юго-западу от ст. Рябово, в 65 м. южнее полотна железной дороги Ижевск–Кильмезь³²⁷. Захоронения продолжались до августа 1947 г. За пять лет здесь погребено 840 бывших иностранных военнослужащих. Причем значительное их количество в период 1942–1943 гг. захоронено в общих могилах без регистрации в специальном журнале³²⁸. В настоящее время часть территории кладбища расчищена, приведена в порядок. Установлены памятные знаки в виде черных крестов, напоминающих о том, что на этом месте захоронены тела бывших солдат венгерской армии.

Кладбище для скончавшихся пленных существовало и в районе «17-го участка». Оно размещалось в лесу, неподалеку от дороги, ведущей в подсобное хозяйство лагеря № 155, в 160 метрах от юго-западной окраины этого поселка. Причем могилы пленных располагаются рядом с захоронениями тел заключенных ИТК № 9, которая после октября 1947 г. базировалась в помещениях бывшего второго отделения лагеря № 75. Первые захоронения на кладбище пленных в районе поселка «17-й участок» проходили в октябре 1942 г. Однако учетная документация, где в период 1943–1945 гг. производилась регистрация погребенных немецких солдат, была утеряна. Поэтому назвать точную цифру захороненных в районе «17-го участка» в указанное время не представляется возможным. Летом 1949 г. представители специальной комиссии МВД УАССР обнаружили на этом кладбище 44 могилы пленных, которые имели опознавательные знаки с трехзначными цифрами от 122 до 163. Остальные захоронения выявить не удалось, поскольку от них не осталось никаких следов.

³²⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

³²⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 388. Л. 7

³²⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 8, 56.

На основании полученной информации был сделан вывод о том, что в районе поселка «17-й участок» за все время существования там пункта содержания бывших иностранных военнослужащих было захоронено 163 пленных. Кладбище у лагеря № 155 было окружено жердевой изгородью. Причем за его пределами находилось еще некоторое количество могил военнопленных³²⁹. К настоящему времени кладбище заросло густым лиственным лесом. Однако некоторые могилы еще угадываются в виде небольших холмиков.

Захоронения бывших солдат и офицеров разгромленных армий, умерших в лазаретах лагерных отделений, проводились и в г. Ижевске. В частности, они проходили на западной окраине города, чуть севернее заречного городского (ныне – Александровского) кладбища. Всего в этом районе с 17 июля 1945 г. по 20 ноября 1948 г. был погребен 71 умерший пленный из 1-го отделения лагеря № 371³³⁰. В наши дни в нескольких сотнях метров к северо-востоку от Александровского кладбища, в сосновой роще, можно увидеть памятный знак в виде гранитного камня, на котором написано: «В память о венгерских военнопленных, погибших во Второй мировой войне». Неподалеку от этого небольшого мемориала сохранились едва заметные холмики, которые по своему внешнему виду напоминают могилы. Среди них видны неглубокие ямы, заросшие травой – вероятно, в недавнем прошлом предпринимались несанкционированные попытки разыскать редкие артефакты, находящиеся в предполагаемых погребениях.

Захоронения бывших иностранных солдат производились также на северо-западной окраине Пушкинского городка столицы республики, неподалеку от трассы Якшур-Бодьинского тракта. В общей сложности на этом небольшом кладбище погребено 25 военнопленных из 2-го отделения лагеря № 371. Первое захоронение состоялось 23 августа 1945 г., последнее – 6 марта 1948 г.³³¹

В Якшур-Бодьинском районе республики находилось 2 кладбища пленных,

³²⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 389. Л. 2–4, 10.

³³⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 390. Л. 3–5.

³³¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 391. Л. 6–8.

в 1945–1946 гг. умерших в лазарете 3-го отделения лагеря № 371. Первое из них размещалось в четырех километрах к северо-востоку от пос. Лынга, в 147-м квартале Пастуховского лесопункта, в 100 м. северо-западнее пункта пребывания спецконтингента (Приложение 7). Там было захоронено 25 пленных. Второе кладбище появилось в 1945 г. на южной окраине пос. Лынга³³², в 600 м. от пункта размещения бывших иностранных солдат, в районе современной улицы Юбилейная. На данном участке погребено 5 человек³³³.

Захоронения военнопленных производились и на северной окраине г. Воткинска, к западу от речки Березовки, неподалеку от 4-го отделения лагеря № 371. Кладбище располагалось в густом сосновом лесу, на пологом склоне холма, на расстоянии 400 м. к северу от дороги Воткинск – Шаркан. Там погребено 23 военнопленных. Самое раннее захоронение состоялось 26 сентября 1945 г. Последним был погребен пленный венгерский солдат К. Пеллер. Это произошло 11 марта 1946 г.³³⁴

Кладбище бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока, умерших в лазарете лагеря № 510, располагалось неподалеку от него, в 30 метрах к югу от полотна железной дороги Москва – Молотов. В 1945 г. там похоронили 142 военнопленных и интернированных³³⁵.

Смертность в отдельных рабочих батальонах была несколько выше, чем в лагерях НКВД. На это повлияли менее налаженные условия жизни и медобслуживания в ОРБ. В ряде случаев пленные, находившиеся в лагерях рабочих батальонов, помещались в землянках и других малоприспособленных для проживания помещениях. Это сказывалось на состоянии их здоровья. На территории Удмуртии было организовано четыре кладбища пленных, которые умерли в лазаретах рабочих батальонов.

Захоронения бывших немецких солдат из ОРБ № 431 и 438 производились на двух участках земли, находившихся на расстоянии 2 км. восточнее д.

³³² РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 402. Л. 4 об., 61.

³³³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 392. Л. 3–6.

³³⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 393. Л. 5, 7, 9.

³³⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 394. Л. 5–11.

Петропавлово. На этих кладбищах, окруженных деревянной изгородью, погребено 97 человек. На каждом захоронении был установлен кол с указанием номера могилы, вырезанного ножом. Еще одно кладбище пленных из ОРБ № 431 и № 438 находилось в лесу, на расстоянии 600 м. западнее д. Старая Пандерка. Там было захоронено 55 человек³³⁶.

Кладбище ОРБ № 445 размещалось в 300 м. севернее лагеря и на расстоянии 1 км. к северу от ст. Кизнер. На нем насчитывалось 62 могилы пленных немцев. Первое захоронение осуществлено 31 августа 1946 г., последнее – 13 октября 1947 г. Окруженное деревянной изгородью кладбище было разделено на три квадрата. Над каждой из могил устанавливался кол с указанными на нем номерами могилы и квадрата³³⁷.

Большинство умерших в лазаретах рабочих батальонов и лагерей составляли пленные, которые страдали от запущенных и поэтому неизлечимых болезней, появившихся еще на фронте.

Вследствие объективных причин летальных исходов избежать не удавалось. Но, несмотря на это, советские медики в отношении лечения пленных старались выполнять свою работу добросовестно и качественно. Многие бывшие солдаты разгромленных армий потом как могли благодарили их за это. По свидетельству Н. Н. Кирпиковой, начальника лагерной санчасти Таисию Федоровну военнопленные называли мамой, а румыны во время репатриации, прощаясь с ней, плакали³³⁸. Медобслуживание спецконтингента в лагерях, расположенных на территории Удмуртии, было на хорошем уровне, а врачи и санитары, работавшие в лазаретах, многим иностранцам спасли жизнь.

Отчасти это происходило благодаря тому, что медики организовывали для пленных профилактические слушания, где содержались советы о правильном противодействии развитию наиболее распространенных на определенный момент заболеваний среди представителей спецконтингента. Так, в январе 1945 г. в лагере

³³⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 400. Л. 4–10.

³³⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 401. Л. 3–8.

³³⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

№ 75 была проведена лекция «Сыпной тиф и его профилактика». На этом собрании присутствовало 1200 пленных. В том же месяце 1160 человек прослушали лекцию на тему «Борьба с обморожениями»³³⁹. Как видно из цифр, привлечение военнопленных к профилактике их заболеваний было максимальным.

Тяжелобольных пациентов, находившихся в лазаретах лагерей и рабочих батальонов, отправляли в спецгоспитали. Причем на время следования в пункт назначения они снабжались продуктами. В качестве примера можно привести состоявшийся в августе 1945 г. отъезд больных пленных из расположения рабочего батальона № 438 в спецгоспиталь № 3888. Перед отправлением они получили сухой паек по особой норме, выдаваемый на одни сутки пути³⁴⁰.

Лазареты являлись необходимым промежуточным звеном между лагерем и спецгоспиталем. Поэтому они играли важную роль в медобслуживании пленных. Работники лазаретов выполняли свою работу в целом грамотно, обмениваясь полезным опытом с привлекаемыми к лечению немецкими врачами и санитарями. Большое внимание уделялось гигиене, а также профилактике заболеваний. В результате, работникам лазаретов удалось снизить смертность среди пленных, избежать широкомасштабных эпидемий в лагерях, размещенных в Удмуртии. Пациенты чувствовали заботу о себе и искренне благодарили медиков за добросовестную работу.

Причины смертных случаев в лазаретах и спецгоспиталях, как правило, заключались не в плохом лечении врачей, а в позднем квалифицированном медицинском вмешательстве. Многие военнопленные начинали чувствовать недомогание еще на фронте, в окопах. Болезни у них были запущены. Пока пленные доставлялись поездом до медучреждений, некоторые из них уже находились либо в агонии, либо в лихорадке. Нетрудно понять, что составы с бывшими солдатами и офицерами вермахта отправляли в пункты назначения далеко не в первую очередь, поэтому эшелоны продолжительное время

³³⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8. Л. 7.

³⁴⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 8. Д. 1. Л. 34.

простаивали на промежуточных станциях и добирались до места назначения довольно долго. За это время здоровья у пассажиров таких эшелонов не прибавлялось. Некоторые из них умирали еще на пути к месту назначения.

В 1942–1949 гг. захоронения военнопленных производились в 13 населенных пунктах Удмуртии или в их окрестностях. Всего в республике в тот период было оборудовано не менее 18 кладбищ бывших солдат и офицеров армий гитлеровского военного альянса. Однако большинство являлись относительно небольшими – на каждом из них похоронили от 23 до 97 тел. Свыше 100 пленных было погребено на четырех специальных участках, расположенных в г. Можга (около 2 000 чел.), пос. Рябово (840 чел.), д. Сыга (273 чел.), в районе разъезда Жабя (вместе с интернированными 142 чел.). Данные о количестве кладбищ спецконтингента на территории республики, зарегистрированных органами МВД УАССР, представлены в таблице 1:

Таблица 1 – Захоронения военнопленных на территории Удмуртии
в 1942–1949 гг.

Населенный пункт, в районе которого располагалось захоронение	Количество кладбищ военнопленных	Количество захороненных военнопленных	Пункты пребывания пленных, откуда поступали умершие	Период захоронений
г. Ижевск	2	96	1-е и 2-е отделения лагеря № 371	1945–1948 гг.
пос. Лынга Якшур-Бодьинского района	2	30	3-е отделение лагеря № 371	1945–1946 гг.
г. Воткинск	1	23	4-е отделение лагеря № 371	1945–1946 гг.
пос. Рябово Увинского района	1	840	1-е отделение лагеря № 75	1942–1947 гг.
17-й участок Увинского лесопункта	1	Более 44	2-е отделение лагеря № 75 (лагерь № 155)	1942–1947 гг.
Разъезд Жабя Глазовского района	1	142 (вместе с интернированными)	Лагерь № 267/510	1945 г.

Продолжение таблицы 1

д. Петропавлово Бемьжского района	2	97	ОРБ № 431 и № 438	1945–1947 гг.
д. Старая Пандерка Кизнерского района	1	55	ОРБ № 431 № 438	1945–1947 гг.
с. Кизнер Кизнерского района	1	62	ОРБ № 445	1946–1947 гг.
г. Можга	2	Около 2 000	Спецгоспитал и № 3888 и № 5880	1943–1949 гг.
д. Сыга Глазовского района	2	273	Спецгоспитал и № 3779 и № 5882	1944–1948 гг.
ст. Областная Нылгинского района	1	69	Спецгоспитал ь № 5122	1945–1946 гг.
пос. Пудем	1	35	Спецгоспитал ь № 5879	1945 г.
Всего	18	3 766	16	1942–1949 гг.

Источник: РГВА. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 389. Л. 2–4, 10; Д. 390. Л. 3–5; Д. 391. Л. 6–8; Д. 393. Л. 5, 7, 9; Д. 394. Л. 5–11; Д. 400. Л. 4–10; Д. 401. Л. 3–8; Д. 402. 4 об., Л. 8, Л. 51–51 об., 56, 57, 60, 61.

Итак, на территории Удмуртии в 1942–1949 гг. захоронено около 3 800 иностранных пленных. В 1945 г. в республике находилось приблизительно 15 тысяч бывших иностранных военнослужащих. Надо при этом учитывать, что после 1945 г. в Удмуртию прибывали новые партии солдат и офицеров разгромленных армий. Так, с 1946 г. в Кизнерском районе дислоцировался ОРБ № 445. Поэтому общее количество военнопленных, находившихся в республике в период с 1941–1949 гг., характеризуется цифрой не менее 17 тыс. человек. Таким образом, уровень смертности контингента явно не достиг 25 %. Это менее, чем каждый четвертый.

Очень важно учитывать еще один аспект проблемы. Дело в том, что заметную часть захороненных в Удмуртии пленных составляют те, кто скончался еще в эшелонах на пути в республику в основном от запущенных болезней. Поэтому медики из спецгоспиталей и сотрудники лагерей, дислоцировавшихся в УАССР, не несут никакой ответственности за их смерть. Таким образом, число

умерших в Удмуртии реально меньше, чем это можно определить по количеству могил на кладбищах пленных, находящихся в регионе.

Из приведенных данных следует, что показатель смертности военнопленных, содержащихся в республике, не был чрезвычайно высоким. Этот уровень снижался прямо пропорционально накоплению медиками спецгоспиталей и лагерных лазаретов опыта лечения бывших иностранных солдат и офицеров. В процентном отношении наибольшее количество умерших военнопленных наблюдалось в 1943–1945 гг., наименьшее – в период 1947–1949 гг.

* * *

Труд врачей и медсестер, лечивших пленных, являлся очень тяжелым не только потому, что отнимал много физических сил. Он негативным образом влиял также на психологическое состояние представителей персонала спецгоспиталей и лагерных лазаретов, поскольку они вынуждены были преодолевать свою неприязнь, а иногда и ненависть по отношению к бывшим военнослужащим армий гитлеровского альянса.

Но, несмотря на эти трудности, врачи и медсестры, трудившиеся в пунктах содержания спецконтингента, старались выполнить свой врачебный долг до конца. В ряде случаев они шли на явный риск и самопожертвование, стараясь погасить очаги инфекции среди пациентов и снизить показатели смертности. При этом иногда гибли сами. Этим медработники доказали свою гуманность по отношению к врагу и превосходство над ним.

Положительным моментом в процессе медобслуживания пленных, находившихся в Удмуртии, являлось довольно стабильное снабжение многих лазаретов и спецгоспиталей лекарствами и медикаментами.

В республике были созданы удовлетворительные условия для лечения военнопленных, которые в ряде случаев питались лучше самих медработников, спасших жизни многих иностранных пациентов.

ГЛАВА 3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СПЕЦКОНТИНГЕНТА

§ 3.1. Военнопленные в промышленности и строительстве

Ресурсы рабочей силы в СССР в 1942-1950 гг. довольно активно пополнялись за счет военнослужащих армий противника, попавших в советский плен. Таким образом, в некоторой степени решался вопрос определенного кадрового дефицита, возникшего в хозяйственно-экономической сфере государства в первой половине сороковых годов.

Контингент военнопленных, находившийся в Советском Союзе, был разделен на 4 категории трудоспособности. Такая структура была предложена Директивой УПВИ НКВД СССР № 28/7309³⁴¹ от 17 июля 1942 г. В первую категорию были включены пленные, здоровье которых почти не вызывало нареканий у членов специальных медицинских комиссий. Во вторую группу входили бывшие военнослужащие иностранных армий, которым был поставлен диагноз, не вызывающий опасений за их жизнь. С апреля 1944 г. представителям этих двух категорий полагалось трудиться по 8 часов в сутки³⁴². Пленные, отнесенные к третьей и четвертой группам (тяжелобольные и инвалиды), были заняты на работах в облегченном режиме или совсем не привлекались к физическому труду. Аналогичное разделение спецконтингента по категориям имело место и в Удмуртии.

В республике было расположено значительное количество заводов и других предприятий, входивших в структуру общесоюзных Наркоматов (Министерств), использовавших труд обезоруженных иностранных солдат и офицеров. Пленные работали в системе трестов «Ижлес», «Ижторф», «Удмуртстрой», завода № 46 (имени В.И. Ленина), Ижевского завода мотоцепей. Они также были задействованы на предприятиях Наркомата (Министерства) вооружений СССР (строительный трест № 51, заводы № 71, № 74, № 235, № 524, № 622). Помимо

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 205. Т. 14. Л. 129 об.

³⁴² ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 715. Л. 160–161.

промышленной сферы пленные трудились также в системе различных организаций, не относящихся непосредственно к производству. В данном случае деятельность иностранцев была связана, в основном, с ремонтом многих зданий, сооружений, погрузкой-разгрузкой различных материалов или уборкой территории.

Военнопленные привлекались для трудовой деятельности в Удмуртии главным образом из лагерей УПВИ (ГУПВИ) НКВД СССР № 75, № 155, № 371, № 510, а также из трех отдельных рабочих батальонов оборонного ведомства.

Бывшие иностранные солдаты и офицеры, находившиеся в Удмуртии, принимали довольно активное участие в заготовке сырья для деревообрабатывающей промышленности, а также топлива для ижевских оборонных заводов. Отправной точкой для начала массового использования труда бывших солдат армий противника на лесозаготовках стала докладная записка председателя Совнаркома УАССР А. В. Тронина и первого секретаря Удмуртского обкома ВКП(б) А. П. Чекинова наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии. В этом документе, датированном 25 марта 1942 г., сообщается: «...С началом войны отгрузка дров заводу № 71 из Свердловской области совершенно прекращена, а также имеются перебои с поступлением на завод каменного угля.

В связи с этим задачи треста «Ижлес», являющегося единственным поставщиком дров заводам № 71 и № 74, значительно возросли...» Далее в документе говорится об окончании запасов топлива к 10 марта, что стало причиной возникновения опасности остановки металлургического предприятия. В связи с этим руководители республики предложили наркому дать распоряжение о срочном проведении мероприятий, в том числе связанных с мобилизацией дополнительных трудовых ресурсов, для расширения лесозаготовок. В частности, А. В. Тронин и А. П. Чекинов заявили о необходимости доставки на лесопункты треста «Ижлес» не менее 4500 человек из контингентов строительных батальонов, исправительно-трудовых колоний или военнопленных³⁴³.

Эта просьба через некоторое время была удовлетворена. На Увинском

³⁴³ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3487. Л. 120–122.

лесопункте вместе с заключенными стали работать и пленные. В 1942–1943 гг. бывшие солдаты армий противника содержались во 2-м отделении лагеря № 75. Они были задействованы на заготовке древесного топлива. В 1943 г. 2-е отделение было преобразовано в самостоятельный лагерь № 155.

В 1943–1946 гг. труд военнопленных использовался на лесозаготовках, ручной подвозке сырья к узкоколейной Ува-Туклинской железной дороге. Бывшие иностранные солдаты приняли участие в строительстве этого транспортного пути. Но наиболее активно они были заняты на различных погрузочно-разгрузочных работах³⁴⁴.

Военнопленные, находившиеся на «17-м лесоучастке», начинали свой день в 6 часов. По словам Н. М. Стрижовой, каждое утро после подъема они выстраивались в шеренги по нациям и пели свои гимны. Лучше всех это получалось у итальянцев. До 7 часов пленные умывались, чистили зубы. После завтрака получали задание, которое должны были выполнить в течение рабочего дня. Трудились они на лесосеках под конвоем специального подразделения внутренних войск. Не выполняли данную работу те, кто занимался трудом внутри лагеря – в пекарне, на кухне, электрики и другие военнопленные, освобожденные по состоянию здоровья. Продолжительность рабочего дня составляла восемь часов.

Контингент лагеря был разделен, главным образом, на три группы. В первую и вторую входили вполне здоровые пленные и те, чье состояние характеризовалось наличием заболеваний, неопасных для жизни даже во время трудоемкой физической работы. По свидетельству Н. М. Стрижовой, представители этих двух групп были задействованы на лесозаготовках. Остальные пленные, являвшиеся хронически больными, выполняли работы по уборке территории лагеря или ходили в лес, собирая там грибы, ягоды, лекарственные травы, хвою. Эта группа с облегченными условиями труда считалась третьей и называлась оздоровительной.

Даже физически здоровые пленные ходили на лесозаготовки не всегда

³⁴⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 39. Л. 209.

охотно. Особенно это проявлялось зимой. По воспоминаниям Н. М. Стрижовой, иногда некоторые из них нарочно допускали обморожение нижних конечностей, чтобы избавиться от труда в лесу. Поэтому зимой перед уходом военнопленных на работу фельдшер тщательно проверял их обувь. Если она была неправильно одета, он тут же требовал переобуться.

В 1944 г. в системе треста «Ижлес» насчитывалось 10 413 человек. В это число входили 1 265 военнопленных и осужденных из исправительно-трудовой колонии³⁴⁵. Нередко они работали вместе на одних и тех же объектах и относились к одному ведомству – НКВД (МВД). В результате, в отчетных документах иногда регистрировались общей цифрой. Представители спецконтингента из лагеря № 155 работали в основном на Увинском лесопункте. В 1946 г. количество военнопленных, занятых в системе треста «Ижлес», заметно сократилось. Вместе с заключенными исправительно-трудовой колонии их насчитывалось 829 человек³⁴⁶.

Военнопленные не оправдывали возложенных на них надежд. Руководство Увинского лесопункта отмечало невыполнение этими работниками плана 1946 г. по ручной вывозке древесины. Одной из причин сложившейся ситуации послужило то, что Управление лагеря № 155 выводило на эти работы неполный его контингент. В данном случае пленные лишь на 60 % выполнили план. Иностранцы не отличились высокой производительностью труда и на заготовке древесины. Намеченную программу они выполнили на 76,4 %³⁴⁷.

Значительную часть расходов по содержанию лагеря № 155 нес Увинский лесопункт. В 1946 г. переплаты по этой статье составили 116 тыс. руб.³⁴⁸ Трест «Ижлес» оплачивал также питание военнопленных. Данные затраты затем компенсировало Управление лагеря № 155.

Помимо лесозаготовок военнопленные привлекались к строительству различных зданий и сооружений как внутри самого пункта их содержания, так и

³⁴⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 39. Л. 208.

³⁴⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 75. Л. 205.

³⁴⁷ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 80. Л. 284–284 об.

³⁴⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 75. Л. 64, 215.

за его пределами. Например, в 1946 г. они были заняты на возведении жилого дома для сотрудников треста «Ижлес». От лагеря до района строительства площадки пленных перевозили на автомашинах. Всего в течение 1946 г. на такие перевозки трест затратил 20 тыс. руб.³⁴⁹ Строительные работы производились и в самом лагере. Военнопленные участвовали в сооружении помещения для офицеров НКВД. Объем готовности штаба лагеря к началу 1945 г. составлял 88 %³⁵⁰. Представители спецконтингента, занятые на строительстве, ежедневно получали справки с указанием процента выполненных ими за день трудовых норм³⁵¹.

Во втором квартале 1944 г. ежесуточная продолжительность рабочего времени пленных из лагеря № 155 составляла лишь 6 часов. Осенью она была увеличена до 8 часов в сутки.

Помимо лесозаготовок, строительства и работ в подсобном хозяйстве часть пленных с «17-го участка» была занята и в других видах трудовой деятельности. В слесарной мастерской работали 17 человек. Кроме того, в лагере была создана бригада из 16 бондарей. С Увинским лесопунктом даже был заключен договор, по которому пленные должны были изготовить 1 100 бочек и другой тары. В подсобном хозяйстве лагеря № 155 работали пленные, страдавшие от дистрофии. Их называли «слабосильными». Они были заняты на прополке и окучивании посевов³⁵².

Если на Увинском лесопункте военнопленные в основном работали на лесозаготовках и в строительстве, то в районе пос. Рябово они трудились в системе трестов «Оборонторфстрой», «Ижторф» и Увинского торфопредприятия. Военнопленные содержались в лагере № 75 НКВД СССР, размещенного в Удмуртии с 1941 г. Они участвовали в добыче торфа, необходимого для крупнейших предприятий г. Ижевска, и были поначалу заняты в основном на

³⁴⁹ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 76. Л. 53.

³⁵⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 40. Л. 75.

³⁵¹ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 20. Л. 154.

³⁵² РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 46. Л. 59 об.

участках, не требовавших определенной квалификации – на болотно-подготовительных операциях, погрузке, заготовке дров.

В лагере № 75, как и в других пунктах содержания пленных, контингент подразделялся на категории. В первую входили вполне здоровые работники. Они трудились на торфянике и лесоповале. Иностранцы, входившие во вторую группу и страдавшие различными хроническими, но неопасными для жизни заболеваниями, были заняты на сушке торфа, очистке леса, рубке сучьев. По свидетельству бывшего вольнонаемного сотрудника лагеря № 75 Н.Н. Кирпиковой, в сильные морозы пленных на работу в лес не выводили. Третью группу составляли в основном больные дистрофией и обессиленные. Они трудились на уборке территории лагеря, а также в мастерских по ремонту обуви и одежды, на кухне. Каждый месяц медкомиссия обследовала пленных. Поправившие свое здоровье переводились из второй и третьей группы в первую и наоборот³⁵³.

В начальный период функционирования лагеря в Удмуртии производительность труда пленных была низкой и составляла 15–20 % к установленной норме выработки³⁵⁴. При этом в 1942–1943 гг. объем работ иностранцев на заготовке и погрузке дров превышал соответствующий показатель по добыче и сушке торфа.

13 августа 1942 г. с целью повышения добычи топлива был установлен 10-часовой рабочий день для военнопленных. Они трудились с 7 до 18 часов с перерывом на обед³⁵⁵.

В сентябре 1942 г. спецконтингент, находившийся в Рябово, как и прежде, не выполнял намеченную программу по добыче торфа. Из списочного состава около 1200 военнопленных на работу выводились лишь 550–570 человек. Руководство лагеря № 75 в письме от 13 ноября 1942 г., отправленном управляющему трестом «Оборонторфстрой», раскрыло некоторые причины

³⁵³ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

³⁵⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 3. Д. 1. Л. 86.

³⁵⁵ Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 216. Оп. 2. Д. 3. Л. 89.

сложившейся ситуации. Дело в том, что многие из военнопленных не были обеспечены спецодеждой и обувью. Торфопредприятие не справлялось с ремонтом помещений пункта пребывания спецконтингента. При проведении различных работ не соблюдалась техника безопасности. По мнению руководства Рябовского лагеря, предприятие не смогло создать условия, обеспечивающие эффективность труда военнопленных, а также полагающийся по законодательству уровень их жизнедеятельности. Сохранялись затруднения, связанные с нехваткой помещений. Если военнопленные в лагере размещались в деревянных постройках, то солдаты конвоя вынуждены были ютиться в палатках. К середине августа 1942 г. еще не существовало склада для размещения материальных ценностей и инвентаря. Для строительства новых зданий не хватало стройматериалов, в частности, досок и кирпичей.

Руководство треста «Оборонторфстрой» было крайне недовольно низким уровнем эффективности труда военнопленных. Это приводило к срыву всех плановых показателей данного предприятия. В связи с такой проблемой в конце июля 1942 г. было даже написано письмо на имя заместителя наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова. В нем главный инженер треста С. М. Черепков отмечал, что солдаты конвоя не подчинены начальнику Рябовского лагеря. Они не принимают никаких мер для повышения эффективности труда военнопленных, так как в их обязанности входит только охрана спецконтингента. Поэтому главный инженер треста «Оборонторфстрой» просил заместителя наркома подчинить конвой непосредственно начальнику лагеря и обязать его и солдат охраны нести ответственность за качество и количество выполняемых военнопленными работ. С. М. Черепков призвал руководство НКВД СССР принять меры для их стопроцентного вывода на объекты и полного выполнения трудовых норм.

Позднее управляющий треста «Оборонторфстрой» решил отказаться от использования труда спецконтингента в пользу заключенных исправительно-трудовой колонии. Руководство Наркомата вооружений СССР согласилось с этим, и в ноябрьском письме на имя Л. П. Берии заместитель народного

комиссара вооружений В. Н. Новиков обосновал просьбу о переводе контингента лагеря № 75 из Рябово. Однако в него было вложено столько материальных, финансовых средств и сил, что план переброски военнопленных за пределы Увинского торфопредприятия признали экономически нецелесообразным. Поэтому лагерь № 75 остался на прежнем месте. Более того, управляющему трестом Н. Загорулько поступила информация о запланированной к 10 декабря 1942 г. отправке в Рябово дополнительного контингента военнопленных в количестве 1 000 человек³⁵⁶.

В 1943 г. бывшие иностранные солдаты трудились, в основном, в лесу на заготовке и вывозке дров, участвовали в болотно-подготовительных работах для добычи торфа. Наиболее интенсивно спецконтингент был задействован в весенне-летний период.

На добыче и погрузке торфа в 1943 г. военнопленные работали малоэффективно, производительность труда составила соответственно лишь 18 и 25 %. Причем в непогожие дни они часто вовсе не выводились за пределы лагеря. Спецконтингент на торфоразработках трудился вместе с вольнонаемными рабочими. По мнению руководства треста «Оборонторфстрой», низкие показатели производительности труда военнопленных объяснялись их нежеланием работать, неквалифицированностью, неясным пониманием указаний техперсонала, возникшим в результате языкового барьера³⁵⁷.

Однако к началу 1945 г. ситуация заметно улучшилась. Уровень эффективности труда пленных повысился. По мнению уполномоченного Национального комитета «Свободная Германия» И. Махулы, высказанному в письме президенту этой антифашистской организации поэту Э. Вайнерту, немецкие военнопленные из лагеря № 75 внесли значительный вклад в успех Увинского торфопредприятия, которое еще в октябре получило за трудовые достижения переходящее Красное знамя и к апрелю 1945 г. сохраняло его у себя. И такое утверждение имело под собой некоторые основания. Пленные немцы в

³⁵⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 3. Д. 7. Л. 36, 50–51, 55, 61–62, 67.

³⁵⁷ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.

феврале выполнили установленные нормы на 121,8 %, в марте – на 111,8 %. Наилучших показателей добилась 11-я рота. Иностранцы, составлявшие ее, на 33 % превзошли установленный план производительности труда. В целом в течение января пленные из этого лагеря перевыполнили нормы на 106,3 %. Лучше всех проявили себя бывшие военнослужащие итальянской армии. Их показатель выполнения норм достиг 117 %. Венгерские пленники поработали хуже. Они выполнили нормы лишь на 91 %. Немецкие и румынские военнопленные осуществили установленную программу почти на одинаковом уровне – соответственно на 106,9 % и 106,3 %³⁵⁸.

В 1946–1947 гг. иностранные работники были задействованы на механизированной добыче торфа. Весной и летом их труд был довольно эффективным. В качестве премий лучшим работникам из пленных выдавались денежные суммы, мануфактура и даже костюмы. Так, 20 мая директором Увинского торфопредприятия Мелькишевым был подписан приказ, по которому за хороший труд бывших иностранных солдат лагерю № 75 было выделено 200 метров хлопчатобумажной мануфактуры и 1500 руб.³⁵⁹ В августе 1947 г. за неплохо выполненную организацию работ по добыче торфа с помощью специальных агрегатов двое пленных получили в качестве поощрения по костюму.

22 августа 1947 г. по инициативе руководства Управления лагеря № 75 был организован день рекордных выработок на добыче, сушке, уборке торфа и подготовке транспорта к осенне-зимним перевозкам. Главная роль в этом мероприятии принадлежала военнопленным. На добыче топлива с помощью специальных машин наилучших показателей в этот день добилась бригада под руководством Панаида. Ее работникам удалось в течение первой смены выработать 63 000 кирпичей из торфа. Хороших результатов удалось достичь бригадам пленных под руководством Имриха, Каспера, Демороя. На сушке и уборке торфа отличились иностранные работники под руководством бывшего

³⁵⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8. Л. 6 об.–7, 26.

³⁵⁹ Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 216. Оп. 2. Д. 18. Л. 108.

немецкого военнослужащего Гаушульца. Эта бригада реализовала дневную норму с лучшим показателем – 167 %. В деле подготовки транспорта к осенне-зимним перевозкам наилучших результатов добились иностранцы во главе с военнопленным Даном. Они выполнили дневную норму на балластировке путей на 311 %. В итоге победителями дня рекордных выработок стали бригады Панаида и Дана. Им были присуждены первые премии. Бригады Имриха и Гаушульца, результаты которых были чуть хуже, получили соответствующие поощрения. Директор Увинского торфопредприятия И.Г. Броженко распорядился передать начальнику Управления Рябовского лагеря 200 метров мануфактуры, 5 пар белья и 40 кг. хлеба. Все эти товары и продукты надлежало распределить соответствующим образом и выдать в виде премий бригадам Панаида, Дана, Имриха и Гаушульца³⁶⁰.

Несмотря на наличие хорошо работавших военнопленных, все же общий объем добычи топлива этими иностранцами оставался недостаточным и определялся их довольно низкой производительностью³⁶¹. Это объяснялось отчасти тем, что, например, в мае 1947 г. каждый из 7 торфодобывающих агрегатов обслуживался недостаточным количеством бывших иностранных солдат. Вместо нормы (28–31 работников) число пленных составляло максимум 27 человек. По мнению директора торфопредприятия И. Г. Броженко, которое он высказал в одном из своих приказов, негативно влияли на эффективность работы представителей спецконтингента неправильная расстановка иностранцев, неудовлетворительная организация их деятельности в деле добычи торфа, несвоевременное обеспечение инструментами. В результате, производительность труда на четырех торфодобывающих агрегатах составила лишь 30–50 %. Чтобы устранить эти недостатки, директор потребовал увеличить число иностранных работников в бригадах до нормального количества³⁶².

В 1947 г. между руководством Увинского торфопредприятия и

³⁶⁰ Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 216. Оп. 1. Д. 1. Л. 38, 48.

³⁶¹ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 11. Л. 51, 54.

³⁶² Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 216. Оп. 2. Д. 23. Л. 84.

Управлением лагеря № 75 возникли разногласия по поводу использования труда военнопленных. По мнению директора торфодобывающей организации И. Г. Броженко, в разгар сезона они выходили на работы в недопустимо малом количестве. В среднем из лагеря выводилось лишь 540 человек, а требовалось 800³⁶³.

Пленные из лагеря № 75 были заняты не только на добыче топлива. В начале 1945 г. в мастерской, расположенной за пределами лагеря, 70 пленных немцев работали на строительстве торфомшины. Кроме того, иностранцы были задействованы на оборудовании небольших каналов для осушения болот. С помощью этих сооружений вода отводилась с торфяных полей в реку Уву. Пленные из лагеря № 75, участвовали также в строительстве узкоколейной железной дороги, соединявшей пос. Башмур с пос. Рябово³⁶⁴.

Бывшие военнослужащие вражеских армий работали в механических мастерских. В частности, пленные принимали участие в производстве деталей пилорамы³⁶⁵. Помимо всего прочего, они изготовляли довольно любопытную и неожиданную для такого рода контингента иностранных граждан продукцию – детские игрушки³⁶⁶. Военнопленные из лагеря № 75 были задействованы также в производстве мебели. Так, в феврале 1947 г. бывшие иностранные солдаты получили заказ на изготовление 1925 тумбочек, 3850 табуреток и 332 стола для оборудования жилых помещений треста «Ижлес»³⁶⁷.

В конце августа 1947 г. все рабочие Увинского торфопредприятия, а также военнопленные, трудились с 8 до 17 часов, включая 60-минутный обеденный перерыв. По распоряжению директора И. Г. Броженко, в эти дни в ремонтно-механических мастерских и в кузнице должны были работать 45 бывших иностранных солдат и 30 вольнонаемных сотрудников. 20 пленным надлежало выполнять свои обязанности на заготовке, погрузке и вывозке лесоматериала.

³⁶³ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 75. Л. 12 об. – 13.

³⁶⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.

³⁶⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 58. Л. 486 об.

³⁶⁶ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 693. Л. 246 об., 323.

³⁶⁷ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4908. Л. 8.

15 иностранцам было поручено работать на строительстве одноэтажного деревянного здания начальной школы в пос. Рябово. Такое же количество военнопленных снаряжалось для ремонта электростанции, паровозного депо и оборудования вагонов для вывозки торфа. Представители спецконтингента вместе с вольнонаемными рабочими должны были находиться также на распиловке лесоматериала, заготовке топлива для паровозов и электростанции, сушке, уборке, вывозке и отгрузке торфа³⁶⁸. В октябре 1947 г. бывшие иностранные военнослужащие покинули Увинское торфопредприятие³⁶⁹.

Пленные из 4-го отделения лагеря № 75, располагавшегося на северной окраине пос. Ува, работали на местном лесозаводе и на погрузке-разгрузке железнодорожных вагонов. Иностранцы не отличались высокой производительностью труда. Так, в январе 1946 г. из-за медленной и неэффективной работы бывших солдат вермахта неразгруженные вагоны простаивали целыми сутками. В связи с этим на одном из собраний парторганизации лесозавода было высказано мнение о том, что нужно внимательнее присматривать за иностранцами и не давать им возможности саботировать выполнение их обязанностей³⁷⁰.

Значительный объем работ выполнили пленные из лагеря № 371. Ижевский пункт пребывания бывших вражеских военнослужащих в 1946 г. являлся одним из благополучных учреждений подобного рода, находившихся в системе ГУПВИ НКВД СССР. В июне производственные задания ежедневно перевыполнялись. По информации начальника Управления пункта содержания спецконтингента Ф.М. Максимова, озвученной на одном из собраний сотрудников МВД УАССР, производительность труда военнопленных в 1946 г. повысилась в феврале на 3 %, марте – на 9,6 %, апреле – на 12,2 %, мае – на 2,3 %. В это время лагерь № 371 добился рентабельности и имел возможность сдать в доход государства за второй квартал 1946 г. 1 млн. руб. В своем выступлении Ф. М. Максимов заявил о

³⁶⁸ Архивный отдел Администрации МО «Увинский район». Ф. 216. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–50.

³⁶⁹ ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 101. Л. 86, 92.

³⁷⁰ ЦДНИ УР. Ф. 984. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об., 11 об.

поставленной перед возглавляемым им коллективом цели выйти в число лучших лагерей в системе ГУПВИ³⁷¹. Предпринятые с лета 1946 г. меры были направлены на реализацию этого плана. Для его выполнения руководство лагеря № 371 старалось максимально вовлечь в трудовой процесс всех физически здоровых пленных. Поэтому эти иностранцы были задействованы на многих предприятиях г. Ижевска.

В частности, военнопленные трудились в системе треста «Удмуртстрой» Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР, на заводах № 71, 74, 524, 622, в тресте № 51 Министерства вооружений СССР. Кроме того, их можно было увидеть на объектах хозяйственных отделов Удмуртского обкома ВКП(б), МВД и МГБ УАССР, республиканского Министерства сельского хозяйства, Ижгорторга, колонии для несовершеннолетних правонарушителей, нефтебазы, Живсовхоза, хлебозавода № 2, клуба имени Октябрьской революции, мясокомбината, стадиона «Динамо».

Небольшое количество иностранных работников привлекалось на заводы мотоципелей, № 4 и № 46 (имени В. И. Ленина) Министерства строительного и дорожного машиностроения СССР.

Пленные участвовали в возведении Русского драмтеатра, в ремонте зданий республиканской типографии, школы № 24, детского сада, расположенного в заречной части города, трудились в Парке культуры и отдыха имени С. М. Кирова. Эти иностранные работники были задействованы в строительстве металлической лестницы, соединяющей улицу Советскую с набережной городского пруда, трудились на ТЭЦ³⁷². Они были заняты и на транспортных объектах – в депо отделения Казанской железной дороги, а также на территории Увинского вокзала, располагавшегося в г. Ижевске.

В середине 1945 г. по предложению первого секретаря Удмуртского обкома ВКП(б) А. П. Чекинова Управление лагеря № 371 выделило 50 пленных для

³⁷¹ ЦДНИ УР. Ф. 129. Оп. 2. Д. 35. Л. 1–2.

³⁷² ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 37. Л. 93.

ремонта трамвайных путей³⁷³. Зимой после обильных осадков военнопленные помогали расчищать их от снега. Бывшие иностранные солдаты участвовали также в строительстве зданий трамвайного депо № 1, располагавшегося на ул. К. Маркса³⁷⁴.

Военнопленные из 1-го и 2-го отделений лагеря № 371 выполняли вмененные им обязанности и за пределами Ижевска. Например, в первой половине 1948 г. они трудились в системе Пумсинского лесопункта, в вагонном депо ст. Ува³⁷⁵.

Немалый объем работы пленные произвели в системе строительного треста № 51. Поскольку указанное предприятие входило в структуру Наркомата (Министерства) вооружений СССР, оно работало по заданиям предприятий оборонной промышленности г. Ижевска. Поэтому бывшие иностранные военнослужащие были заняты на строительстве, реконструкции производственных корпусов и других зданий непосредственно на территории заводов № 71, 74, 524, 622. Трест оплачивал расходы на дополнительную охрану представителей спецконтингента³⁷⁶. На этом предприятии иностранцы играли заметную роль в трудовом процессе. Достаточно сказать, что в 1946 г. пленные и заключенные из ИТК составляли 22,4 % от общего количества работников треста № 51³⁷⁷.

К марту 1947 г. на этом предприятии работали 988 бывших иностранных солдат³⁷⁸. В эти же сроки в тресте было зарегистрировано максимальное число представителей спецконтингента. В 1947 г. иностранцы вместе с заключенными из ИТК составляли 23,4 % всего коллектива работников. В 1948 г. в связи разворачивающейся репатриацией этот показатель снизился до 16,8 %³⁷⁹.

В некоторых случаях труд бывших вражеских солдат, трудившихся на

³⁷³ ЦГА УР. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 974. Л. 15, 23.

³⁷⁴ Беселев В. Наш ижевский трамвай. Следующая остановка... Презентационная книга, посвященная 70-летию ижевского трамвая. Ижевск, 2005. С. 22, 25.

³⁷⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 45–46, 97, 113, 118 об., 119.

³⁷⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 52. Л. 58.

³⁷⁷ ЦДНИ УР. Ф. 54. Оп. 1. Д. 361. Л. 21.

³⁷⁸ Венгерские военнопленные в СССР. С. 216.

³⁷⁹ ЦДНИ УР. Ф. 54. Оп. 1. Д. 361. Л. 21.

объектах треста, использовался малоэффективно. Дело в том, что вольнонаемные мастера в стремлении достичь высоких процентов выполнения своих плановых показателей старались взять на предприятие или стройку как можно больше военнопленных. При этом они не всегда заботились о рациональном использовании труда иностранцев. Например, на кирпичном заводе для нормальной работы пресса достаточно 12 человек, а мастер снарядил туда 20 пленных. В результате, дневной план пресса был реализован на 115 %, а иностранцы в отдельности смогли наработать лишь 50–70 %³⁸⁰.

В 1946 г. рабочие 2-го стройуправления треста № 51 вместе с пленными произвели капитальный ремонт десяти бараков лагеря № 371. В 1947 г. этому пункту содержания бывших иностранных солдат были переданы 16 подобных строений общей жилой площадью 5 242 квадратных метра³⁸¹. Помимо этого, при участии военнопленных в районе «Соцгород» и в западной части Ижевска возводились каменные жилые дома для рабочих и сотрудников крупнейших предприятий, а также столовая металлургического предприятия³⁸².

Так, в 1947–1948 гг. на улице Орджоникидзе работники треста № 51 построили кирпичное двухэтажное здание, рассчитанное на 130 жильцов. Новый дом, который при виде сверху напоминает букву «Г», предназначался для общежития молодых специалистов завода № 71. Заселять здание было разрешено по Акту приемочной комиссии Горисполкома от 13 ноября 1948 г. На первом этаже строители соорудили просторное помещение для магазина. В возведении этого здания военнопленные приняли заметное участие. Из лагеря № 371 их привозили на автомашинах. Вместе с пленными дом строили заключенные из исправительно-трудовой колонии, а также вольнонаемные рабочие. Бывшие солдаты иностранных армий трудились под охраной дополнительного конвоя, деятельность которого обеспечивалась на средства треста № 51. Строительство здания было механизированным. В работах применялись экскаватор, ленточный

³⁸⁰ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 26 об.

³⁸¹ ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 46. Л. 51.

³⁸² ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 39. Л. 17 об.

транспортер, растворонасос и другие агрегаты. Вновь возведенный дом по улице Орджоникидзе удачно вписался в ее облик. Он был включен в «Конкурс на лучшие жилые и гражданские здания, выстроенные в городах РСФСР»³⁸³. В настоящее время это действующий жилой многоквартирный дом с магазином на первом этаже (Приложение 5).

Помимо строительства и работы на предприятиях треста № 51 бывшие иностранные солдаты были задействованы непосредственно на производстве. На металлургическом заводе № 71 пленные (в основном из 2-го отделения) работали в цехах № 14, 15, 16, 19, 24³⁸⁴, 25, 27, 38, 39, 55, 83. В сентябре 1945 г. на производство выходили примерно 485 иностранцев в день. На подсобные работы вне предприятия направлялось около 84 военнопленных. В октябре среднесуточное количество бывших солдат армий гитлеровского блока в цехах увеличилось до 551 человека. При этом на вспомогательных работах было задействовано около 90 иностранцев. В ноябре эти же показатели составили соответственно – 505 и 113 человек³⁸⁵.

В данный период пленные первой и второй категории трудоспособности были заняты на производстве 8 часов в день. Представители третьей группы выполняли свои обязанности 6 часов в сутки на облегченных работах. Контингент не был полностью обеспечен зимним обмундированием – не хватало валенок. Для работ на открытом воздухе иностранцам выдавались дополнительные носки, портянки и даже лапти³⁸⁶.

В 1946 г. военнопленные выполняли работы по оборудованию канализации стана «270». Производительность труда бывших иностранных военнослужащих на данном объекте оказалась крайне низкой. Достаточно сказать, что выполнение норм в ряде случаев упало до 5–6 %. Руководство металлургического завода

³⁸³ ЦГА УР. Ф. Р-1309. Оп. 2. Д. 17. Л. 95–100 об.

³⁸⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 5. Л. 334.

³⁸⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 241. Л. 92 об., 98 об., 100 об.

³⁸⁶ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 37.

отмечало отсутствие проверки трудовой деятельности бывших иностранных солдат со стороны Управления лагеря³⁸⁷.

К марту 1947 г. в цехах предприятия были задействованы 1 100 пленных, в основном немцев, румын и венгров³⁸⁸. В специальной справке от 24 марта 1948 г., отправленной на имя начальника Управления лагеря № 371 капитана С. А. Полпудникова, руководство завода № 71 сообщило о том, что от общего числа рабочих предприятия военнопленные составляли 8,6 %. Это примерно совпадает с данными октября-ноября 1947 г. В этот период общая численность рабочих колебалась около 11 тыс. человек³⁸⁹. Таким образом, в середине осени 1947 г. на предприятии трудились около 950 бывших иностранных солдат.

В 1945 г. на заводе № 71 выработка на одного человека у пленных оказалась в 2 раза меньше, чем у вольнонаемных сотрудников. В большинстве случаев труд значительной части спецконтингента был неквалифицированным, применялся в основном на вспомогательных работах. В то же время бригады, занятые в металлургических цехах, испытывали недостаток в людях³⁹⁰.

Военнопленные обманули надежды руководства завода № 71, не оправдали ожиданий. При этом металлургическое предприятие затрачивало на их обеспечение одеждой, обувью, питанием и другими видами снабжения слишком много материальных и финансовых средств. В результате, возникло намерение заменить бывших иностранных солдат советскими вольнонаемными рабочими. В докладе директора предприятия Д. Савельева Управлению металлургическим производством Министерства вооружений СССР говорится: «...Перед заводом в истекшем 1948 г. стояла задача полностью укомплектовать основные производственные цеха полноценной рабочей силой, освободиться от применения дорогостоящего труда военнопленных...». Это намерение было реализовано. В том же документе сообщается: «...Поставленные задачи заводом успешно выполнены. За 1948 г. на завод принято 4 943 человека... К середине 1948 г.

³⁸⁷ ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 39. Л. 3.

³⁸⁸ Венгерские военнопленные в СССР. С. 216.

³⁸⁹ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 325. Л. 16–17, 20.

³⁹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 248. Л. 135.

военнопленные были полностью заменены, а основные цехи укомплектованы полноценной рабочей силой...»³⁹¹.

Бывшие солдаты разгромленных армий трудились и на территории завода № 74. Например, пленные, имевшие квалификацию сварщика, активно содействовали восстановлению корпуса мотоциклетного производства. 26 мая 1946 г. данное производственное помещение понесло значительный ущерб в результате пожара. В ходе ремонта корпуса администрация лагеря № 371 сообщала, что иностранные работники нерационально используются³⁹². Необходимо отметить, что военнопленные трудились не только на строительстве или реконструкции помещений на территории завода № 74, но и находились непосредственно на производстве. В частности, они были задействованы в цехах № 30³⁹³, 52.

Особую ценность для исследования вопроса о трудовой деятельности представителей спецконтингента на заводе № 74 представляет свидетельство одного из бывших военнопленных, который во второй половине сороковых годов находился в лагере № 371. В апреле 2008 г. в редакции ижевской газеты «Колесо обозрения» стало известно о письме пожилого немца из северогерманского города Ной-Шенберга (земля Шлезвиг-Гольштейн). Бывший военнопленный, 85-летний В. Герберт написал сотруднику одной из немецких фирм Закманну следующее:

«Уважаемый, дорогой г-н Закманн!

...2 ноября прошлого года меня положительно впечатлила статья «Ростэр из города Калашникова» в газете «Фрайе пресс».

Одним мигом я прочитал всю статью и был очень удивлен, что Вы имеете более 20 лет деловой контакт с городом, который мне не чужд...

Уважаемый г-н Закманн, около 60 лет назад, точнее сказать, с апреля 1945 года по 23 декабря 1949 года я находился в военном плену. После долгой поездки

³⁹¹ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 403. Л. 42.

³⁹² ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 37. Л. 80.

³⁹³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 5. Л. 334.

нас, военнопленных, грузовой поезд привез в трудовой лагерь, который находился в западной части города Ижевска.

После того, как я набрался сил, стал работать на кирпичном заводе, который находился недалеко от нашего лагеря.

Из-за нашего усердия (мы часто перевыполняли норму) я вновь стал дистрофиком и попал в колхоз, находившийся к северу от Ижевска. Там выращивали овощи. Мы работали на больших полях, где росли капуста и картофель.

После улучшения здоровья мне поручили новое задание уже опять в Ижевске. Я находился на различных строительных объектах в центре города, включая объект, где выпускали оружие Калашникова.

Эту территорию окружал высокий деревянный забор, на определенном расстоянии от которого находились башни.

При входе через главные ворота нас ожидали уже несколько министров. Одним нужны были 5 работников, другим – 10 и более. В области, в которой мы находились, мы могли свободно перемещаться. Мне также вспомнилось, что в соседнем отделе работали немецкие инженеры, специализирующиеся в разработке мотоциклов. Но у нас не было контакта с ними. Там выпускались мотоциклы «Иж», которые использовались и в русской армии.

Вы можете себе представить, дорогой г-н Закманн, как часто мои мысли обращаются к Ижевску, после того, как я в газете прочитал о Ваших намерениях?!

Мне бы очень хотелось (за свой счет) съездить с Вами в Ижевск, чтобы посмотреть, насколько изменился город. Но, к сожалению, моя мечта, наверное, не исполнится из-за состояния здоровья. К тому же мне уже 85 лет.

Может быть, Вы дадите мне возможность познакомиться с Вами лично, я был бы этому очень рад и бесконечно благодарен...

С наилучшими пожеланиями Ваш Вальтер Герберт из Ной-Шенберга»³⁹⁴.

³⁹⁴ Перовошиков Д. В. Военнопленные в Приуралье. 1941–1949 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 55.

Автор письма своими воспоминаниями подтверждает и дополняет недостаточно полные архивные данные о работе пленных из первого (заречного) отделения ижевского лагеря на территории завода № 74, где в послевоенные годы выпускались автоматы системы Калашникова и мотоциклы. Под «министрами» в письме подразумеваются начальники цехов и другие представители руководящего состава завода № 74.

В тексте документа подтверждается и тот факт, что для этого бывшего солдата вермахта советский плен не являлся каким-то кошмарным и чрезвычайно трагическим событием, иначе не существовало бы желания побывать в столице Удмуртии, вспомнить свою жизнь и трудовую деятельность в этом городе. 6 сентября 1948 г. бывший унтер-офицер вермахта 26-летний В. Герберт покинул Ижевск в числе одной из последних партий военнопленных, находившихся в городе³⁹⁵.

Крупнейшие предприятия не только обеспечивали пленных работой, но вместе с Управлением лагеря № 371 несли ответственность за их физическое состояние. Подтверждением тому служит директива заместителя министра вооружения СССР Н. Агеева директору завода № 74 П. А. Сысоеву. В документе от 11 сентября 1947 г., в частности, говорится: «В целях обеспечения крепкого физического состояния работающих военнопленных необходимо, чтобы для них были созданы нормальные условия труда и быта в осенне-зимний период 1947–1948 гг., исключающие деградацию физического состояния контингента и выход его из строя, как рабочей силы.

В этих целях МВД СССР даны указания полностью закончить подготовку лагерей к зиме до 1 октября с.г.

Обязываю Вас оказать лагерю, обслуживающему Ваш завод, быструю и реальную помощь в проведении всех мероприятий, связанных с подготовкой лагерей к зиме.

В частности, необходимо оказать лагерю помощь выделением транспорта для уборки урожая подсобных хозяйств, завоза овощей и топлива, а также

³⁹⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 755. Л. 184.

выделением необходимых стройматериалов для благоустройства, ремонта и утепления помещений.

Предупреждаю, что МВД не допускает содержания военнопленных в непригодных для зимы помещениях, необеспеченных установленным запасом топлива и необходимыми подсобными службами, и не подготовленные к зиме полностью к установленному сроку лагеря расформирует.

Об исполнении доложите»³⁹⁶. Текст документа свидетельствует о тесном сотрудничестве лагеря № 371 и завода № 74 в деле обеспечения нормальных условий проживания и трудовой деятельности военнопленных, находившихся в то время в г. Ижевске. Таким образом, осенью 1947 г. этот пункт содержания спецконтингента не остался один на один с проблемами, связанными с подготовкой его к зиме, обеспечением стройматериалами и транспортом, а также другими мерами, направленными на достижение приемлемого уровня трудоспособности бывших солдат и офицеров разгромленных иностранных армий.

В 1948 г. допуск военнопленных на завод № 74 и в его отдельные цеха производился по особому порядку. В частности, на каждую бригаду этих иностранных работников составлялся специальный список, утвержденный начальником Управления лагеря № 371 и директором оборонного предприятия. Представители спецконтингента под конвоем входили на завод и покидали его побригадно, по отдельному графику через специальный контрольно-пропускной пункт. В апреле 1948 г. полковник Бухарин, временно исполняющий обязанности командира 17-й дивизии МВД СССР, специализирующейся на охране важнейших промышленных объектов и железнодорожных магистралей, предложил в письме руководству завода № 74 сократить, по возможности, места работ военнопленных, использовать их наиболее компактно, а также усилить их охрану так, чтобы на каждые 50-75 иностранцев приходилось 6 человек конвоя³⁹⁷. Такие меры в отношении иностранных работников были связаны, в том числе, с

³⁹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 2045. Л. 15.

³⁹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 15. Д. 2045. Л. 23.

подготовкой массового выпуска новых образцов вооружения, в том числе, АК-47. Представителям спецконтингента, конечно, не полагалось знать об этом, хотя из вышеупомянутого письма В. Герберта следует, что какая-то информация все же просочилась к ним.

Эффективность работы военнопленных на ижевских предприятиях и стройках постепенно возрастала. К августу 1948 г. их производительность труда значительно повысилась, достигнув 149,4 %. В апреле самоокупаемость лагеря № 371 составляла 142 %. К концу лета 1948 г. от пленных поступило три рационализаторских предложения, из которых два было реализовано. В апреле лучшими подразделениями по выполнению производственных норм являлись роты под руководством Эндерса, Коха, Гайслера, Куданского. Уровень выполнения ими плановых показателей составлял от 138 до 161 %. В марте лучшими бригадами являлись немцы Трейде, Денк, Кармес, Ренер, Винглер.

Среди пленных, занятых на различных предприятиях Ижевска, встречались передовики производства. В сентябре 1947 г. 4 роты бывших венгерских солдат систематически выполняли и даже перевыполняли производственные нормы от 110 до 139,7 %. Максимальных показателей добились пленные, которыми руководил Я. Иштван. Среди успешных производственников числились также венгры И. Ваконди, Л. Алмохт, И. Георгени³⁹⁸. В феврале-марте 1948 г. лучшими бригадами среди пленных являлись на кирпичном заводе – немец Енаке, в деревообделочном цехе – румын Томашку, в цехе № 52 завода № 74 – их соотечественники Татар и Дэмэрою, на Увинском вокзале – венгр Кадар, на 4-м механическом заводе – Денк, на базе металлоконструкций – Шилинг, на заводе № 524 – Ритгерот³⁹⁹.

В процессе трудового использования военнопленных на ижевских предприятиях и стройках иногда возникали проблемы, связанные с недостаточным снабжением и не всегда удовлетворительной организацией их деятельности. Например, летом 1947 г. на заводах № 71 и 74 некоторые

³⁹⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 16, 21, 30 об. – 31.

³⁹⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 116.

представители спецконтингента оказались не обеспеченными спецодеждой и дополнительным питанием при работе во вредных для здоровья цехах.

В целом, в начале 1947 г. в столице УАССР выполняли свои трудовые обязанности свыше 2 080 бывших иностранных солдат и офицеров⁴⁰⁰. Шесть месяцев спустя, на предприятиях треста № 51 работали 714 пленных, на заводах № 71, 74, 524 – соответственно 1 241, 291, 26 человек. На объектах МВД Удмуртской АССР трудились 140, на 4-м механическом заводе – 49 иностранцев. К осени количество пленных, задействованных на крупнейших ижевских предприятиях, снизилось. В ноябре 1947 г. в тресте № 51 работали 334 человека, на заводе № 71 и 74 – 526 и 214 пленных соответственно⁴⁰¹. Но два месяца спустя, их присутствие на некоторых предприятиях вновь возросло. Данные на январь 1948 г. представлены в таблице 2:

Таблица 2 – Численность военнопленных на ижевских предприятиях и в организациях в начале 1948 г.

Предприятия и организации	Количество военнопленных
Трест № 51	700
Завод № 71	1 104
Завод № 74	200
Завод № 524	99
Объекты треста «Удмуртстрой»	39
4-й механический завод	100
Хозотделы МВД и МГБ УАССР	81
Ижгорторг	7
Лагерь № 371	96

Источник: РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 11.

⁴⁰⁰ Венгерские военнопленные в СССР. С. 216.

⁴⁰¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 5. Л. 157, 332, 334.

К 1 марта 1948 г. всего на работах в городе трудились 888 представителей спецконтингента. Наибольшая часть военнопленных числилась в системе строительного треста № 51 – 328 человек. К этому сроку количество ижевских организаций, где были задействованы иностранные работники, еще более увеличилось. Некоторые из таких дополнительных объектов, куда привлекли бывших солдат и офицеров армий гитлеровского альянса в марте 1948 г., представлены в таблице 3:

Таблица 3 – Численность военнопленных на ижевских предприятиях и в организациях в марте 1948 г.

Предприятия и организации	Количество военнопленных
Типография	20
Увинский вокзал в г. Ижевске	45
Детская колония	11
Завод № 622	35
Депо отделения Казанской железной дороги	20
База металлоконструкций треста № 51	68
Кирпичный завод треста № 51	95
Деревообделочный цех треста № 51	36
Строительство жилых домов для рабочих завода № 622	39
Цех № 39 завода № 71	180

Источник: РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 45–46.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о резком сокращении в начале весны количества пленных, занятых на металлургическом предприятии. С 16

февраля 1948 г. был прекращен вывод иностранцев на большинство объектов заводов № 71, 74, а с 7 марта и завода № 524. Обосновывалась эта мера тем, что на указанных предприятиях увеличился выпуск оборонной продукции. Внедрялось массовое производство новых образцов. Поэтому часть высвободившихся пленных была переведена на работы в другие предприятия. С этим и связано произошедшее в марте 1948 г. увеличение количества организаций, где трудились иностранцы. Впрочем, весной 1948 г. на заводе № 74 еще работали несколько десятков пленных: в марте – 15, апреле – 40, мае – 60 человек. Эти бывшие военнослужащие разгромленных армий были задействованы в цехах, где не действовал режим секретности⁴⁰².

В мае 1948 г. количество работавших в городе пленных выросло до 1037 человек. В эти же сроки вновь появились дополнительные организации, где был задействован спецконтингент из лагеря № 371. Они перечислены в таблице 4:

Таблица 4 – Численность военнопленных на ижевских предприятиях и в организациях в мае 1948 г.

Предприятия и организации	Количество военнопленных
Удмуртский обком ВКП(б)	15
Завод № 46 им. Ленина	73
Нефтебаза	11
Живсовхоз	12
Хлебозавод № 2	8
Завод мотоцепей	7

Источник: РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 45–46, 97, 113, 118 об., 119.

Следует отметить, что в шести вышеуказанных организациях труд бывших иностранных солдат использовался в основном на вспомогательных работах по хозяйству.

⁴⁰² ЦГА УР. Ф. 543. Оп. 15. Д. 2080. Л. 183.

Таким образом, пленные из ижевского лагеря были задействованы во многих предприятиях и структурах, где ощущался недостаток работников. Использование труда спецконтингента приближалось к максимальному. Руководство лагеря № 371 стремилось полностью реализовать производственный потенциал своих подопечных. Оно старалось вывести на работы всех физически здоровых иностранцев во все те предприятия, где в той или иной степени сказывался дефицит сотрудников. Весьма значительный масштаб привлечения пленных к труду на городских объектах характеризуется тем, что в 1945–1948 гг. они были задействованы в системе, как минимум, 7 ижевских заводов и 22 организаций.

В послевоенные годы на предприятиях столицы республики, где работали бывшие вражеские военнослужащие, заметной, хотя и не опасной для жизни проблемой являлся их производственный травматизм. Все случаи такого рода регистрировались в отчетных документах Управления лагеря № 371, а затем принимались меры для недопущения их повторения. В частности, в начале 1948 г. на имя руководителя ОПВИ МВД УАССР лейтенанта Бутолина было отправлено сообщение начальника Управления лагеря № 371 С. А. Полпудникова о трех случаях травматизма среди пленных в январе. Документ дает определенное представление о степени тяжести повреждений, которые получали некоторые пленные в процессе своей трудовой деятельности. Так, немец Л. Коркус, работая на кирпичном заводе треста № 51, упал с лестницы. Это привело к перелому ребра левой половины груди. Венгр П. Балга, находясь на базе металлоконструкций, в результате падения железа на руку получил рваную рану второго пальца левой кисти. Пленный немец Ф. Райц в цехе № 39 металлургического завода во время чистки строгального станка от стружек порезал второй палец правой кисти. В феврале 1948 г. бывший солдат вермахта Г. Брунк в цехе № 14 завода № 524, работая лопатой, получил рассечение верхней губы от отлетевшего куска мерзлой земли⁴⁰³. Причиной всех этих случаев травматизма являлась недостаточная подготовленность многих пленных к

⁴⁰³ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 12, 24.

физическому труду и несоблюдение ими самых элементарных правил техники безопасности.

Бывшие солдаты и офицеры разгромленных армий, содержащиеся в лагере № 371, работали не только в столице Удмуртии. В 1945 г. некоторых из них разместили в районе пос. Лынга Якшур-Бодьинского района. Пленные из 3-го отделения лагеря № 371 были задействованы на 147-м участке Пастуховского лесопункта треста «Ижлес». Они валили лес, грузили заготовленное древесное сырье, а также участвовали в дорожном строительстве⁴⁰⁴. В ряде случаев мастерами, руководившими трудовой деятельностью пленных, назначались советские немцы, прибывшие в Удмуртию из Поволжья. Например, в июле 1945 г. на эту руководящую должность вступил моторист лесопункта спецпереселенец Краузе, которому был предоставлен ежемесячный оклад размером 400 руб.⁴⁰⁵ Таким образом между работниками и мастером, говорящими на одном языке, устанавливалось полное взаимопонимание, что положительным образом сказывалось на эффективности их труда.

При этом степень занятости спецконтингента на лесозаготовках была недостаточно высокой. Так, в ноябре 1945 г. из 513 пленных, содержащихся в районе пос. Лынга, лишь 309 человек трудились на вверенных им участках⁴⁰⁶. Бывшие иностранные военнослужащие, занятые в системе Пастуховского лесопункта, не отличались высокой производительностью труда. Рабочая сила пленных использовалась неудовлетворительно. 25 ноября 1945 г. на собрании партийной организации лесопункта начальнику 3-го отделения лагеря № 371 Г. И. Коренюку было поручено принять меры для повышения производительности труда его подопечных и добиться максимального их вовлечения в производственный процесс⁴⁰⁷. Однако эту задачу решить до конца не удалось. 20 декабря 1945 г. на партийном собрании парторг обкома ВКП(б) Т. Агеев,

⁴⁰⁴ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 203.

⁴⁰⁵ Архивный отдел Администрации МО «Якшур-Бодьинский район». Ф. 175. Оп. 2. Д. 9. Л. 157.

⁴⁰⁶ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 2. Л. 143.

⁴⁰⁷ ЦДНИ УР. Ф. 806. Оп. 1. Д. 10. Л. 18–18 об.

работавший на Пастуховском лесопункте, заявил: «...Все наши расчеты на военнопленных провалились, так как многие из них по ряду причин не стали выходить на работу». При этом было отмечено невыполнение этими иностранцами норм выработки⁴⁰⁸. Низкая продуктивность труда спецконтингента послужила одной из причин довольно быстрого расформирования лынгинского пункта содержания пленных, которые уже в начале 1946 г. выехали из пределов 147-го участка.

В 1945 г. часть контингента была переброшена в г. Воткинск. 4-е отделение лагеря № 371 было сформировано специально для участия пленных в ремонте плотины местного пруда-водохранилища, состоявшей в значительной мере из обветшалых деревянных конструкций. Гидросооружение находилось в аварийном состоянии. Реконструкция плотины была крайне необходима. Планировалось провести значительный объем работ. В помощь коллективу 3-го стройуправления треста № 51, который трудился на данном объекте, были отправлены военнопленные. С первых часов капитального ремонта плотины они стали использоваться на разборе старых конструкций. Одновременно велось строительство укреплений, позволявших возводить основание нового сооружения. Переезд части контингента пленных лагеря № 371 в г. Воткинск был осуществлен по просьбе заместителя наркома вооружения СССР Н. Д. Агеева. В 1945 г. он отправил на имя первого секретаря Удмуртского обкома ВКП(б) А. П. Чекинова телеграмму, в которой говорилось: «Для выполнения аварийных работ по плотине завода № 235 прошу перевести в Воткинск тресту № 51 – 600 человек военнопленных за счет снятия с торфопредприятия 400 чел., с завода № 71 – 100 чел., треста № 51 – 100 чел. Переброску контингента необходимо провести до 3 сентября 1945 г.»⁴⁰⁹. В письме наркома внутренних дел Удмуртской АССР Ф. В. Баранова от 20 августа, посланном на имя А. П. Чекинова, говорится о выполнении этого плана: «Доношу, что пункт третий решения бюро Удмуртского обкома ВКП(б) от 16 августа 1945 г. в части перевода 650 чел. военнопленных из

⁴⁰⁸ ЦДНИ УР. Ф. 756. Оп. 1. Д. 460. Л. 29 об.

⁴⁰⁹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4160. Л. 81.

ижевского лагеря для работы на Воткинской плотине в городе Воткинске выполнен»⁴¹⁰. Однако в скором времени, вероятно, часть спецконтингента была переведена на другие объекты, где требовалась рабочая сила. Судя по информации из доклада о деятельности 3-го стройуправления треста № 51 за 1945 г., в системе этой организации в указанный период трудились только 143 пленных. Вместе с ними на стройке можно были заняты рабочие с самого предприятия, мобилизованных колхозников и заключенных из исправительно-трудовой колонии. В вышеуказанном докладе начальник стройуправления С. Никольский выявил основные причины низкой производительности труда как пленных, так и других категорий работников. В частности, был отмечен разношерстный и часто сменяемый состав коллектива, непосредственно занятого на реконструкции плотины. Профессиональные строители составляли в этой группе лишь 21,4 %. Остальные работники не имели квалификации и опыта. При этом военнопленные крайне отрицательно относились к порученному делу. Трудовые нормы они выполняли лишь до 30-40 %⁴¹¹. Дело в том, что контингент 4-го отделения лагеря № 371 состоял в основном из интеллигентов, торговцев, не привыкших к физическому труду⁴¹². По свидетельству бывшего сотрудника завода № 235 З. А. Маймана, пленные немцы, румыны и венгры были задействованы на вспомогательных работах⁴¹³.

Несмотря на многочисленные проблемы, реконструкция плотины в г. Воткинске была проведена успешно и без серьезных задержек. Уже в июле 1946 г. специальная комиссия приняла сооружение водосброса-водозабора в постоянную эксплуатацию⁴¹⁴. Кроме плотины, пленные из 4-го отделения лагеря № 371, размещенного в г. Воткинске, трудились на ТЭЦ. В декабре 1945 г. 30 человек работали на заводе № 235, 29 пленных были заняты на производстве железнодорожных шпал. Всего на предприятиях города в этом месяце трудилось

⁴¹⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4154. Л. 120.

⁴¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 3. Д. 229. Л. 5 об.

⁴¹² РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 252.

⁴¹³ Управление по делам архивов Администрации МО «Город Воткинск». Ф. 410. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

⁴¹⁴ ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 4 д, Д. 44. Л. 8.

505 бывших военнослужащих из армий гитлеровского альянса⁴¹⁵. После окончания работ на плотине, в конце июня 1946 г. контингент 4-го отделения лагеря № 371 покинул г. Воткинск⁴¹⁶.

Пленные, жившие и работавшие в Ижевске, подразделялись на 4 категории трудоспособности. Так, по положению на 31 декабря 1946 г. из общего количества бывших солдат и офицеров противника в составе 3 527 человек, 585 иностранцев были отнесены к первой категории трудоспособности, 1 210 — ко второй, 1401 — к третьей и 6 — к четвертой. Остальные пленные находились в оздоровительной команде и лазарете. При этом иностранцы из третьей группы трудоспособности еще в феврале были переведены на 6-часовой рабочий день⁴¹⁷. Таким образом, на практике реализовывались основные положения вышеупомянутой Директивы УПВИ НКВД СССР № 28/7309 от 17 июля 1942 г.

После 1946 г. в лагере № 371 в полной мере развернулся процесс репатриации. В 1948 г. на подсобных предприятиях треста № 51 работало лишь 170 пленных⁴¹⁸. В мае из лагеря отправились на родину 769 человек. В результате, отделение № 2, располагавшееся в северо-западной части Ижевска, было расформировано. 9 июля 1948 г. все физически здоровые военнопленные в составе 244 человек были отправлены из лагеря № 371 в распоряжение дорожно-строительной дивизии Особого дорожно-строительного корпуса (ДСД ОДСК) МВД СССР. В самом начале осени 122 пленных выехали на родину в рамках очередного этапа репатриации. Это привело к тому, что 5 сентября вся производственная работа в лагере № 371 прекратилась⁴¹⁹.

Строительные объекты, незавершенные военнопленными, были закончены уже вольнонаемными рабочими. Это относится как к промышленной инфраструктуре, так и к некоторым жилым домам г. Ижевска.

Репатриация военнопленных, уже после 1946 г активизировавшаяся в

⁴¹⁵ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 234.

⁴¹⁶ ЦДНИ УР. Ф. 724. Оп. 1. Д. 354. Л. 119 об.

⁴¹⁷ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 3. Л. 57, 271.

⁴¹⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 52. Л. 13.

⁴¹⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 98, 150–151.

лагерях, расположенных в республике, создала непростую ситуацию на некоторых ижевских предприятиях, немалое количество сотрудников которых состояло из бывших иностранных военнослужащих. Вновь возникла проблема нехватки рабочих рук.

Военнопленные чаще всего были заняты на подсобной работе. Они отличались низкой производительностью труда. Невыполнение норм выработки по причине нежелания работать или низкой квалификации было среди военнопленных довольно частым явлением. Во многих случаях их труд не компенсировал всех затрат на их содержание. Это являлось одной из важных причин довольно скоро развернувшегося процесса репатриации из СССР.

Основная масса бывших солдат и офицеров армий гитлеровского альянса, содержащихся в лагере № 510, работала на торфопредприятии «Дзякино», находившегося в системе Наркомата вооружений СССР. Первые 69 пленных, прибывшие из глазовского спецгоспиталя № 3779, появились здесь в январе 1945 г. К 12 марта их уже было 250 человек. Большинство из пленных еще не до конца выздоровели и набирались сил после болезней, поэтому рассчитывать на их эффективную трудовую деятельность не приходилось. Иностранцы были заняты лишь на внутрилагерных работах⁴²⁰.

В апреле, после поступления более обширной партии спецконтингента пленные уже участвовали в добыче торфа и заготовке дров для завода № 544, расположенного в г. Глазове. Немалая их часть была задействована также на болотно-подготовительных работах и на строймонтаже.

В группе бывших солдат армий гитлеровского блока, работавших на добыче топлива для завода № 544, имелись передовики производства. Среди них особенно выделялись немец Гехт, итальянец Ланди. Они регулярно выполняли норму соответственно на 125 %, 129 % и более. Чуть отстал от них пленный Гайнеман – 117 % и выше. Однако общие показатели спецконтингента, задействованного на торфоразработках, были гораздо хуже. В июне 1945 г. вся группа пленных, работавшая на добыче топлива, выполнила норму лишь на 50 %.

⁴²⁰ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4158. Л. 49.

После этого были приняты меры для улучшения работы иностранцев. В результате, уже в июле обобщенные показатели всех работавших пленных оказались намного выше – 100 % и более.

Для улучшения труда иностранных работников в лагере демонстрировалась доска учета, где фиксировалось ежедневное выполнение производственных норм по бригадам. Судя по отчету руководства Управления лагеря № 510, в августе 1945 г. производительность труда пленных оказалась не ниже, чем в июле, а невыполнение норм было редким явлением⁴²¹. Однако руководство торфопредприятия «Дзякино» отмечало недостаточный уровень организации труда военнопленных. При этом надо учесть, что летом 1945 г. спецконтингент лагеря № 510 составлял основную массу работников, участвовавших в добыче топлива⁴²².

Военнопленные заготовили значительный объем торфа и дров для завода № 544. Однако в этом деле они не всегда аккуратно выполняли свои обязанности, что иногда приводило к серьезным финансовым убыткам торфопредприятия «Дзякино». Осенью 1945 г. пленные вырубili более 535 кубометров дров на лесном участке, разработка которого не была разрешена контролирующими организациями. В результате, Глазовский лесхоз предъявил торфопредприятию «Дзякино» иск о взыскании штрафа в размере 24 606 руб. 40 коп., который был санкционирован и поддержан Государственным арбитражем Удмуртии 16 ноября 1945 г. В начале 1947 г. представители торфопредприятия отправили в Совет Министров УАССР жалобу на данное решение. В ней говорилось о том, что нарушение при заготовке лесоматериала совершено военнопленными невольно, поскольку они не знали границ, отведенных для рубки участков. Жалоба была оставлена без удовлетворения⁴²³.

Когда пленные совершали эту несанкционированную вырубку, стало известно о скором их выезде с дзякинских торфоразработок. В начале осени 1945

⁴²¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 7. Д. 1. Л. 13, 16 об.

⁴²² ЦДНИ УР. Ф. 2295. Оп. 1. Д. 1. Л. 105.

⁴²³ ЦГА УР. Ф. 551. Оп. 2. Д. 801. Л. 169–170.

г. из лагеря № 510 выводилось на работу лишь 35 % всего спецконтингента⁴²⁴. В связи с этим высказывалось опасение о том, что предприятие останется практически без рабочей силы. Однако это беспокойство оказалось в некоторой степени напрасным, т.к. пленных, которые в октябре 1945 г. покинули дзякинские торфоразработки, в начале зимы заменили спецпереселенцы (в том числе советские граждане немецкой национальности).

5 декабря на заседании партийного бюро завода № 544 были подведены предварительные итоги работы по его обеспечению топливом с предприятия «Дзякино». Директор этой организации Бутовский сообщил в своем выступлении, что всего за сезон было заготовлено 21 тыс. тонн торфа и 5 тыс. кубометров дров. При этом на торфопредприятии «Дзякино» в 1945 г. работали около 2 тысяч бывших иностранных солдат⁴²⁵.

Военнопленные из 2-го отделения лагеря № 510 были задействованы на лесоразработках, организованных на ст. Перелом, в северной части Пудемского района. Летом и осенью 1945 г. в течение 70 дней 60 бывших солдат армий противника участвовали в заготовке дров и деловой древесины для артели «Металлург», расположенной в райцентре, а также стройматериала для ремонта плотины местного пруда. Со своей производственной задачей военнопленные не справились. Они заготовили в 6 раз меньше требуемого количества кубометров лесопroduкции. В результате, артель «Металлург» осталась необеспеченной топливом и строительным материалом для плотины⁴²⁶.

В целом, производительность труда спецконтингента из лагеря № 510 была невысокой. Кроме того, пленные, в ряде случаев, приносили торфопредприятию значительные убытки. Поэтому неудивительно, что бывшие иностранные солдаты и офицеры находились в лагере № 510 меньше десяти месяцев и уже осенью отправились в другие районы СССР или были репатриированы на родину.

Военнопленные, числившиеся в составе трех отдельных рабочих

⁴²⁴ ЦДНИ УР. Ф. 2295. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

⁴²⁵ ЦДНИ УР. Ф. 4609. Оп. 1. Д. 6а. Л. 21.

⁴²⁶ ЦДНИ УР. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 10. Л. 27–27 об.

батальонов, дислоцировавшихся в Кизнерском и Бемыжском районах, также участвовали в трудовой деятельности на территории Удмуртии. Находясь в системе Министерства Вооруженных сил СССР, пленные, в большинстве случаев, были заняты на строительных объектах оборонного ведомства. В частности, осенью 1946 г. бывшие иностранные солдаты и офицеры из ОРБ № 438 в составе 1000 человек⁴²⁷ принимали участие в возведении домостроительного комбината, располагавшегося юго-западнее ст. Кизнер. Кроме того, пленные из этого подразделения находились на работах в д. Пандерка. На ст. Кизнер бывшие солдаты гитлеровской армии грузили лесоматериал в железнодорожные вагоны⁴²⁸. Трудились они и в д. Лака-Тыжма.

Немцы из ОРБ № 445 принимали участие в строительстве узкоколейной железной дороги от ст. Ягул до д. Русская Коса⁴²⁹. Пленные офицеры работали в д. Кибья⁴³⁰. В районе пос. Пыжман бывшие немецкие солдаты были задействованы на лесозаготовках⁴³¹.

Военнопленные, работавшие в Удмуртии, размещались не только в пунктах содержания, развернутых на ее территории. Дело в том, что в Бондюжском районе Татарской АССР, в пос. Кокшан, в 1945–1947 гг. располагалось 2-е отделение елабужского лагеря № 97. Проживавшие здесь военнопленные участвовали в строительстве химического завода. Поскольку в этом районе Татарии в то время еще ощущалась нехватка достаточно надежных, стабильно функционирующих в любую погоду и время года транспортных путей, то было принято решение построить узкоколейную железную дорогу. Она должна была связать Бондюжский (ныне Менделеевский) химический завод с развитыми промышленными центрами страны. Поэтому военнопленные, находившиеся в указанном районе ТАССР, приступили к строительству этой узкоколейной

⁴²⁷ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 777. Л. 133.

⁴²⁸ Бускина Г. Дети, не знавшие вкуса конфет // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2010. 18 мая. С. 3.

⁴²⁹ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 827. Л. 241.

⁴³⁰ ЦДНИ УР. Ф. 814. Оп.1. Д. 590. Л. 146.

⁴³¹ Рылова Н. Вспоминаю, и самой не верится // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). 2000. 6 мая. С. 5.

железной дороги Бондюг – Сюгинская. Данный транспортный путь должен был связать химический завод со станцией в г. Можге, лежащей на важнейшей железнодорожной магистрали Москва – Свердловск. Узкоколейка проходила по территории Граховского района Удмуртии. Военнопленные, содержащиеся в кокшанском отделении лагеря № 97, пешком добирались до района строительства этой железной дороги, находившегося уже в пределах УАССР. Они работали там вместе с колхозниками из соседних деревень. Судя по воспоминаниям местных старожилов, пленные нередко на тачках по доскам возили грунт для насыпи, главным образом глину. На работу и обратно их водили строем. Иногда позади колонн двигалась подвода, возможно, с провиантом и медикаментами. На строительстве дороги трудились в основном пленные офицеры, поскольку в лагере № 97 содержался бывший командный состав вермахта и союзных ему воинских подразделений из других стран. Помимо немцев и представителей других национальностей, на трассе узкоколейки встречались японцы, военнослужащие разгромленной Квантунской армии⁴³².

Летом 1946 г. иностранные работники из 2-го отделения лагеря № 97 работали в районе д. Макарово Граховского района. В июле-августе в Совете Министров Удмуртской АССР обсуждался вопрос о выделении Бондюжскому заводу 5 гектаров земли в квадрате № 55 Билярского лесничества для размещения лагеря военнопленных, поскольку их доставка из Кокшана на место строительства узкоколейной железной дороги была уже затруднительной⁴³³.

Трудовая деятельность бывших иностранных военнослужащих, которые содержались в лагерях УПВИ (ГУПВИ) НКВД СССР, а также отдельных рабочих батальонов оборонного ведомства, размещенных на территории Удмуртии, была разнообразной. Пленные были задействованы непосредственно на производстве, прокладке коммуникаций, необходимых для предприятий, а также работали на лесозаготовках, погрузке сырья для деревообрабатывающей промышленности, добыче торфа, строительстве различных зданий, сооружений, узкоколейных

⁴³² Лагерь на Каме. Елабуга, 2007. С. 33–34.

⁴³³ ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 658. Л. 298–306.

железных дорог. Их можно было увидеть также в подсобных хозяйствах лагерей и различных предприятий, в колхозах на уборке урожая. Военнопленные ремонтировали здания, различные сооружения, участвовали в благоустройстве городских улиц и даже в изготовлении детских игрушек.

Бывшие военнослужащие из армий гитлеровского альянса нередко использовались на трудоемких работах, требующих значительных физических усилий. При этом наибольшая часть пленных была полезна лишь как подсобная сила. Они привлекались, главным образом, к работам, при исполнении которых не требовалась особая подготовка и квалификация. В частности, такая ситуация наблюдалась на лесозаготовках и в добыче торфа. Аналогичная тенденция преобладала и в трудовой деятельности военнопленных на заводах г. Ижевска, а также в колхозах. В Удмуртии военнопленные выполняли поставленные перед ними задачи не посредством высокой производительности или профессиональных навыков, а за счет массового их привлечения на объекты в качестве вспомогательной рабочей силы.

Трудовая деятельность бывших военнослужащих разгромленных армий, находившихся в республике, отличалась экстенсивностью и нередко была малоэффективной. Причин тому несколько. В очень многих случаях для пленных была характерна низкая производительность. Их физическая и психологическая неподготовленность к непростой работе на лесоразработках, добыче торфа негативно отражалась на продуктивности труда. Максимальная сумма, выдаваемая на руки в размере 150, а иногда 200 руб. в месяц, многим пленным казалась недостаточным стимулом.

Организация их работы со стороны руководства некоторых предприятий оставляла желать лучшего. По причине недостатка опыта использования рабочей силы военнопленных иногда возникала проблема несогласованности действий между Управлениями лагерей и работниками предприятий. Это препятствовало получению удовлетворительных результатов труда бывших иностранных военнослужащих. Определенное влияние на уровень эффективности работы представителей спецконтингента оказывал иногда возникавший фактор их

неправильной расстановки в производственном процессе. В ряде случаев по разным причинам физически здоровые пленные выводились из лагерей на работу в неполном составе. Это также негативным образом сказывалось на результатах их трудовой деятельности. И, наконец, в некоторых лагерях имел место откровенный саботаж, когда пленные, еще находившиеся под влиянием гитлеровской идеологии, отказывались под разными предлогами от добросовестной работы или преднамеренно портили инструменты, заводское оборудование.

Из всех видов трудовой деятельности военнопленных самым успешным было строительство. До сих пор служат людям многие жилые здания и производственные корпуса, возведенные с участием военнопленных в г. Ижевске и на территории его некоторых заводов.

Специфика Удмуртии, являвшейся одним из оборонных форпостов страны, превратила военнопленных, содержащихся на ее территории, в трудовой резерв Наркомата (Министерства) вооружений СССР. Абсолютное большинство бывших солдат и офицеров иностранных армий, работавших в республике, было задействовано на предприятиях этого ведомства.

Широкое привлечение военнопленных к трудовой деятельности как в Удмуртии, так и в других районах СССР было обусловлено прежде всего тем, что руководство Советского Союза стремилось максимально использовать их рабочую силу и, тем самым, хотя бы отчасти компенсировать огромный материальный урон, который был нанесен экономике и хозяйству страны в годы Великой Отечественной войны. При этом на тяжелые работы направлялись только физически здоровые представители спецконтингента.

Самым благополучным пунктом пребывания пленных в республике являлся лагерь № 371. В течение некоторого времени он отличался рентабельностью и приносил в бюджет государства дополнительные финансовые средства. Однако даже здесь не удалось полностью решить проблему невысокой производительности труда пленных.

Несмотря на данный фактор и неподготовленность бывших иностранных

солдат к трудоемкой физической работе, администрации лагеря № 371, руководству многих ижевских заводов и других организаций, где были заняты эти иностранцы, все же удалось с их помощью не только компенсировать недостаток рабочей силы в послевоенные годы, но и добиться восстановления в г. Ижевске довоенных экономических показателей, создания необходимой базы для дальнейшего развития хозяйства, инфраструктуры и промышленности города.

Труд пленных содействовал оборонной промышленности Удмуртской АССР в деле повышения показателей выпуска металла и различных видов вооружения. Своим участием в производственном процессе бывшие иностранные солдаты помогли восполнить нехватку рабочих рук на торфоразработках и в лесной промышленности. Регулярное обеспечение топливом оборонных предприятий Удмуртии способствовало их эффективной деятельности по оснащению Красной Армии вооружением и боеприпасами.

§ 3.2. Заработная плата военнопленных

За свою работу представители спецконтингента, находившиеся в Удмуртии, получали денежное вознаграждение. Оплата труда бывших солдат и офицеров гитлеровского блока в советском тылу оговаривалась в Положении о военнопленных, утвержденном СНК СССР 1 июля 1941 г. В документе, в частности, говорится: «Военнопленные, привлекаемые к работе в различных отраслях народного хозяйства, получают зарплату в размере, устанавливаемом Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных.

Из заработной платы военнопленных производится удержание на возмещение расходов по их содержанию (оплата жилой площади, коммунальные услуги, питание, если организовано общее котловое довольствие)»⁴³⁴.

В 1945 г. вопрос о размерах заработка бывших солдат и офицеров иностранных армий был упорядочен и конкретизирован. 29 сентября приказом наркома внутренних дел СССР было введено в действие Положение о трудовом

⁴³⁴ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. С. 67.

использовании военнопленных. В документе говорилось об общей сумме денежного вознаграждения, выплачиваемого одному представителю спецконтингента в месяц, которая не должна была превышать 200 руб. для занятых тяжелым физическим трудом и 150 руб. для задействованных на прочих видах работ. Для военнопленных, являвшихся квалифицированными специалистами и работавших на административно-технических должностях, заработная плата выплачивалась из расчета 50 % от установленного для данной должности оклада, но не выше 500 руб. При этом каждому пленному надлежало иметь на руках не более 150 руб. Суммы свыше установленного лимита перечислялись на лицевые счета таких представителей спецконтингента⁴³⁵. Все заработанные деньги пленный получал на руки непосредственно перед репатриацией. Вышеуказанные нормы применялись и в отношении обезоруженных военнослужащих противника, находившихся на территории Удмуртии.

Наиболее значительными по своему размеру являлись заработки бывших иностранных солдат и офицеров, размещенных в пунктах их содержания № 75, № 155, № 371. Денежные суммы начислялись из фондов предприятий, где были задействованы пленные.

В ряде случаев заработки иностранцев из лагеря № 75 были довольно солидными. Например, в июне 1946 г. сумма денежного вознаграждения многих пленных находилась в диапазоне от 329 до 400 руб. в месяц. Судя по зарплатным ведомостям, им выдавалось под роспись по 150 руб. Остальные суммы перечислялась на лицевые счета пленных. В ноябре того же года их средний месячный заработок вырос. Оплата труда отдельных военнопленных достигла 500 и даже 800 руб. Однако не все могли зарабатывать такие суммы. Денежный доход некоторых бывших иностранных военнослужащих в том же 1946 г. иногда достигал небольших размеров – 5, 19, 30, 50 руб.⁴³⁶

Если выяснялось, что у кого-то из представителей спецконтингента

⁴³⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 748. Л. 23–24 .

⁴³⁶ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 5. Л. 83, 117, 148, 192.

имелись накопления, превышающие 150 руб., то лишние деньги изымались. Так, в 1945 г. во время обыска в Рябовском пункте содержания пленных у некоторых из них обнаружались суммы сверх положенного максимума. Эти излишки сотрудники НКВД сдали в кассу Управления лагеря № 75 для последующего их начисления на лицевые счета тех иностранцев, у кого были изъяты эти превышающие норму денежные средства⁴³⁷.

Военнопленным из лагеря № 155 за труд на Увинском лесопункте, входящем в трест «Ижлес», вручалось под роспись небольшое денежное вознаграждение. Судя по ведомостям на выдачу заработка за ноябрь 1944 г. – октябрь 1945 г., пленные получали на руки от 7 до 57 руб. в месяц. Более 50 руб. выдавалось тому, кто перевыполнял норму⁴³⁸. За работу, выполненную иностранцами в течение 1945 г., трест «Ижлес» перечислил лагерю 57 619 руб.⁴³⁹ В 1946 г. повысились расценки и были увеличены хлебные пайковые надбавки. Заработная плата пленных из лагеря № 155 увеличилась в два с лишним раза⁴⁴⁰.

Наиболее высокий заработок пленные, находившиеся в Удмуртии, получали на заводе № 71. Например, в третьей декаде сентября 1945 г. общая сумма заработка контингента 2-го отделения лагеря № 371, задействованного на этом предприятии, составила 94 958 рублей. В это же время военнопленным из 1-го, 3-го и 4-го филиалов было начислено соответственно 90 000, 27 000, 48 700 руб.⁴⁴¹ В вопросе оплаты труда на данном металлургическом предприятии бывшие иностранные военнослужащие с определенного момента находились в одинаковых условиях с вольнонаемными рабочими. Директор завода № 71 С. К. Медведев 11 октября 1945 г. подписал распоряжение, в котором говорится: «Во исполнение договора, заключенного заводом с Управлением лагеря военнопленных, предлагаю: всем начальникам цехов, пользующихся услугами контингента лагеря, оплату работ, выполняемых ими, производить по расценкам,

⁴³⁷ РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8. Л. 84.

⁴³⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 1. Л. 76, 100, 177, 196.

⁴³⁹ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 75. Л. 64.

⁴⁴⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 80. Л. 287, 290.

⁴⁴¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 1. Л. 112.

установленным для вольнонаемных рабочих завода. За перевыполнение норм выработки все премиально-прогрессивные надбавки, существующие на заводе для вольнонаемных рабочих, в равной мере применять и при расчетах с лагерем»⁴⁴². Размер денежного вознаграждения бывших иностранных солдат, трудившихся на этом металлургическом предприятии, заметно увеличивался. В январе 1946 г. средний месячный заработок пленного на заводе составлял 213 руб. В июне он вырос до 334, в сентябре – до 364. В декабре среднемесячный заработок пленного составил уже 524 руб. Для сравнения также постоянно возрастающая средняя заработная плата вольнонаемного рабочего на этом предприятии в том же году достигла 649 руб.⁴⁴³ Значительную часть бывших солдат вермахта, имевших высокий для представителей спецконтингента доход, составляли иностранцы, трудившиеся на погрузке и разгрузке железнодорожных вагонов, автотранспорта. Некоторым вольнонаемным работникам предприятия иногда начислялся меньший месячный заработок, чем пленным.

В декабре 1947 г. в СССР была отменена карточная система. Пленные получили возможность приобретать продукты не только на рынке, но и в магазинах, что они с удовольствием и делали. Бывшие иностранные военнослужащие отправляли посылки в Германию и в другие страны. В 1947 г. фонд зарплаты, выплаченной заводом спецконтингенту и работникам из исправительно-трудовой колонии, составил 10 млн. 400 тыс. руб. Из этой суммы пленным из лагеря № 371 было перечислено 6 млн. 916 тыс.⁴⁴⁴

На зарплату иностранцев, работавших в системе треста № 51, начислялись дополнительные 35 %. По этой статье только вторым стройуправлением в течение 1946 г. было выплачено 129, 4 тыс. руб.⁴⁴⁵ Однако заработок военнопленных, трудившихся в тресте, был невысоким. Во второй половине 1946 г. минимальный

⁴⁴² ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 98. Л. 22.

⁴⁴³ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 293. Л. 12 об.–14.

⁴⁴⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1467. Оп. 3. Д. 325. Л. 1, 20.

⁴⁴⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 39. Л. 21.

размер их зарплаты при выполнении установленных норм достигал 7 руб. 40 коп. в день, а с начислением 35 % – 10 руб.⁴⁴⁶

Для общей характеристики денежного дохода пленных, находившихся в тот период в Ижевске, можно представить средний уровень их заработка. В 1946 г. этот показатель составил в первом квартале – 12 руб. 44 коп., во втором – 13 руб. 15 коп., в третьем – 15 руб. 30 коп., в четвертом – 22 руб. 15 коп.⁴⁴⁷ Таким образом, денежный доход пленных рос, хотя и не всегда достаточно ощутимо. Можно также сделать вывод о том, что в 1946 г. иностранные работники, получавшие от ижевских предприятий в месяц по 150 руб., составляли меньшинство всего спецконтингента.

Однако не слишком денежное положение большинства пленных несколько смягчалось начислением премий, регулярно выписываемых руководством Управления лагеря № 371 тем из них, кто хорошо себя зарекомендовал в какой-либо полезной деятельности. Например, в июле 1946 г. за проявленную инициативу озеленения и художественного оформления территории 1-го отделения, благоустройство жилых корпусов и места отдыха были награждены денежными суммами от 125 до 200 руб. старшина пункта содержания контингента Г. Шон, командир роты пленных Г. Кох, скульптор Э. Бох, садовод И. Уничи, художник В. Дитмайер, столяр К. Карстен, электромонтер О. Лобе. Премии от 100 до 150 руб. получили 17 иностранцев за перевыполнение норм выработки в железнодорожном депо № 83 металлургического завода.

Арестованному в июле 1946 г. на 10 суток за пьянство К. Мрацовскому через два месяца была выдана премия в количестве 250 руб. Ф.М. Максимов в приказе о присуждении этой денежной награды написал, что старший повар 1-го отделения готовит пищу хорошо и вкусно. Кухня находится в образцовом состоянии. К. Мрацовский к своим обязанностям относится исключительно добросовестно.

Осенью 1946 г. премии от 100 до 400 руб. получили пленные, принявшие

⁴⁴⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1321. Оп. 1. Д. 37. Л. 84.

⁴⁴⁷ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 1 об.

участие в конструировании электрической картофелеочистки. Эффективность этого аппарата была впечатляющей. При его помощи на кухне перерабатывалось свыше тонны картофеля и других овощей в час⁴⁴⁸.

В мае 1947 г. для пленных, отличившихся в конкурсе по благоустройству, улучшению жилищно-бытовых условий пункта их пребывания, было выделено 1 300 рублей. Во втором квартале того же года старшина первого отделения лагеря № 371 Г. Шон получил премию в размере 450 руб. Поощрительные денежные вознаграждения в размере от 50 до 350 руб. были выписаны также лучшим бригадирам, командирам рот, взводов пленных. Один из таких руководителей – бывший немецкий военнопленный Эндерс получил 350 премиальных рублей. Не оставались в стороне и те из представителей спецконтингента, кто работал на лагерной кухне. Например, немцу-повару О. Корту была выписана премия в размере 300 руб.⁴⁴⁹

Чтобы оценить уровень заработка многих военнопленных, находившихся в Удмуртии, следует отметить, что средняя месячная зарплата в Советском Союзе в 1946–1947 гг. составляла около 700 рублей. Во второй половине декабря 1947 г. после отмены карточной системы и снижения на 10–12 % цен на основные продукты питания килограмм ржаного хлеба в СССР (во втором поясе) стоил 3 руб.⁴⁵⁰, говяжьего мяса – 30, макарон – 10, гречневой крупы – 12 руб. В лагерных ларьках цены не слишком отличались от магазинных. При этом в 1946–1947 гг. выдаваемое на руки ежемесячное денежное вознаграждение военнопленного, трудившегося в Удмуртии на лесозаготовках, торфоразработках или на ижевском металлургическом заводе, колебалось в основном от 50 до 150 руб. в зависимости от уровня выработки и процента выполнения нормы. В некоторых случаях оно примерно равнялось или даже было немного больше зарплаты отдельных вольнонаемных неквалифицированных работников. Поэтому, учитывая наличие бесплатных и ежедневных завтрака, обеда, ужина в лагере, пленные могли

⁴⁴⁸ РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 2. Л. 32, 37, 43, 45.

⁴⁴⁹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 24.

⁴⁵⁰ Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 4. М., 2004. С. 375.

заметно улучшить свое питание при помощи заработанных денег. Часто бывшие иностранные солдаты и офицеры, находившиеся в Удмуртии, имели на руках сумму, превышавшую лимит в 150 руб., поскольку в этом вопросе не всегда можно было проконтролировать соблюдение установленных правил. Особенно это относилось к пленным, являвшимся признанными специалистами в том виде трудовой деятельности, в котором они были задействованы, или числившимся на административно-технических должностях в лагерях.

Перед репатриацией представители спецконтингента получали на дорогу денежное содержание. Так, в октябре 1945 г. незадолго до отъезда на родину пленным из лагеря № 155 было вручено примерно по 20 руб.⁴⁵¹ Помимо этого, перед репатриацией всем бывшим вражеским военнослужащим выдавались все деньги, заработанные ими. Поскольку советские дензнаки не разрешалось вывозить за рубеж, пленные стремились полностью потратить полученные суммы на территории СССР. Они покупали различные товары от чемоданов и дамских сумок до часов и ювелирных украшений, которые потом вывозили в свои страны как собственное имущество или в качестве подарков родным и близким. В этой ситуации иногда случалось, что самыми безденежными оказывались пленные офицеры, имевшие в кармане примерно по 20 руб. Дело в том, что многие из них, находясь в лагерях, пользовались правом не работать, предоставленным им Положением о военнопленных, утвержденным Советским правительством в 1941 г. Во время репатриации, конечно, некоторые из таких офицеров сожалели, что не трудились, с завистью посматривая на более «богатых коллег», закупавших себе в дорогу продукты питания, а также промтовары для вывоза в свои страны.

Таким образом, из всех пленных, находившихся в Удмуртии в 1941–1948 гг., наибольший уровень месячной заработной платы имелся у тех, кто трудился на лесозаготовках, торфоразработках, погрузке и разгрузке различных материалов, а также на физически тяжелых или вредных для здоровья работах в цехах ижевского металлургического завода. Низкими зарплатами для пленных отличался строительный трест № 51.

⁴⁵¹ РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 1. Л. 196.

В то же время 150 руб. в месяц и более получали те иностранные работники, которые являлись высококвалифицированными специалистами в своей области или регулярно перевыполняли установленные трудовые нормы. Значительный месячный доход имели пленные, занимавшие административные и руководящие должности в лагерях.

Нередко многие бывшие иностранные военнослужащие, находившиеся в Удмуртии, имели более 150 руб., т. к., с одной стороны, не всегда можно было полностью контролировать положенный максимум денежных сумм, который мог по установленным правилам находиться у представителей спецконтингента, а с другой – иногда руководители Управлений лагерей делали исключения для лиц, хорошо себя зарекомендовавших в поведении и труде.

В 1945–1948 гг. пленные, находившиеся в учреждениях ГУПВИ НКВД СССР, размещенных в Удмуртии, фактически не голодали, поскольку многие из них в дополнение к бесплатному ежедневному трехразовому питанию покупали на заработанные деньги продукты.

* * *

Большинство бывших иностранных военнослужащих, находившихся в Удмуртии, были относительно здоровы и работали на стройках и различных предприятиях. Однако нередко бывшие иностранные солдаты отличались низкой производительностью труда. В особенности это касалось добычи торфа, лесозаготовок и показателей работы на ижевском металлургическом заводе. Главные причины низкой производительности заключались в слабой организации труда пленных на предприятиях, их недостаточной профессиональной квалификации, неготовности к ежедневному напряженному физическому труду. Негативно сказывалось на результатах работы иностранцев неясное понимание ими указаний мастеров из-за плохого знания русского языка. Кроме того, некоторые представители спецконтингента проявляли откровенное нежелание работать, занимались саботажем и даже членовредительством. Иногда отсутствовала необходимая согласованность действий между руководством

предприятий, где пленные были задействованы и начальниками Управлений лагерей, которые в ряде случаев не имели прямой заинтересованности в результатах труда своих подопечных. Не всегда удавалось добиться максимального вовлечения пленных в производственный процесс. Случалось, что физически здоровые иностранцы не полностью выводились из лагерей на работу, несвоевременно обеспечивались инструментами. Все эти факторы, особенно явственно проявляющиеся в заводских цехах, добыче торфа и на лесозаготовках, непосредственно влияли на уровень производительности труда пленных. Более успешным было их участие в строительстве жилых и производственных помещений, а также объектов городской инфраструктуры в г. Ижевске. Негативное влияние вышеназванных факторов сказывалось здесь в меньшей степени.

Уровень заработка представителей спецконтингента зависел от вида работ и от того, на каком предприятии пленные трудились. Бывшие иностранные военнослужащие, задействованные на заводе № 71, получали заработную плату довольно значительную по величине. Она иногда даже превышала месячный денежный доход отдельных вольнонаемных сотрудников. Отчасти это объясняется тяжелым физическим трудом некоторых военнопленных на ижевском металлургическом заводе, который нередко выражался в погрузке железнодорожных вагонов. Распоряжение директора предприятия С. К. Медведева, разрешающее применять к начислению заработка пленным те же нормы, что и в отношении вольнонаемного состава, положительно сказалось на месячном денежном доходе представителей спецконтингента. Пленные, задействованные на ижевских стройках, или трудившиеся на лесозаготовках, торфодобыче, имели меньший уровень зарплаты, напрямую зависевший от среднего заработка на том предприятии, где они работали. По решению руководства ГУПВИ НКВД СССР военнопленный должен был иметь на руках не более 150 руб. Остальные заработанные им суммы перечислялись на лицевой счет и выплачивались ему перед репатриацией. Однако нередко на практике пленные, особенно трудившиеся в Ижевске, имели на руках сумму,

значительно превышавшую 150 руб., чем и пользовались в своих личных целях. Помимо бесплатного питания, получаемого бывшими иностранными солдатами в пунктах содержания, они могли на заработанные деньги приобретать в лагерных ларьках дополнительные продукты. Кроме того, расконвоированные пленные покупали нужные им товары на рынках и в магазинах. Уровень зарплаты представителей спецконтингента, находившихся в Удмуртии, являлся реальным стимулом к труду, поскольку позволял улучшить их питание, укрепить здоровье, а перед репатриацией закупить в советских магазинах дорогостоящие промышленные товары для вывоза их на родину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить довольно развитую для территориально небольшой Удмуртии сеть пунктов содержания военнопленных из армий гитлеровского военного блока в 1941–1949 гг.

Размещение бывших солдат и офицеров вооруженных сил противника в республике было predetermined несколькими факторами. Удмуртская АССР на протяжении всего периода Великой Отечественной войны была значительно удалена от линии фронта и являлась глубоким тылом. В то же время, через ее территорию пролегали важнейшие стратегические транспортные пути: железные дороги Москва – Владивосток, Москва – Свердловск, а также р. Кама – крупнейший приток Волги. Поэтому в Удмуртию можно было оперативно эвакуировать с запада страны промышленные предприятия и работников, включая военнопленных, которые могли бы быть задействованы на этих перемещенных заводах, а также на других производствах, так или иначе связанных со снабжением Красной Армии вооружением. Кроме того, значительная часть территории республики покрыта лесами, причем, некоторые районы отличаются заболоченностью и невысокой плотностью населения. Такие природные условия и географические факторы в сочетании с относительно развитой железнодорожной сетью вполне подходили для размещения пунктов содержания иностранных военнопленных.

Обширные лесные массивы позволили достичь значительного объема заготовок топлива и сырья для деревообрабатывающей промышленности. Высокая степень заболоченности некоторых районов Удмуртии predetermined наличие богатых залежей торфа. В результате начавшейся крупномасштабной войны обострился дефицит трудовых ресурсов в том числе и в добыче топлива. Создавшиеся условия послужили причиной привлечения бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока к труду в торфодобывающей и лесозаготовительной промышленности, без нормальной работы которых не могли

стабильно функционировать важнейшие для обороны страны предприятия, в том числе и те, которые были эвакуированы в Удмуртию.

Значительная степень участия бывших солдат и офицеров противника в экономической жизни республики диктовала необходимость размещения на ее территории пунктов пребывания спецконтингента в форме лагерей, их отделений, отдельных рабочих батальонов и спецгоспиталей. Первый вид содержания военнопленных получил доминирующее значение. Всего на территории УАССР в 1941–1949 гг. было развернуто 4 крупнейших лагеря, которые находились в ведении УПВИ (ГУПВИ) НКВД СССР. На местном уровне их курировал Отдел по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) Наркомата (Министерства) внутренних дел республики. Каждый из этих пунктов содержания спецконтингента имел свои отделения. Они географически были удалены от штаба лагеря, но практически подчинялись ему во всех вопросах. Самую разветвленную сеть филиалов имели два крупнейших в республике пункта пребывания пленных – № 371 и № 75.

Отдельные рабочие батальоны являлись вторым видом содержания бывших иностранных военнослужащих. Структурно они находились в ведении Наркомата (Министерства) Вооруженных сил СССР. Всего в республике располагалось 3 отдельных рабочих батальона военнопленных, сосредоточенных в Кизнерском и Бемыжском районах Удмуртии.

Наиболее разветвленным видом содержания спецконтингента оказались спецгоспитали. В общей сложности, на территории республики было развернуто 7 таких пунктов для лечения бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока. Особенностью спецгоспиталей Удмуртии являлось их организационное вхождение в структуру Наркомата (Министерства) здравоохранения страны.

Условия жизни бывших вражеских военнослужащих в республике были установлены решениями и указаниями руководителей ГУПВИ НКВД СССР, и, в первую очередь, Положением о военнопленных, принятым Советским правительством в начале Великой Отечественной войны. Кроме того, в 1942 г. от имени СНК СССР было заявлено, что в своих действиях относительно

обезоруженных солдат и офицеров противника Советский Союз придерживается принципов Гаагской конвенции 1907 г.⁴⁵² Судя по воспоминаниям очевидцев, работавших в структуре лагерей, развернутых в Удмуртии, большая часть всех правил, установленных для содержания пленных, соблюдалась, даже несмотря на то, что до 1945 г. не всегда удавалось полностью выполнить все положенные требования в силу военного времени и трудностей, связанных с этим. Это относится к нормам довольствия бывших иностранных солдат, расконвоированию, антифашистской работе, а также к другим сторонам их жизнедеятельности. Анализ значительного количества источников, включая архивные документы и воспоминания очевидцев, выявил небольшое количество жалоб со стороны руководства лагерей или пленных, касающихся их недостаточного снабжения продовольствием и обмундированием.

Предвестником полного разгрома гитлеровских войск являлась Сталинградская битва. После ее окончания число пленных немецких солдат в советском тылу заметно увеличилось. Среди них было немало раненых, а еще больше больных. Поэтому в 1943 г. были организованы новые госпитали для лечения военнопленных. Данная тенденция затронула и Удмуртию.

В начале весны 1943 г. в г. Можге было сформировано первое на территории республики медучреждение для лечения пленных. Спецгоспиталь № 3888 оказался самым долговременным в Удмуртии, просуществовав до второй половины 1949 г. Медработникам пришлось проделать очень трудную, далеко не всегда приятную работу, которая была опасной для их жизни вследствие очень высокой инфицированности прибывающих с фронта пленных, страдавших сыпным тифом и другими тяжелыми заболеваниями. Недоедая, недосыпая, врачи и весь вольнонаемный персонал госпиталя добросовестно выполняли свой долг. Они спасли жизни многих пленных, которые, возвращаясь на родину, со слезами на глазах благодарили тех, кто гуманно отнесся к ним. Не менее сложным был труд медиков в других спецгоспиталях, развернутых в г. Глазове, г. Можге, пос. Ува, пос. Пудем и на ст. Областная.

⁴⁵² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 157.

Наибольшее количество летальных случаев в пунктах лечения наблюдалось по причине запущенности болезней, полученных пленными на фронте. При этом показатель смертности военнопленных не достиг 25 % от общего количества спецконтингента, содержавшегося в республике.

Большинство пациентов спецгоспиталей и лагерных лазаретов составляли не раненые, а больные. Самыми распространенными диагнозами являлись алиментарная дистрофия, обморожения конечностей, сыпной тиф, педикулез, гнойный плеврит, пневмония, туберкулез, бронхит, пеллагра. В конечном итоге, со всеми указанными болезнями военнопленных персоналу спецгоспиталей и лагерных лазаретов удалось справиться и добиться удовлетворительных результатов в деле лечения пациентов.

Большинство проблем, связанных с медобслуживанием бывших иностранных солдат и офицеров в Удмуртии, были возложены на местный аппарат и работников Наркомздрава СССР. Все вопросы снабжения и лечения представителей спецконтингента решало это ведомство, тогда как за сотрудниками НКВД оставалось оборудование охранной зоны и организация конвоя.

В июне 1943 г. нормы питания всех содержащихся в СССР больных пленными были повышены до уровня пищевого довольствия советских военнослужащих, находившихся на лечении. Ежедневный рацион бывших иностранных солдат и офицеров значительно улучшился за счет увеличения потребления мяса, овощей и фруктов. Поэтому в ряде случаев больные пленные в спецгоспиталях, находившихся в Удмуртии, питались лучше медработников, предпринимавших меры для их выздоровления.

Наркомздрав УАССР регулярно организовывал и проводил инспекции и проверки санитарного состояния палат и лечения бывших иностранных военнослужащих. В крупнейших спецгоспиталях Удмуртии активно применялась трудотерапия выздоравливающих. В частности, в Можге пленные участвовали в оборудовании котлована для местного пруда, а в Глазове выезжали в лес для заготовки дров.

Главной задачей, поставленной перед работниками спецгоспиталей руководством Наркомздрава УАССР, являлось принятие эффективных мер для как можно более быстрого выздоровления пленных, возвращения в лагерь, использования их труда в деле восстановления разрушенного войной хозяйства и дальнейшего развития некоторых отраслей промышленности страны. В целом, эта цель была достигнута. К 1948 г. из семи медучреждений для пленных в Удмуртии осталось только два.

Подобно персоналу спецгоспиталей, добросовестно выполняли свои обязанности и сотрудники лазаретов, размещенных в лагерях. Медработники из числа советских граждан тщательно следили за соблюдением чистоты и гигиены в бараках. Отчасти поэтому в пунктах содержания бывших иностранных военнослужащих, расположенных в Удмуртии, не было зарегистрировано ни одного случая широкомасштабной эпидемии.

В лазаретах лагерей, развернутых в Удмуртии, активно привлекались к лечению пленных их коллеги и соотечественники, имевшие какую-либо степень медицинской квалификации. Медперсонал регулярно организовывал для представителей спецконтингента лекции и беседы на темы гигиены, а также профилактики заболеваний, которым бывшие иностранные солдаты были наиболее подвержены.

Значительная часть советских медиков, трудившихся в лагерных лазаретах, относилась к пленным без ненависти, как к пациентам, попавшим в беду и нуждавшимся в помощи. Это положительно отражалось на качестве лечебной работы. И не случайно, многие выздоровевшие пациенты лагерных лазаретов, возвращаясь на родину, искренне благодарили русских врачей и медсестер. Пленные понимали, что медики выполняли свой долг добросовестно, а многим из бывших солдат армий противника спасли жизнь.

Персонал лагерных лазаретов и спецгоспиталей в основном справился с задачей максимального выздоровления пациентов и сокращения количества больных до минимума.

Специфика УАССР, как одного из центров оборонной промышленности

Советского Союза, наложила несомненный отпечаток и на характер труда военнопленных, который использовался, в первую очередь, на предприятиях, находившихся в структуре Наркомата (Министерства) вооружений СССР – заводы № 71, 74, 235, 524, 622, строительный трест № 51, тресты «Оборонторфстрой», «Ижторф», торфопредприятие «Дзякино» и др.

На территории Удмуртии бывшие иностранные солдаты и офицеры работали достаточно эффективно только в строительстве и на подсобных работах. Во всем остальном они не совсем оправдывали возложенных на них надежд. Кроме того, нередко затраты на содержание пленных превышали доход от их работы. Данная тенденция наиболее явно проявлялась на заводе № 71. Отчасти с этим и связан довольно скоро начавшийся процесс репатриации бывших иностранных военнослужащих не только из Удмуртии, но и в целом из СССР.

Однако даже недостаточно эффективный и малопроизводительный труд спецконтингента даром не пропал. Важно отметить, что в годы Великой Отечественной войны участие пленных в добыче торфа и на лесозаготовках в Удмуртии содействовало обеспечению топливом, а значит, и стабильной работе важнейших для обороны страны заводов № 71, 74, 235, 524, 544, 622 и других предприятий. Поэтому не будет преувеличением сказать, что бывшие солдаты, офицеры вермахта и других союзных ему иностранных армий, содержащиеся в лагерях на территории республики, в меру своих сил и возможностей способствовали разгрому войск гитлеровской Германии и ее многочисленных союзников. После 1945 г. пленные фактически приняли участие в укреплении обороноспособности Советского Союза.

Вклад бывших иностранных солдат и офицеров в послевоенное восстановление и развитие экономики Удмуртии был достаточно весомым и позволил значительно снизить послевоенный дефицит рабочих рук, несколько смягчить острый недостаток профессиональных кадров, особенно в строительстве, металлургической, топливной, лесозаготовительной и отчасти оборонной промышленности. Это, в целом, положительным образом сказалось на

снижении себестоимости продукции и увеличении производительности труда, чего всемерно добивалось руководство СССР.

Кроме того, труд пленных способствовал решению проблем, связанных с послевоенным восстановлением и дальнейшим развитием хозяйства, бытовых и жилищных условий населения как Удмуртии, так и всей страны. В частности, в г. Ижевске бывшие иностранные солдаты были задействованы не только на строительстве или на производстве, но и работали на теплоэлектростанции, в железнодорожном депо, участвовали в прокладке важнейших коммуникаций, ремонте мостов, дорог, трамвайных путей, помещений общеобразовательных школ, а также жилых, административных, спортивных, культурно-просветительских зданий и сооружений.

Труд пленных в нашей стране приносил пользу не только Советскому Союзу. Участвуя в строительстве, производстве, торфодобыче и других отраслях, они, кроме зарплаты, приобретали опыт, квалификацию, новые для себя профессии, что при значительном уровне послевоенной безработицы в Германии, Австрии, Италии и в других странах несомненно пригодилось им на родине.

Проанализированные данные о трудовой деятельности иностранных военнопленных в Удмуртии, а также о других сторонах их жизни позволяют утверждать, что пункты пребывания представителей спецконтингента как в республике, так и в целом в СССР (в данном аспекте между региональной и общесоюзной тенденциями не существовало значительной разницы) кардинально отличались от нацистских концлагерей. Советская система содержания пленнх и гитлеровская маниакальная, изощренная и бесчеловечная машина циничного и жестокого умерщвления обезоруженных врагов, по сути, являются совершенно различными видами изоляции военнослужащих армий противоборствующей стороны. Фашистские концентрационные лагеря получили вполне справедливое наименование «фабрик смерти». Их основной функцией являлось физическое уничтожение различными методами представителей «неполноценных рас», пленнх (в первую очередь, советских) или политических противников кровавой гитлеровской диктатуры.

17 июля 1941 г. руководством IV отдела Главного управления имперской безопасности (гестапо) был издан приказ, который предусматривал истребление советских военнопленных, представлявших потенциальную угрозу для нацизма⁴⁵³. С немецкой педантичностью это распоряжение выполнялось в полном объеме различными методами. Эсэсовцы и другие представители нацистского режима принуждали советских военнопленных совершать многокилометровые пешие переходы без отдыха и еды, содержали в лагерях под открытым небом, не обеспечивали достаточно добротной одеждой. Местному населению категорически запрещалось передавать пленным продукты питания. Все это приводило к многочисленным смертям от голода, холода и болезней. Советские военнопленные не имели никакой возможности даже через Красный Крест отправлять на родину и получать оттуда письма и, тем более, посылки⁴⁵⁴. За малейшую провинность их наказывали десятками ударов плетей. Обессиленных и тяжелобольных военнопленных гитлеровцы беспощадно расстреливали или уничтожали в газовых камерах, «душегубках». В нацистских концлагерях узников, потерявших сознание, но еще живых, сжигали в крематориях. Нередко военнопленные подвергались бесчеловечным медицинским опытам. Их исход в абсолютном большинстве случаев был смертельным. На советских военнопленных нацисты испытывали новые образцы химического оружия – газов, истребляющих все живое. Эсэсовцы истребили немалое количество узников концлагерей после использования их труда на строительстве секретных объектов «рейха». Нацисты цинично и без всякой пощады уничтожали всех посторонних свидетелей их тайных мероприятий.

Первостепенными задачами руководства ГУПВИ НКВД СССР являлись не убийство военнопленных различными методами, а их изоляция, создание удовлетворительных условий для жизни представителей спецконтингента, максимальное и эффективное использование труда этих иностранцев в промышленности, строительстве и даже в сельском хозяйстве, а также

⁴⁵³ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. Т. 4. М., 1990. С. 74.

⁴⁵⁴ Там же. С. 75.

полномасштабная реализация антифашистских мероприятий в пунктах содержания бывших военнослужащих армий гитлеровского военного альянса. В советских лагерях их руководством не реализовывались на практике расистские или националистические теории, там отсутствовали крематории, газовые камеры, «душегубки», через колючую проволоку не пропускался электроток. Над военнопленными не проводились медицинские опыты.

Бывшие военнослужащие армий гитлеровского блока, находившиеся в СССР, ежедневно обеспечивались трехразовым питанием, в рацион которого помимо прочих продуктов входили мясо, рыба, овощи. Причем, добровольно сдавшиеся в плен получали на 100 г. хлеба в день больше, чем остальные⁴⁵⁵. В состав питания иностранных пациентов спецгоспиталей и лагерных лазаретов были включены котлеты, гуляш, сало, каши, выпечка, сливочное масло, сухофрукты, сгущенное молоко. Начиная с 1943 г., бывшие солдаты и офицеры армий гитлеровского альянса лечились в специальных медучреждениях на равных правах с советскими бойцами и командирами. Кроме того, бывшие военнослужащие из армий противника обеспечивались небольшим денежным довольствием (от 10 до 50 руб. на человека), получали за свой труд на советских предприятиях заработную плату, имели 4 выходных дня в месяц и 2-3 часа досуга в сутки. В большинстве случаев рабочий день иностранных военнопленных в СССР длился 8 часов. Столько же отводилось на ночной отдых. Анализ архивных материалов и воспоминаний очевидцев позволяет утверждать, что все перечисленные нормы в лагерях, развернутых на территории УАССР, в целом соблюдались.

Многие военнопленные, находившиеся в Удмуртии, имели право передвигаться по населенным пунктам без конвоя. Они приобретали на заработанные деньги на рынках, в магазинах продукты питания, а также промтовары, которые нередко в ходе репатриации увозили на родину.

Иностранные военнопленные, находившиеся в советских лагерях,

⁴⁵⁵ Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 43.

спецгоспиталях (в том числе и на территории Удмуртии), вели активную, бесплатную переписку с родными и знакомыми, проживающими в странах Западной и Центральной Европы, получали от них посылки, даже отправляли денежные переводы на родину.

Многие пленные офицеры, содержащиеся в пунктах пребывания спецконтингента, расположенных в республике, не работали. При этом никто не имел права принуждать их трудиться. Тем самым, реализовывался пункт № 20 Положения о военнопленных, утвержденного СНК СССР в июле 1941 г. В документе, в частности, говорится: «...Офицеры и приравненные к ним военнопленные могут привлекаться к работам лишь с их согласия»⁴⁵⁶.

Ни о чем таком советские военнопленные, содержащиеся в нацистских концлагерях, не могли даже мечтать.

Некоторые представители спецконтингента изъявляли добровольное желание навсегда остаться в СССР. Одной из самых распространенных причин такого решения являлось оформление брачных союзов с советскими гражданками и создание семей. По данному поводу исследователь А. Л. Кузьминых отметил: «...Большинство военнопленных в конце 1940-х гг. было репатриировано на родину. Между тем, для некоторых из них возвращение домой из многолетнего советского плена вовсе не являлось заветной мечтой. Есть документальные свидетельства, позволяющие говорить о том, что некоторые из «узников войны» любыми путями пытались остаться в Советском Союзе и предпринимали для этого все возможные усилия. Думается, что одним из мотивов такого поступка могло быть желание остаться вместе с любимым человеком»⁴⁵⁷.

Такие случаи добровольного отказа от возвращения на родину имели место и в Удмуртии. В частности, несколько бывших немецких солдат, содержащихся в пос. Рябово, не вернулись в Германию, а приняли решение поселиться в населенных пунктах Увинского района. Подобным образом поступили и

⁴⁵⁶ Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы. С. 67.

⁴⁵⁷ Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 118.

некоторые пленные, находившиеся в лагере у пос. Лынга Якшур-Бодьинского района. По свидетельству бывшего жителя этого населенного пункта Г. Т. Агеева, немец Аберт женился на местной девушке и добровольно поселился там, отказавшись от репатриации⁴⁵⁸. Со временем такие иностранцы получили советское гражданство и находились с местными жителями на равных правах.

Факты наличия добровольно оставшихся и создавших свои семьи в Удмуртии бывших представителей спецконтингента говорят не только о том, что нахождение в советском плену не представлялось им каким-то чрезвычайно страшным событием, но и свидетельствуют о признании ими правоты антифашистских взглядов тех, кто освободил Европу от «коричневой чумы». Благодаря неплохой организации бытовых условий, различных мероприятий и насыщенной общественно-политической жизни в лагерях, расположенных в республике, некоторые бывшие военнопленные, даже спустя многие десятилетия, с ностальгией вспоминали о проведенных в республике годах. По свидетельству Л. А. Пантюхина, начальник Управления лагеря № 371 Ф. М. Максимов и его помощники внимательно и заботливо относились к представителям спецконтингента. Когда в 1947 г. некоторых пленных из г. Ижевска отправляли на родину, они взволнованно благодарили Ф.М. Максимова, «плакали и говорили, что отношение к ним в лагере превратило их в друзей России»⁴⁵⁹. Поэтому жизнь в Удмуртии, в советском плену, не являлась для бывших военнослужащих вермахта и союзных ему армий сплошным ужасом или адом, как это часто было в гитлеровских концлагерях.

Заметное различие в планах по отношению к пленным и мерах, которые к ним применялись, вполне закономерно отразилась на результатах их содержания. Из общей численности обезоруженных солдат и офицеров армий гитлеровского блока, содержащихся в СССР, умерло 15 % человек. Причем многие из них ушли из жизни в результате запущенных и поэтому трудноизлечимых заболеваний,

⁴⁵⁸ Байсарова О. В памяти // Купол (газета Ижевского электромеханического завода «Купол»). 2010. № 3. 15 февраля. С. 7.

⁴⁵⁹ Пантюхин Л. А. Указ. соч. С. 146.

полученных еще во фронтовых условиях. Показатель смертности в советском плену мог оказаться еще ниже, если бы командование вермахта не приказывало попавшим в «котлы» войскам продолжать бессмысленное сопротивление, как это случилось, например, под Сталинградом в январе 1943 г. Чем дольше окруженные немецкие группировки отказывались прекращать вооруженную борьбу, тем больше было среди них больных солдат, страдавших тяжелыми формами дистрофии, сыпного тифа, пневмонии и других заболеваний, возникших в результате голода, холода и распространения различных инфекций. Поэтому в смертности военнослужащих вермахта в советском плену в значительной степени виноваты лично Гитлер, категорически запрещающий капитулировать, и его генералы.

Если в СССР умерло 15 % всего контингента бывших солдат и офицеров фашистской коалиции, то число погибших пленных, находившихся в нацистской Германии, достигло 57 %⁴⁶⁰. По данным исследователя А.Л. Кузьминых, смертность бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока, трудившихся в СССР, была почти в 6 раз ниже аналогичного показателя в отношении советских военнопленных, оказавшихся в гитлеровских концлагерях. На региональном уровне цифры не менее показательны. Например, в пунктах содержания спецконтингента, расположенных на Европейском Севере СССР, ушел из жизни каждый десятый бывший солдат или офицер армий гитлеровского военного блока⁴⁶¹. В то же время известно, что в фашистских концентрационных лагерях и за их пределами в Германии, а также в других оккупированных ею странах погибло свыше половины общего количества советских военнопленных⁴⁶². Можно сказать, что ушел из жизни каждый второй.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о явной неправомерности отождествления советских и нацистских пунктов содержания

⁴⁶⁰ Гуркин В. В., Круглов Л. И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 34.

⁴⁶¹ Кузьминых А. Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939–1949 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 2003. С. 251.

⁴⁶² Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах. Т. 4. С. 75.

пленных. По свидетельству не раз упоминавшегося в этой работе очевидца Н. Н. Кирпиковой, «...лагеря военнопленных №№ 75 и 155 нельзя назвать ГУЛАГОМ или концлагерем. Повторяю, военнопленным жилось неплохо, **питались лучше, чем сотрудники или охрана...**» (выделено мной. – Д.П.). Многие бывшие солдаты иностранных армий во время репатриации изъявили желание не терять связь с вольнонаемными сотрудниками лагерей и землей, где они прожили несколько лет. Как констатирует Н. Н. Кирпикова, «...По выезде на родину военнопленные совали нам в руки свои адреса»⁴⁶³. Если репатрируемые хотели вести переписку с сотрудниками бывших пунктов их содержания, то, значит, в советском плену было больше, все же, положительных для иностранцев тенденций.

Лагерь ГУПВИ НКВД (МВД) СССР не следует именовать «концлагерем» даже чисто формально. Необходимо учитывать, что данный термин давно потерял изначально нейтральную окраску и теперь воспринимается всеми только сугубо негативно – как место намеренного, массового убийства узников с помощью изуверских методов. Поэтому как определение советского пункта содержания обезоруженных солдат и офицеров противника он не может быть использован.

На примере лагерей для спецконтингента, размещенных в Удмуртии, можно заключить, что советский плен являлся трагедией главным образом для тех, кто не хотел освободиться от нацистских взглядов, не желал «работать на русских» или пытался улучшить свое материальное положение за счет товарищей по бараку.

По мнению автора, понятие «трагедия плена», если подразумевать под этим советский плен, излишне абсолютизировано и драматизировано, оно является невыгодным для исторической науки штампом или догмой, поскольку на данную проблему можно смотреть с различных позиций и точек зрения. Для некоторых пленников из армий гитлеровской коалиции, особенно для убежденных русофобов, антисоветчиков и нацистов, это, действительно, можно считать трагедией, которая являлась проявлением их подавленного состояния, униженного положения, полного краха политических убеждений, идеалов, планов и надежд.

⁴⁶³ ЦГА УР. Ф. Р-1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

Но для граждан СССР того времени понятие «советский плен» по известным причинам имело иную окраску. Многих из них факт большого количества пленнх из армий гитлеровского блока, включая японских военнослужащих, конечно, не огорчал, а радовал. Большинство советских граждан считало это положительным отражением мощи Красной Армии, одержавшей Победу в Великой Отечественной войне. Даже тем сердобольным женщинам, которые жалели бывших иностранных солдат, их жизнь на чужбине не казалась трагедией, а лишь фактом, достойным сочувствия. Кроме того, большинство советских граждан рассматривало незавидное положение пленнх справедливым возмездием за массовые убийства, ужасающие зверства, от которых кровь стынет в жилах, совершенные гитлеровцами и их союзниками на оккупированных ими территориях. Во второй половине сороковых годов факты злодеяний немецких фашистов были еще очень свежи в памяти нашего народа, благодаря многочисленным публикациям в прессе, свидетельствам фронтовиков, граждан, переживших оккупацию, а также рассказам вернувшихся на родину репатриантов, в годы войны принудительно угнанных в Германию. Да и сами пленные чувствовали свою вину перед советскими людьми, и поэтому некоторые из бывших солдат вермахта старались объективно подходить к вопросу об их содержании в СССР. В небольшом предисловии к опубликованным в журнале «Нева» воспоминаниям Х. Фрэдerta говорится о том, что автор этих записок «Русским пленом гордится. Как ни силится, не может припомнить ни одного мрачного эпизода из своей девятилетней эпопеи или особо злого русского человека...»⁴⁶⁴. Из этого текста читатель узнаёт также о планах Х. Фрэдerta приехать в Россию и посетить те места, где он жил и работал в 1945–1953 гг.

Анализ автором этого исследования значительного количества архивных документов и воспоминаний очевидцев, относящихся к жизнедеятельности иностранных военнопленнх в СССР в 1941–1956 гг., позволяет сделать вывод о том, что излишняя драматизация в описании положения бывших солдат и

⁴⁶⁴ Фрэдерт Х. Приключения в русском плену // Нева. 1992. № 9. С. 264.

офицеров армий фашистской коалиции, находившихся в Советском Союзе, наносит серьезный ущерб достижению исторической правды.

Поэтому отечественным исследователям нет никакого смысла сгущать краски в отношении советского плена, замечать только негативные черты пребывания обезоруженных иностранных военнослужащих в СССР. Что же касается немецких, итальянских, финских, японских, а также американских или британских историков, то объективное отражение событий, связанных с этой научной проблемой, является делом их научной совести и профессионализма.

Советский плен и система нацистских концлагерей – кардинально отличающиеся друг от друга понятия. И смешивать их было бы серьезной ошибкой. Поэтому выражение «трагедия плена» в полной мере применимо только к системе нацистских концлагерей.

Безусловно, в процессе содержания, медицинского обслуживания и трудового использования иностранных военнопленных в Удмуртии присутствовали моменты, негативно сказывающиеся на их жизнедеятельности. Однако это происходило не в силу определенной политической установки или программы властных структур, а в результате недостатка опыта, организованности, исполнительской дисциплины, ответственности при работе со значительной массой бывших иностранных солдат и офицеров. Много зависело от профессиональной квалификации, уровня образования, интеллектуальных качеств конкретных должностных лиц из начальствующего состава лагерей, рабочих батальонов, спецгоспиталей, а также руководства промышленных предприятий, других организаций, использовавших труд пленных. Субъективный фактор оказывал заметное влияние на положение бывших иностранных военнослужащих. Поэтому не случайно, многие из них в своих воспоминаниях отмечают тот факт, что в различных советских пунктах содержания спецконтингента ситуация не была одинаковой. Она напрямую зависела от того, насколько квалифицированно выполнял свои обязанности руководящий состав того или иного лагеря или предприятия, где трудились бывшие солдаты и офицеры армий гитлеровской коалиции.

Поэтому нельзя рассматривать проблему иностранных военнопленных только с позиций и с мерками сегодняшнего дня, в отрыве от исторического «фона», условий сороковых годов. Не следует механически переносить в прошлое стандарты мышления и анализа, применяемые к оценке современных явлений. Только подход, всецело учитывающий общую политическую и особенно экономическую обстановку в СССР и Удмуртии в 1941–1949 гг., будет объективным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации

1. Ф. 9401. Народный комиссариат (Министерство) внутренних дел СССР.

Российский государственный военный архив

2. Ф. 1п. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД (МВД) СССР (1945–1951).
3. Ф. 55п. Учреждения по делам военнопленных и интернированных МВД Удмуртской АССР.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики

4. Ф. Р-177. Ижевский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
5. Ф. Р-543. Ижевский машиностроительный завод.
6. Ф. Р-551. Совет Министров Удмуртской АССР.
7. Ф. Р-568. Министерство здравоохранения Удмуртской АССР.
8. Ф. Р-785. Воткинский машиностроительный завод.
9. Ф. Р-1081. Ижевское производственное объединение по добыче торфа» («Ижторф»).
10. Ф. Р-1089. Лесозаготовительный трест «Ижлес».
11. Ф. Р-1309. Архитектурно-планировочное управление г. Ижевска.
12. Ф. Р-1321. Строительный трест № 51.
13. Ф. Р-1467. Ижевский металлургический завод.
14. Ф. Р-1862. Личный фонд Л.А. Пантюхина.

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики

15. Ф. 16. Удмуртский обком ВКП(б).
16. Ф. 54. Ижевский горком ВКП(б).
17. Ф. 129. Партийный комитет МВД Удмуртской АССР.
18. Ф. 301. Парторганизации ВКП(б) эвакогоспиталей УАССР.
19. Ф. 439. Октябрьский райком ВКП(б) г. Ижевска.
20. Ф. 724. Воткинский горком ВКП(б).
21. Ф. 756. Якшур-Бодьинский райком ВКП(б).
22. Ф. 806. Парторганизация Пастуховского леспромхоза.
23. Ф. 814. Кизнерский райком ВКП(б).
24. Ф. 1055. Граховский райком ВКП(б).
25. Ф. 2295. Парторганизация торфопредприятия «Дзякино».
26. Ф. 4609. Партком ПО «Чепецкий механический завод.

Управление по делам архивов Администрации МО «Город Воткинск»

27. Ф. 410. Личный фонд З. А. Маймана.

Архивное управление Администрации МО «Город Глазов»

28. Ф. Р-31. Глазовский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.

Архивный отдел Администрации МО «Увинский район»

29. Ф. 49. Увинский поселковый Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
30. Ф. 216. Торфопредприятие «Увинское».

Архивный отдел Администрации МО «Якшур-Бодьинский район»

31. Ф. 175. Пастуховский леспромхоз треста «Ижлес».

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Сборники документов

32. Венгерские военнопленные в СССР: документы 1941–1953 гг. / отв. ред. В. Л. Воронцов и др. – М.: РОССПЭН, 2005. – 543 с.

33. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. / под. ред. С. Майорова. – М.: ОГИЗ, 1946. – 804 с.

34. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. / под. ред. С. Майорова. – М.: ОГИЗ, 1947. – 792 с.

35. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.

36. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 4. / под ред. А. Я. Сухарева и др. – М.: Юридическая литература, 1990. – 672 с.

37. Удмуртия в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Сборник документов / под ред. А. А. Тронина. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 368 с.

1.2.2. Периодическая печать

38. Байсарова, О. В памяти / О. Байсарова // Купол (газета Ижевского электромеханического завода «Купол»). – 2010. – № 3. – 15 февраля. – С. 7.

39. Бускина, Т. Дети, не знавшие вкуса конфет / Т. Бускина // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). – 2010. – 18 мая. – С. 3.

40. Гурьянов, В. В тылу как на фронте / В. Гурьянов // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). – 2010. – 30 марта. – С. 3.

41. Данилова, Н. Дорога местного значения / Н. Данилова // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). – 2010. – 13 апреля. – С. 3.

42. Данилова, Н. Удмуртская «Сибирь» Кацуо Сумида / Н. Данилова // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). – 2005. – 15 марта. – С. 2.

43. Кривошеев, Л. Дети войны / Л. Кривошеев // Сельская новь (газета Граховского района Удмуртской Республики). – 2015. – 10 июня. – С. 3.
44. Лебедев, В. Хлеба, хлеба, хлеба!!! / В. Лебедев // Сельская новь (газета Граховского района Удмуртской Республики). – 2015. – 13 мая. – С. 3.
45. Рылова, Н. Вспоминаю, и самой не верится / Н. Рылова // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). – 2000. – 6 мая. – С. 5.
46. Рылова, Н. Япония – Кизнер – Елабуга / Н. Рылова // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). – 2005. – 30 августа. – С. 3.
47. Семикеева, Т. Встреча с немцами / Т. Семикеева // Сельская новь (газета Граховского района Удмуртской Республики). – 2011. – 22 июня. – С. 3.
48. Федосеева, Ф. В окна и двери стучалась война / Ф. Федосеева // Машиностроитель. – 2001. – № 15. – 26 апреля. – С. 6–7.
49. Фертиков, П. Там, за высоким забором / П. Фертиков // Удмуртская правда. – 2007. – № 93. – 15 августа. – С. 2.
50. Цветухина, М. Мы – вечная память друг друга / М. Цветухина // Известия Удмуртской Республики. – 2003. – 9 октября. – С. 13.
51. Юшков, А. Хлеб Победы / А. Юшков // Новая жизнь (газета Кизнерского района Удмуртской Республики). – 2010. – 13 апреля 2010. – С. 3.
52. Юшкова, Е. В каждом цехе мы любимой Отчизне победу ковали / Е. Юшкова // Увинская газета. – 2015. – 24 марта. – С. 3.

1.2.3. Воспоминания

53. Адам, В. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии / В. Адам. – М.: Прогресс, 1972. – 496 с.
54. Бланк, А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов 1943–1945 / А. С. Бланк. – Вологда: Северо-Западное кн. изд-во, Вологодское отделение, 1963. – 92 с.
55. Бланк, А. С. Прозрение фельдмаршала Паулюса / А. С. Бланк // Волга. 1976. – № 2. – С. 114–151.

56. Бурцев, М. И. Прозрение / М. И. Бурцев. – М.: Воениздат, 1981. – 320 с.
57. Вельц, Г. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта / Г. Вельц. – М.: Мысль, 1965. – 359 с.
58. Гергени, Д. Один из первых / Д. Гергени. – М.: Воениздат, 1970. – 312 с.
59. Мюллер, В. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала / В. Мюллер. – М.: Прогресс, 1964. – 298 с.
60. Пантюхин, Л. А. Воспоминания о В. Е. Майере / Л. А. Пантюхин // Российские немцы: история и современность. Материалы научно-практической конференции 3 декабря 2004 г. Выпуск 5. – Ижевск, 2006. – С. 142–151 .
61. Петерсхаген, Р. Мятежная совесть / Р. Петерсхаген. – М.: Воениздат, 1958. – 278 с.
62. Пузырев, Н. И. Военнопленные генералы. Воспоминания советского офицера / Н. И. Пузырев // Волга. 1981. – № 4. – С. 118–159 .
63. Пузырев, Н. И. Военнопленные генералы. Воспоминания советского офицера / Н. И. Пузырев // Волга. 1981. – № 5. – С. 119–163 .
64. Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М.: Воениздат, 1969. – 328 с.
65. Смирнов, Е. И. Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939–1945 / Е. И. Смирнов. – М.: Медицина, 1976. – 525 с.
66. Фрэдерт, Х. Приключения в русском плену / Х. Фрэдерт // Нева. 1992. – № 9. – С. 264–275.
67. Штейдле, Л. От Волги до Веймара. Мемуары нем. полковника, командира полка 6-й армии Паулюса / Л. Штейдле. – М.: Прогресс, 1973. – 423 с.
68. Sumida, K. Memorias of my father: A journey to Siberia / Sumida K. – Tokyo, 2002.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей

69. Амелин, А. Б. Международно-правовое регулирование военного плена: дис. ...канд. юрид. наук / Амелин Александр Борисович. – М., 1954. – 381 с.

70. Байбородова, М. Н., Томилова, Р. П. Пудем: из века в век, из года в год (исторический очерк). Ч. 2. «20 век» / М. Н. Байбородова, Р. П. Томилова. – Пудем: б.и., 2009. – 181 с.
71. Белоусов, Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 4. / Р. А. Белоусов – М.: ИздАТ, 2004. – 414 с.
72. Бердинских, В. А. Вятлаг / В. А. Бердинских. – Киров: Кировская областная типография, 1998. – 336 с.
73. Беселев, В. Наш ижевский трамвай. Следующая остановка... Презентационная книга, посвященная 70-летию ижевского трамвая / В. Беселев. – Ижевск: Секреты красоты и здоровья, 2005. – 176 с.
74. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия / под ред. М. М. Козлова. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
75. Вичужанин, А. Г. Можга. Городок над Сюгинкой-рекой / А. Г. Вичужанин. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 448 с.
76. Власова, И. В. Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Власова Ирина Вениаминовна. – М., 1994. – 236 с.
77. Войтенко, М. Ф., Грибовская, Г. А. Гуманизм советской военной медицины / М. Ф. Войтенко, Г. А. Грибовская // Военно-медицинский журнал. – 1985. – № 5. – С. 67–72.
78. Всеволодов, В. А. «Срок хранения постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД СССР № 27 / В. А. Всеволодов. – М.: Тип. Моск. изд. дома, 2003. – 272 с.
79. Галицкий, В. П. Вражеские военнопленные в СССР / В. П. Галицкий // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 39–46.
80. Галицкий, В. П. Японские военнопленные в СССР: Правда и домыслы / В. П. Галицкий // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4. – С. 66–78.
81. Галицкий, В. П. Венгерские военнопленные в СССР / В. П. Галицкий // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 10. – С. 44–55.

82. Гинцберг Л. И. Борьба немецких патриотов против фашизма (1939–1945) / Л. И. Гинцберг. – М.: Наука, 1987. – 334 с.
83. Граховский район: Тропую памяти / Автор-составитель М. М. Козлов. – Ижевск: Удмуртия, 2009. – 168 с.
84. Грудина, Е. А. Эвакогоспитали города Глазова / Е. А. Грудина // В едином строю. Очерки. – Ижевск, 2015. – С. 90–94.
85. Гуркин, В. В., Круглов, А. И. Кровавая расплата агрессора / В. В. Гуркин, А. И. Круглов // Военно-исторический журнал. – 1996. – № 3. – С. 29–36.
86. Долголюк, А. А., Маркдорф, Н. М. Репатриация военнопленных Второй мировой войны из сибирских лагерей / А. А. Долголюк, Н. М. Маркдорф // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16. – № 4. – С. 727–762.
87. Дробязко, С., Романько, О., Семенов, К. Иностранцы на службе нацизма: история европейского коллаборационизма / С. Дробязко, О. Романько, К. Семенов – М.: АСТ, 2011. – 830 с.
88. Епифанов, А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект) / А. Е. Епифанов. – Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997. – 216 с.
89. Ерин, М. Е., Баранова, Н. В. Немцы в советском плену (По архивным материалам Ярославской области) / М. Е. Ерин, Н. В. Баранова // Отечественная история. – 1995. – № 6. – С. 133–142.
90. Жангуттин, Б. О. ГУПВИ: Военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1951 гг.) / Б. О. Жангуттин // Отечественная история. – 2008. – № 2. – С. 107–114.
91. Зубарев, С. П. В боях за Родину. О ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии / С. П. Зубарев. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 472 с.
92. Иваницкий, Г. М. К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне / Г. М. Иваницкий // Информационный бюллетень № 18. – М., 1977. – С. 26–35.
93. История Удмуртии: XX век. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. – 544 с.

94. Карасев, С. В. Японские военнопленные на территории Читинской области, 1945–1949 гг.: Проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Карасев Сергей Владимирович. – Иркутск, 2002. – 225 с.

95. Кизнер. Земля живых ключей / сост. Н. И. Рылова. – Ижевск: Удмуртия, 2009. – 256 с.

96. Конасов, В. Б. Гриф секретности снят: к истории немецких военнопленных в СССР / В. Б. Конасов. – Вологда: Изд-во ВГПИ, 1991. – 55 с.

97. Конасов, В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы / В. Б. Конасов. – Вологда: Изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. – 320 с.

98. Конасов, В. Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР: Внешнеполитический аспект проблемы / В. Б. Конасов. – М.: Изд-во института военной истории МО РФ, 1998. – 168 с.

99. Кузнецов, Н. С. Славы воинской творцы / Н. С. Кузнецов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 358 с.

100. Кузнецов, С. И. Японские военнопленные после Второй мировой войны. 1945–1956 гг.: автореф. дис. ...докт. ист. наук: 07.00.02 / Кузнецов Сергей Ильич. – Иркутск, 1994.

101. Кузьминых, А. Л. Положение иностранных военнопленных на Европейском Севере: 1939–1949 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузьминых Александр Леонидович. – Вологда, 2003. – 315 с.

102. Кузьминых, А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.) / А. Л. Кузьминых. – Вологда: Книжное наследие, 2005. – 339 с.

103. Кузьминых, А. Л. Иностранные военнопленные и советские женщины / А. Л. Кузьминых // Отечественная история. – 2008. – № 2. – С. 114–119.

104. Кузьминых, А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис. ...докт. ист. наук: 07.00.02 / Кузьминых Александр Леонидович. – Архангельск, 2014. – 579 с.

105. Кузьминых, А. Л. Спецгоспитали для военнопленных в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период / А. Л. Кузьминых // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – Вологда, 2015. – № 3 (31). – С. 97–102.

106. Кузьминых, А. Л. Особенности организации режима в лагерях для военнопленных НКВД–МВД СССР / А. Л. Кузьминых // В сборнике: Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики материалы Международной научно-практической межведомственной конференции. – Самара, 2016. – С. 354–357.

107. Лагерь на Каме / под ред. Г. Р. Руденко. – Елабуга: б.и., 2007. – 296 с.

108. Ларичкина Ю. А. Иностранцы военнопленные на территории Курской области: 1943–1950.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Ларичкина Юлия Александровна. – Курск, 2006. – 199 с.

109. Левенштейн, О.Г. Военнопленные германской армии в МАССР 1941–1945 гг.: некоторые неизвестные страницы истории / О.Г. Левенштейн // Марийский археографический вестник. – 1999. – № 9. – С. 132–141.

110. Левин, Д. Б. Об уголовной ответственности военнопленных / Д. Б. Левин // Вопросы уголовного права. – 1945. – С. 90–95.

111. Леконцев, П. В. Невольники войны / П. В. Леконцев // Историк и его дело. Серия памяти профессора В.Е. Майера. Выпуск 9. – Ижевск, 2011. – С. 37–47.

112. Макарова, Н. Н. Военнопленные в Магнитогорске: особенности повседневной жизни и стратегии выживания (1945–1950 гг.) / Н. Н. Макарова // Российская история. 2016. – № 6. – С. 83–96.

113. Малясова, Н. Б. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны на территории Чувашской АССР (1942–1949 гг.): состав, размещение и трудовое использование: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Малясова Наталья Борисовна. – Чебоксары, 2012. – 253 с.

114. Марасанов, Р. А., Мельничук, А. Н. Медицинское обеспечение раненых и больных немецких военнопленных в годы Великой Отечественной войны / Р. А. Марасанов, А. Н. Мельничук // Военно-медицинский журнал. – 1981. – № 5. – С. 19–22.

115. Маркдорф, Н. М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Западной Сибири: дис. ...докт. ист. наук: 07.00.02 / Маркдорф Наталья Михайловна. – Новосибирск, 2012. – 589 с.

116. Маркдорф, Н. М. Спецгоспитали для иностранных военнопленных в Западной Сибири / Н. М. Маркдорф // Наука в Сибири. – № 48. – 5 декабря 2013. – С. 11.

117. Москов, Е. Поселок Лынга: история и современность / Е. Москов // Наука Удмуртии. – 2012. – № 1. – С. 62–83.

118. Мотревич, В. П. Учреждения для военнопленных и интернированных в Чкаловской области в 1943–1949 гг. (численность и дислокация) / В. П. Мотревич // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 139–145.

119. Нахапетов, Б. А. Некоторые вопросы истории организации медицинской помощи в советских лагерях для военнопленных / Б. А. Нахапетов // Военно-медицинский журнал. – 1995. – № 3. – С. 71–74.

120. Образцова, Е. В. Ресоциализация немецких военнопленных после возвращения из СССР (1945–1955 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.03 / Образцова Екатерина Васильевна. – Воронеж, 2017.

121. Оганян, Г. С. Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943–1953 гг. (на примерах южных российских регионов): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Оганян Геворк Суренович. – Пятигорск, 2007. – 198 с.

122. Погребной, Н. Г. Деятельность антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Погребной Н. Г. – Киев, 1964. – 311 с.

123. Полянский, Н. Н. Международное правосудие и преступники войны / Н.Н. Полянский. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1945. – 117 с.

124. Пудов, А. И. История увинских деревень / А. И. Пудов. – Ува: Изд. Увинского района, 2000. – 394 с.

125. Ржешевский, О. А., Иваницкий, Н. К. Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР / О. А. Ржешевский, Н. К. Иваницкий // Военно-исторический журнал. – 1978. – № 10. – С. 76–82.

126. Родионов, Н. А. Иностранцы в Вятско-Уральском регионе в XIX–XX вв.: (численность, состав, размещение, проблемы изучения) / Н. А. Родионов // История и культура Волго-Вятского края. – Киров, 1994. – С. 184–186 .

127. Родионов, Н. А. Зарубежные связи Удмуртии. Становление и эволюция. XIX–XX вв. / Н. А. Родионов. – Ижевск: Удм. институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. – 378 с.

128. Родионов, Н. А. Советские немцы-спецпереселенцы и иностранные военнопленные в структуре рабочей силы торфяной промышленности Удмуртии (1920–1950-е гг.) / Н. А. Родионов // Немцы в России: взгляд из провинции. – Киров, 2012. – С. 102–106.

129. Родионов, Н. А. Удмуртская республика. Путь к Победе 1945 года / Н. А. Родионов. – Ижевск: Удм. институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015. – 320 с.

130. Рожкова, Е. К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943–1950 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Рожкова Елена Константиновна. – Оренбург, 2002. – 201 с.

131. Смирнова, Н. Б. Отдельный рабочий батальон военнопленных № 369 (г. Алатырь) / Н. Б. Смирнова // Научные исследования: от теории к практике. – Чебоксары, 2016. – № 3 (9). – С. 31–32.

132. Смирнова, Н. Б. Труд военнопленных в спецгоспитале № 3064 как средство решения кадровой проблемы / Н. Б. Смирнова // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и

документоведения. Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Чебоксары, 2016. – С. 58–60.

133. Спиридонов, М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае, 1945–1948 гг.: Проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Спиридонов Максим Николаевич. – Красноярск, 2001. – 306 с.

134. Суржикова, Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале, 1942–1956 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Суржикова Наталья Викторовна. – Екатеринбург, 2001. – 322 с.

135. Суржикова, Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.) / Н. В. Суржикова. – Екатеринбург: Изд. Гуманитар. университета, 2006. – 499 с.

136. Трайнин, А. Л. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников / А. Л. Трайнин // Война и рабочий класс. – 1944. – № 1. – С. 19–21.

137. Уваров, С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект / С. Н. Уваров. – Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014. – 170 с.

138. Утевский, Б. С. Судебные процессы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР / Б. С. Утевский – М.: Юридическое издательство, 1946. – 60 с.

139. Чалая, Т. П. Румынские добровольцы в Красной Армии. 1943–1945 гг. / Т. П. Чалая // Вопросы истории. – 2011. – № 3. – С. 139–144.

140. Чумакова, А. И. На перекрестке судеб / А. И. Чумакова. – Ижевск: Секреты красоты и здоровья, 2006. – 266 с.

141. Шевченко, А. М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии / А. М. Шевченко // Ежегодник германской истории. 1973. – М.: Наука, 1974. – С. 75–89.

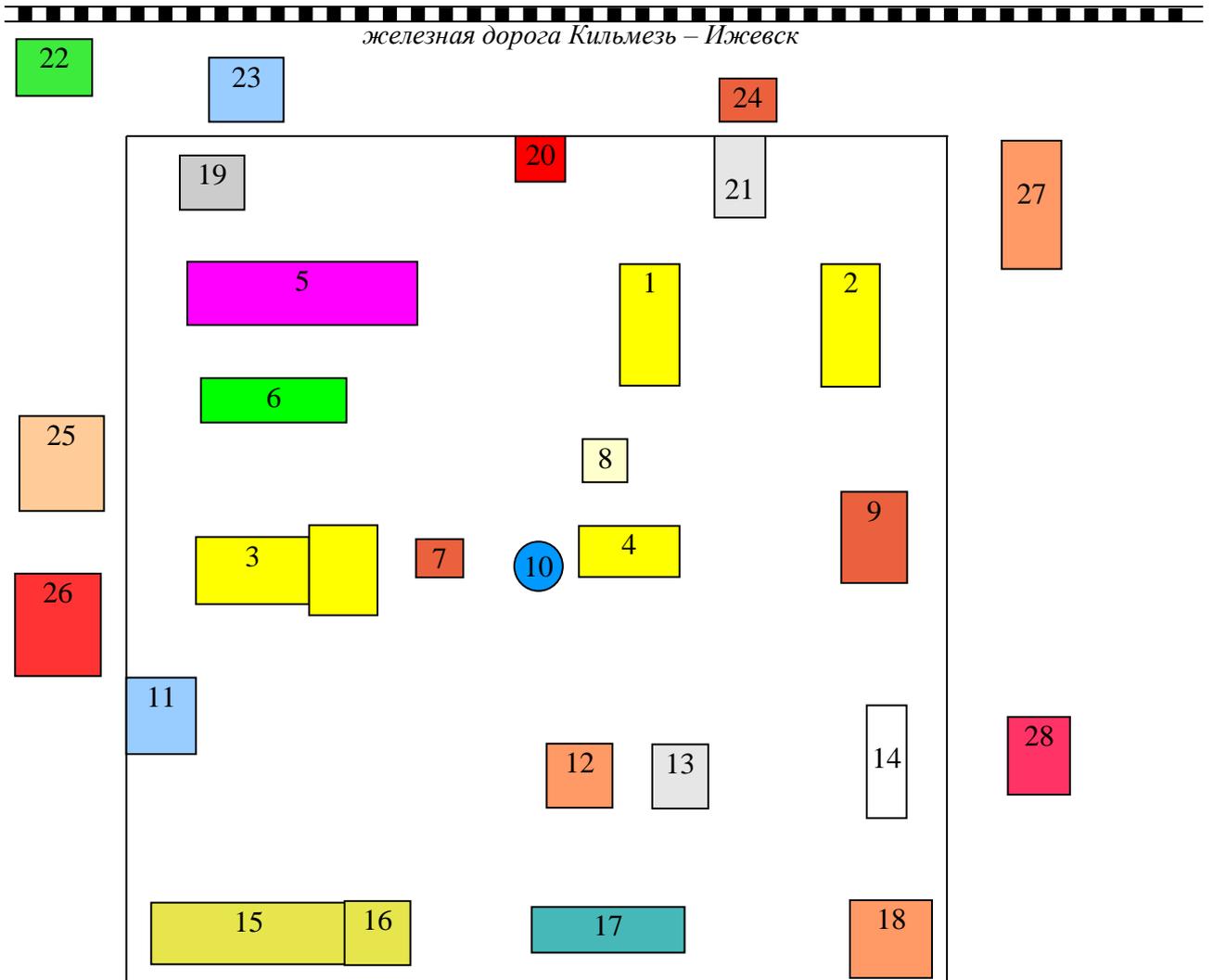
142. Шепталин, А. А. Немцы в Удмуртии (Историко-демографические очерки) / А. А. Шепталин. – Ижевск: б.и., 1993. – 68 с.

143. Шубин, Л. Л., Шабардин, А. М. История работы эвакогоспиталя для военнопленных в г. Можга / Л.Л. Шубин, А.М. Шабардин // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 174–178 .
144. Якшур-Бодья – сердцу милый уголок / сост. В.Н. Иванова. – Ижевск: б.и., 1999. – 343 с.
145. Bährens, K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion / Bährens K. – München, 1965. – 574 s.
146. Böhme, K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand / Böhme K. – München, 1966. – 474 s.
147. Blank, A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR / Blank A. – Köln, 1979. – 250 s.
148. Fleischhacher, H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand / Fleischhacher H. – München, 1965. – 560 s.
149. Maschke, E. Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Eine Zusammenfassung / Maschke E. – München, 1974. – 192 s.
150. Myers, A. The archaeology of reform at a German prisoner of war camp in a Canadian National Park during the Second world war (1943–1945): a dissertation submitted to the department of anthropology and the committee on graduate studies of Stanford university for the degree of doctor of philosophy / Myers A. – 2013. – 287 p.
151. Niglia, F. A neglected story German prisoners of war in Italy (1945–1947) / Niglia F. // Journal of Military and Strategic Studies. – Vol. 14. – Issue 1. – fall 2011. – pp. 1–14.
152. Nolte, H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941: Text und Dokumentation / Nolte H. – Hannover, 1991. – 196 s.
153. Ratza, W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion / Ratza W. – München, 1973. – 384 s.
154. Schwarz, W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben / Schwarz W. – München, 1969. – 231 s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Схема 1-го отделения лагеря № 75 в пос. Рябово (2-я пол. 1946 г.)

1, 2, 3, 4 – жилые корпуса

5 – лазарет

6 – кухня

7 – ларек

8 – павильон

9 – дезокамера

10 – колодцы

11 – склад белья

12 – баня для сотрудников администрации лагеря, конвоя и вольнонаемных

13 – палатки ширпотреба

14 – гладильная

15 – мастерские ширпотреба

16 – кузница

17 – уборная

18 – баня и прачечная для военнопленных

19 – гараж

20 – проходная

21 – палатки вспомогательной команды

22 – овощехранилище

23 – склад

24 – помещение для вахткоманды

25 – оперативный отдел

26 – штаб лагеря

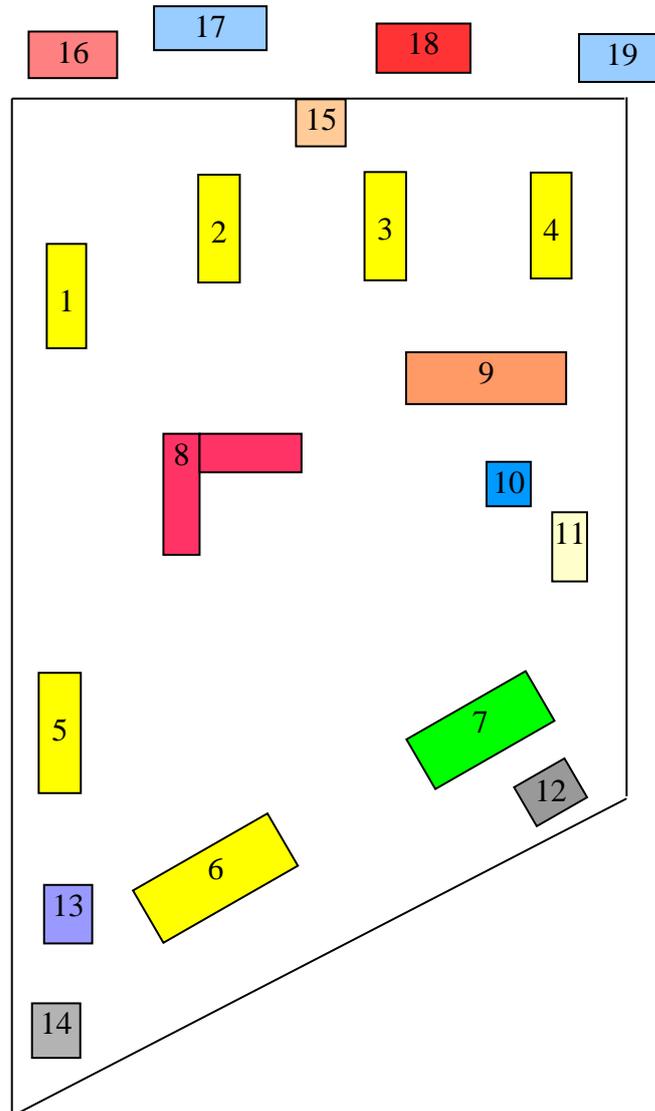
27 – конный двор

28 – электростанция

Источник: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 106. Л. 8.

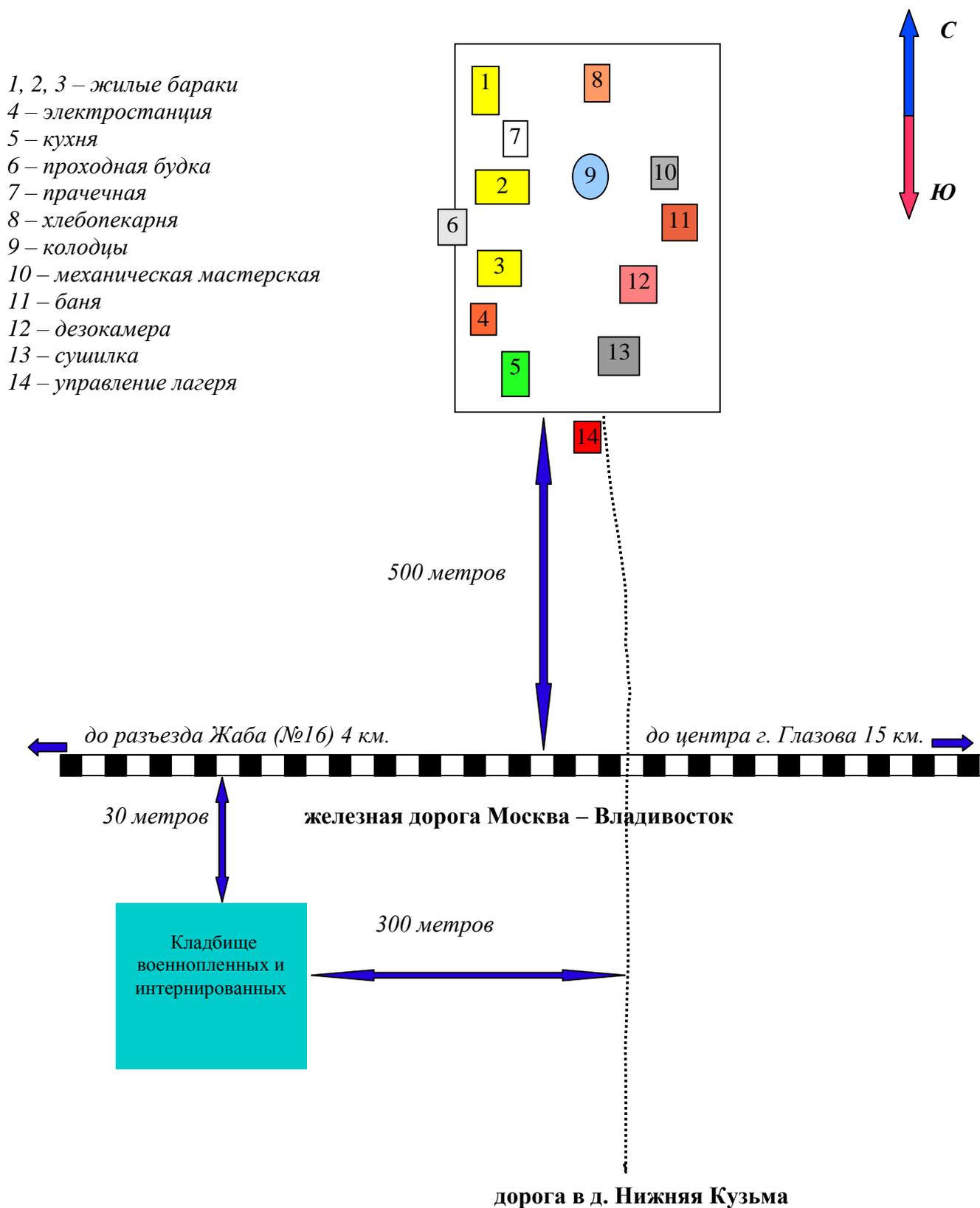
Схема размещения 1-го отделения лагеря № 371 в г. Ижевске (2-я пол. 1946 г.)

Клубный переулок

1, 2, 3, 4, 5, 6, – жилые бараки	13 – уборная
7 – лазарет	14 – гараж
8 – кухня	15 – проходная будка
9 – баня-прачечная	16 – общежитие вахткоманды
10 – котельная	17, 19 – склады
11 – дезокамера	18 – штаб управления лагеря
12 – карцер	

Схема размещения лагеря № 510 в Глазовском районе Удмуртии (1945 г.)

Приложение 5

Здание на ул. Орджоникидзе в г. Ижевске, построенное в 1947–1948 гг. при активном участии военнопленных. Фото из личного архива Д. В. Перевощикова. 2017 г.

Приложение 6

Сохранившийся барак в пос. Рябово, где до октября 1947 г. размещались военнопленные. Фото из личного архива Д. В. Перовощикова. 2017 г.

Кладбище военнопленных из 3-го отделения лагеря № 371 в районе пос. Лынга.
Фото из личного архива Д. В. Перовощикова. 2017 г.

Часть бывшей территории дислокации лагеря № 155 в Увинском районе. Фото из личного архива Д. В. Перевощикова. 2017 г.

Здание школы № 4 в г. Можге, где в 1943–1949 гг. был развернут спецгоспиталь № 3888. Фото из личного архива Д. В. Перевощикова. 2017 г.

Здание в г. Глазове, где в 1944–1948 гг. размещался спецгоспиталь № 3779. Фото из личного архива Д. В. Перевощикова. 2017 г.

Приложение 11

Деревянная шкатулка, изготовленная немецким военнопленным, находившемся на лечении в спецгоспитале № 3888 (г. Можга). Фото из личного архива Д. В. Перевощикова. 2016 г.

Почтовая карточка военнопленного. Отправлена из СССР в Венгрию в марте 1947 г. Фото из личного архива Д. В. Перовошикова. 2016 г.

СОЮЗ ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА и КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА
СССР

Почтовая карточка военнопленного Бесплатно
Francs de port
Carte postale du prisonnier de guerre

Кому (Destinataire) DR. HARMAT JENŐNÉ-NEK

Куда (Adresse) MAGYARORSZÁG - FEJÉR MEGYE
(србана, город, улица, № дома, округ, село, деревня)
ERD. ALSÓ-ÚTCA 70. sz. m.

Отправитель (Expéditeur) DR. HARMAT JENŐ
Фамилия и имя военнопленного
Nom du prisonnier de guerre SSSR. MOSZKVA.
KÖRÖSKERESZT.

Почтовый адрес военнопленного
Adresse du prisonnier de guerre POSTAFIÓK. 145/1.